

Министерство образования Российской Федерации
Новосибирский государственный педагогический университет

Ю.В. Фоменко

ОЧЕРКИ ПО ЛЕКСИКОЛОГИИ

Новосибирск 2004

УДК 482-3+413

ББК 81. 411 2-3

Ф-761

Рецензенты:

кафедра русского языка Омского государственного университета;

кафедра общего и исторического языкознания

Новосибирского государственного педагогического университета

Фоменко Ю. В.

Ф-761 Очерки по лексикологии: Монография. – Новосибирск: Изд. НГПУ,
2004. 160 с.
ISBN 5-85921-479-0

Очерки по лексикологии содержат подробную характеристику важнейшей единицы языка – слова. Анализируются компоненты содержания слова (лексическое значение, грамматические значения, эмоционально-оценочный и стилистический компоненты) и его форма, соотношение лексического значения и понятия, многозначность и типы лексических значений, формы и варианты слова, правила семантического согласования, проблема «слово и контекст» и др.

«Очерки по лексикологии» адресуются научным работникам, вузовским преподавателям, аспирантам, учителям-словесникам, студентам-филологам.

Работа издается в авторской редакции.

УДК 482-3+413

ББК 81.411.2-3

ISBN 5-85921-479-0

© Фоменко Ю. В., 2004-04-06

Содержание

Введение	4
Слово как основная единица языка	4
Глава I. План содержания слова	6
1. Лексическое значение	6
2. Полисемия	26
3. Типы лексических значений	36
4. Грамматическое значение	47
5. Эмоционально-оценочный компонент	52
6. Стилистический компонент	53
Глава 2. План выражения слова	55
1. Форма слова	55
2. Грамматические формы слова	56
3. Варианты слова	58
4. Способы выражения компонентов содержания слова	61
Глава III. Слова-сорняки в современной русской речи	68
Глава IV. О правилах семантического согласования	72
Глава V. Слово и лексический контекст	88
Глава VI. Слово и синтаксический контекст (о характере связи синтаксиса с лексической семантикой)	99
Глава VII. О «фонетическом значении»	107
Заключение	116
Использованная литература	118

Введение

Человеческий язык – это язык слов. Иначе говоря, слово является основной единицей языка, единицей языка в собственном смысле этого термина. Описанию слова в русском языке и посвящены настоящие «Очерки по лексикологии».

Они содержат достаточно подробную характеристику всех компонентов содержания слова: лексического и грамматических значений, эмоционально-оценочного и стилистического компонентов, а также способов их выражения. Рассматривается вопрос о соотношении лексического значения и понятия, проблема многозначности, типы лексических значений, формы и варианты слова, правила семантического согласования, слова-сорняки, характер связи слова и контекста, подвергается резкой критике ложное понятие «фонетического значения».

Автор стремился учесть всю имеющуюся литературу, отразить все многообразие точек зрения и сформулировать свое понимание рассмотренных в книге вопросов, а также придать изложению проблемный, полемический характер.

Слово как основная единица языка

Какова структура языка? Сколько единиц входит в язык – одна или несколько?

По традиции к числу единиц языка относят фонему, морфему, слово, фразеологический оборот, часто – предложение, а также синтаксическое (свободное) словосочетание. Под понятие единицы языка нередко подводят дифференциальный признак фонемы, слог, основу, даже абзац, контекст и интонацию. Но одинаков ли их лингвистический статус, т.е. место в системе, функциональная природа? Правомерно ли объединять их одним, общим названием *единица языка*? На наш взгляд, нет. Применение термина *единица языка* по отношению к самым разным лингвистическим фактам и их свойствам мешает исследователю и учащемуся получить точное представление об устройстве языка. Кроме понятия единицы, в описании языка целесообразно использовать еще понятия элемента и комбинации единиц. Элемент — это составная часть какого-либо целого, единица – основной элемент, а комбинация единиц это свободное и временное соединение единиц, не образующее новую, сложную единицу. Понятно, что единица любого множества должна нести в себе все основные признаки этого множества. С этой точки зрения

единицей языка следует считать слово¹ (а также эквивалентный ему фразеологический оборот – сращение и единство), обладающее признаками субстанциональности (материальности), дискретности (прерывности, членораздельности, выделяемости, непересекаемости), линейности (протяженности), неоднородности (разнокачественности), иерархичности (предполагающей вхождение менее сложных языковых объектов в состав более сложных), воспроизводимости (которая означает регулярное использование элемента как готового, заранее данного образования), цельности (неделимости), двусторонности (которая означает наличие у слова формы и содержания, внешней и внутренней сторон), номинативное (т.е. способности обозначать, называть отдельные объекты) и самостоятельности (т.е. способности самостоятельно употребляться в естественной речи). Фонема, лишенная признаков двусторонности, номинативности и самостоятельности, и морфема, лишенная признаков номинативности и самостоятельности, имеют статус элементов языка (строительного материала для слов), а предложение (конкретная фраза), лишенное признака воспроизводимости, – это комбинация единиц, выполняющая коммуникативную функцию².

¹ В лингвистической литературе слово обычно называют основной единицей языка. Это определение не вызывает принципиальных возражений, но, как кажется, не является вполне точным, поскольку предполагает наличие в языке множества единиц (типов единиц).

² Более подробно об этом говорится в следующих работах: [Фоменко 1979], [Фоменко 1990], [Фоменко 1991].

Глава I. План содержания слова

Слово называют двусторонней единицей языка, потому что оно имеет две стороны – внутреннюю и внешнюю, содержание и форму.

Содержание слова включает в себя 4 компонента: лексическое значение (которое часто называют просто значением), грамматические значения, эмоционально-оценочный и стилистический компоненты. Последовательно рассмотрим их.

I. Лексическое значение

Лексическое значение является важнейшей частью содержания слова. «Проблема значения принадлежит, несомненно, к наиболее важным и наиболее интересным в философском отношении проблемам эпохи», – говорит А. Шафф [Шафф 1963: 222].

Разнообразные концепции значения, существующие в современной лингвистике, можно свести к двум основным – структуральной (релятивистской) и отражательной (субстанциональной). Если представить эти концепции в виде кратких формул, то они получат следующий вид:

1. Значение есть отношение,
2. Значение есть отражение (идеальный образ предмета³).

Первая концепция значения представлена несколькими точками зрения, а именно:

- 1) значение есть отношение между словами,
- 2) значение есть отношение звукокомплекса к предмету,
- 3) значение есть отношение звукокомплекса к понятию,
- 4) значение есть отношение образа звукокомплекса к образу предмета.

Первая точка зрения восходит к Ф. де Соссюру и отражена в его термине *значимость (ценность)*. Этот термин используется Соссюром как коррелят термина *значение*. Значение слова – это понятие, которое им выражается [Соссюр 1977: 148], а значимость – соотношение слова с другими словами языка, его отличие от них [Соссюр 1977: 149]. Понятие значимости Соссюр иллюстрирует тремя французскими синонимами со значением «опасаться», «бояться», «испытывать страх». Если бы, говорит Соссюр, не существовало первого синонима, «то все его содержание перешло бы к его конкурентам» [Соссюр 1977: 148]. «В языке, как и во всякой семиологической системе, то, что отличает один знак от

³ Под предметом мы будем понимать «всякое конкретное материальное явление, воспринимаемое органами чувств как нечто существующее особо» [Словарь, 111, 501], т.е. то, что обозначается не только существительными, но и глаголами, и прилагательными, и другими частями речи.

других, и есть все то, что его составляет. Различие создает отличительное свойство, оно же создает значимость и единицу» [Соссюр 1977: 154]. «...В языке нет ничего, кроме различий» [Соссюр 1977: 152; выделено Ф. де Соссюром. — Ю.Ф.].

Эту мысль Соссюра развивают многие современные лингвисты. Например, Ю.Д. Апресян пишет: «Каждый языковой знак, а следовательно, означающее и означаемое существуют не сами по себе, а исключительно в силу своего противопоставления другим единицам того же порядка. В языке нет ничего, кроме противопоставлений» [Апресян 1966: 30-31]. «В настоящее время, — утверждает Д.Н. Шмелев, — никто из лингвистов не сомневается в том, что каждая единица языка получает свое собственное лингвистическое значение благодаря соотнесенности с некоторыми другими единицами» [Шмелев 1965: 290; см. также: Васильев 1972: 48; Гак 1971: 87].

Какие аргументы можно противопоставить этим высказываниям?

Во-первых, различие существует только на фоне сходства. Они предполагают друг друга и невозможны друг без друга. Это признает и сам Соссюр, привязывая понятие значимости к явлению синонимии. Синонимы — это слова с близкими (сходными), но различающимися значениями. Чтобы осмыслить различительные признаки синонимов, нужно осмыслить признаки их сходства. Но из этого следует, что обсуждаемый тезис Соссюра («...В языке нет ничего, кроме различий») не может быть признан верным.

Во-вторых, чтобы овладеть значениями слов, совершенно недостаточно информации о том, что они каким-то образом противопоставлены друг другу. Что даст изучающему язык указание на то, что, например, немецкие слова *Fisch* и *Tisch* различаются по значению? Любой звукокомплекс в этом случае окажется полностью лишенным положительного содержания. Владеть значением — значит знать, наименованием какого объекта (денотата) является слово. Чтобы овладеть значением, нужно хотя бы раз воспринять обозначаемый словом предмет. Конечно, представление о значении того или иного слова (особенно если оно обозначает отвлеченный предмет, не воспринимаемый органами чувств) мы можем составить и по его толкованию, и по окружению (контексту), но эта информация о лексическом значении вторична и не отменяет общего правила: люди овладевают языковыми значениями в процессе познания внеязыковой действительности, предметного мира. О.С. Ахманова пишет: «Если, например, слепой от рождения никогда не видал ни мела, ни молока, ни снега, ни вообще каких-либо белых предметов, значение слова «белый» никогда для него по-настоящему не раскроется» [Ахманова 1961: 22]. «Совершенно ясно, — соглашается Д.Н. Шмелев, что значение слова не может быть определено безотноси-

тельно к тому предмету или явлению, для обозначения которого это слово используется» [Шмелев 1964: 6].

Ни один звукокомплекс не получал значения благодаря введению его в ту или иную лексическую макро- или микросистему. Этого не было и этого не может быть. Звукокомплекс получает значение благодаря его соотнесению с тем или иным предметом, познанным человеком. Ведь слово – это знак предмета. Предмет первичен, слово (название) вторично. Если мы примем критикуемую точку зрения, то нам придется признать, что предмет вторичен и возникает как следствие возникновения названия. Понятно, что этот вывод неприемлем. Следовательно, неприемлема и посылка. «Чистое» знание о месте слова в системе слов не может дать никакого представления о значении слова⁴.

Подтвердим наши рассуждения конкретным примером. Недавно во все языки мира стремительно ворвалось пугающее слово СПИД. Это слово является названием недавно обнаруженной (или появившейся) болезни «синдрома приобретенного иммунодефицита». Каким же образом звукокомплекс СПИД получил свое значение? Благодаря вхождению в систему (лексическую микросистему «наименования болезней»)? Нет. Сначала должен был появиться обозначаемый этим словом предмет – упомянутая болезнь. Более или менее изучив эту болезнь, получив о ней некоторое представление (понятие), специалисты нашли для нее соответствующее обозначение. Таким образом, мы подтвердили гипотезу о том, что значение слова определяется не местом слова в системе, а внеязыковой действительностью, характером обозначаемого предмета.

Изолированные слова тоже имеют значение. Можно сообщить русскому ребенку значение немецкого слова *Mutti*, и он запомнит его, сможет при случае пустить в ход.

В-третьих, тезис «Значение есть отношение между словами» противоречит философскому пониманию диалектики вещей и отношений. К. Маркс писал: «... Свойства данной вещи не возникают из ее отношения к другим вещам, а лишь обнаруживаются в таком отношении» [Маркс, Энгельс т. 23: 67]. Известно, что любые отношения сущест-

⁴ Некоторые возражают: «Если нам сообщат, что некое слово *куздра* входит в одну тематическую группу со словами *волк*, *медведь*, *лиса*, то мы догадаемся, что *куздра* – это название животного». Это верно. Но ведь представление о значении слова *куздра* мы получили не благодаря «чистому», «стерильному» знанию о месте слова в языке (в той или иной микро- и макро-группе), а благодаря прямой информации о том, что слово *куздра*, как и слова *волк*, *медведь*, *лиса*, – название животного. Иначе говоря, нам прямо предъявлена семантическая тема микрогруппы «животные» (или «дикие животные»). Еще важнее то, что нам предъявлена информация об интегральной семе группы и, следовательно, слова *куздра*, но мы не можем сделать вывод о дифференциальных семах слова *куздра*, т.е. об отличительных признаках этого. Между тем для Соссюра и современных структуралистов различие есть главное или даже все. Таким образом, мы действительно имеем право утверждать, что «чистое» знание о месте слова в системе языка не дает никакого представления о значении слова.

вуют как отношения вещей. Следовательно, вещи первичны, а отношения вторичны [см.: Свидерский 1962: 35 – 36; Мельничук 1970: 62]. «... Значения не выводимы из отношений. Но зато отношения выводимы из значений» [Абаев 1973: 528]. «Тот факт, что отношения существуют между единицами («вещами»), а их характер определяется свойствами единиц, свидетельствует как о том, что возникновение отношений невозможно до возникновения самой единицы («вещи»), так и о том, что отношения являются атрибутом структуры. Из этого также вытекает, что не пересечение отношений порождает элементы и, следовательно, не элементы вторичны, а само пересечение отношений в данной единице зависит от ее свойств, и, следовательно, оно вторично, а единицы первичны» [Щур 1964: 25-26]. «В отличие от других семиотических объектов, где значимость элемента определяется его местом в системе, в языке сами свойства элемента определяют его место в системе» (Щур 1971:42; см. также: Щур 1974: 152 и др.).

Возражая против абсолютизации принципа системности, Ф.П. Филин замечает: «Это верно, что языковые явления взаимосвязаны и составляют макро- и микросистемы, которые нередко создают сложные переплетения. Однако неверно полагать, что системные отношения, связи являются в структуре языка главными или даже всем, а сами явления языка, их материальные субстанции – это нечто второстепенное или даже ничто ...» [Филин 1977: 10].

«По Соссюру, понятия (значения) формируются системой, для нас они, – говорит В.М. Солнцев, – результат отражательной (познавательной) деятельности людей» [Солнцев 1977: 124; см. также: Будагов 1963: 20; Гак 1971:95].

«Практика лингвистических исследований и опыт машинного перевода показали, – пишет В.З. Панфилов, – что языковое значение невозможно определить не только на основе учета синтагматических связей, но и всей совокупности системных связей соответствующих языковых единиц и что, следовательно, идеальная сторона языковой единицы не может рассматриваться только как продукт ее отношений с другими языковыми единицами» [Панфилов 1975: 35].

Общепризнанным является тезис о том, что лексическое значение имеет отражательную природу. Но это как раз и означает, что оно определяется предметным миром, а не системой языка. Например, слова *собака* и *пес*, *собака* и *лает* получают свои значения не потому, что соотнесены друг с другом, а потому, что имеют определенные корреляты во внеязыковой действительности. Значения этих слов, в свою очередь, определяют их отношения, их место в системе. Иначе говоря, отношения слов не обуславливают значения, а обуславливаются ими.

Значимость является по отношению к значению величиной вторичной, производной. «Для системы языка значение единицы выступает как ее системообразующее свойство, значимость – как системоприобретенное свойство» [Солнцев 1977: 24; см. также: Слюсарева 1968: 68; Панфилов 1975: 36; Будагов 1974: 9-10; Щур 1974: 152 и след.; Щур 1971: 42]. Место в системе есть не причина, а следствие того, что данная единица обладает определенным набором признаков. Например, слово *кондуктор* в значении «работник городского транспорта, сопровождающий трамвай, автобус, троллейбус, продающий проездные билеты, наблюдающий за посадкой пассажиров и т.п.» входит в группу слов – наименований лиц по профессии, а в значении «приспособление в станках, придающее правильное взаимное положение инструменту и обрабатываемому изделию» – в группу слов – наименований деталей машин и механизмов.

В чем проявляется «давление системы», т.е. «значимость» языковой единицы – слова? Оно проявляется не в характере, не в природе информации, которую несут взаимодействующие слова, а в объеме этой информации, в определении семантических границ слов. Слова одного поля, участвуя в сегментации какого-либо участка экстралингвистической действительности, распределяют между собой его фрагменты. Чем больше слов, покрывающих данное понятийное поле, тем уже их значения, и наоборот. Так различаются, например, *blau* в немецком языке и *синий/голубой* в русском; *waschen* в немецком языке и *стирать/мыть* в русском; *рука* в русском языке и *Hand/Arm* в немецком. Можно сказать, что внеязыковая действительность (и сознание) определяет качество значения, а система языка – его «количество».

В-четвертых, отношение – это не «вещь», имеющая объем, состав и структуру, а линия, лишенная указанных признаков. Если значение – это отношение, то оно тоже должно представлять собой линию, лишенную объема, состава и структуры. Но в этом случае значение не могло бы подвергаться лексикографической обработке, не могло бы быть интерпретировано как совокупность сем. Если же это не так, значит, понимать значение как отношение нельзя.

Некоторые лингвисты (Е.М. Галкина-Федорук, А.С. Чикобава, А.В. Калинин и др.) определяют значение как отношение звукокомплекса к предмету⁵. Проверим эту гипотезу логически и эмпирически.

⁵ «Под лексическим значением следует понимать соотношение и связь звукового комплекса и обозначенного им предмета, явления, процесса, качества и т.д.» [Галкина-Федорук 1957: 16] Двумя строчками ниже Е.М. Галкина-Федорук определяет лексическое значение уже как соотношение звукового комплекса и понятия. «Значение слова – это его соотношенность, связь с определенными явлениями действительности» [Калинин 1979: 9; выделено А.В. Калинин. – Ю.Ф.].

Легко понять, что звуковой комплекс в прямой связи с предметом состоять не может. Эти феномены могут быть связаны друг с другом только в человеческом сознании [см.: Кацнельсон 1965: 35].

А.И. Смирницкий справедливо заметил, что если бы лексическое значение было связью слова (звукокомплекса) с предметом, то все слова имели бы одно значение, ибо они одинаково относятся к предметам [Смирницкий 1955:82].

Если бы, наконец, значение было отношением, то не было бы возможно содержательное толкование слова, его компонентный анализ.

Таким образом, значение нельзя определять как отношение звукокомплекса к предмету.

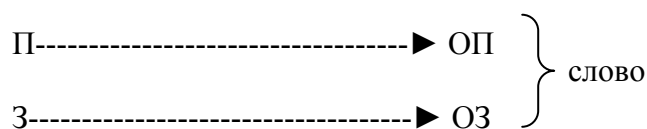
Нельзя согласиться и с формулой «Значение есть отношение звукокомплекса к понятию» [см., напр.: Будагов 1955: 13]. Во-первых, звукокомплекс как физическое образование и понятие как идеальное образование лежат в разных плоскостях и непосредственно друг с другом не связаны. Можно было бы лишь говорить о связи понятия и мыслительного образа звукокомплекса. Во-вторых, интерпретация значения как отношения опровергается лексикографической практикой, тысячекратно подтвердившей и подтверждающей мысль о том, что значение есть не отношение вещей, а вещь, субстанция, сложное мыслительное образование.

Точно так же приходится отвергнуть и тезис «Значение есть отношение образа звукокомплекса к образу предмета». Эта связь действительно имеет место, но если приравнять значение к отношению, то такое «значение», как мы уже отмечали, оказывается лишенным содержания и одинаковым для всех слов.

Таким образом, концепцию значения как отношения приходится признать ложной.

Перейдем к анализу второй основной концепции значения – «Значение есть отражение (идеальный образ предмета)».

Согласно этой концепции, которую называют отражательной, значение есть отражение предмета в человеческом сознании, есть идеальный образ предмета (ассоциированный с образом звукокомплекса). Эту концепцию можно представить в виде следующей схемы:

(где П – предмет, ОП – образ предмета, З – звучание, а ОЗ – образ звучания).

Как видно из схемы, слово на уровне языка (в языковом сознании) есть единство предметного и акустического образов. Слово же на уровне речи (в акте говорения) – это звукоряд, сам по себе не несущий значение, т.е. односторонняя физическая (акустическая) сущность. Значение локализуется в голове и никогда не покидает ее.

Итак, значение есть отражение (идеальный образ, слепок, отпечаток) предмета в человеческом сознании. Значение есть квант информации, знание о мире. «... Языковые значения представляют собой отчужденное мышление. Возникнув в ходе исторического развития, значения единиц языка превратились в типовые знания, известные всем говорящим на данном языке и используемые как средство оформления и передачи конкретной мысли» [Кодухов 1974: 162]. «... В значениях представлена преобразованная и свернутая в материи языка идеальная форма существования предметного мира...» [Леонтьев А.Н. 1977: 141]. Эту отражательную концепцию значения разделяет подавляющее большинство отечественных лингвистов.

Интерпретация значения как гносеологического образа предмета ставит перед нами вопрос о его соотношении с понятием. Возможны три решения этого вопроса: 1) значение не равно понятию, 2) значение равно научному понятию и 3) значение равно бытовому понятию.

Рассмотрим первую точку зрения. Вспомним, что понятие — это форма мышления, отражающая общие и существенные признаки предмета (класса однородных предметов). Таким образом, и значения, и понятия имеют отражательную природу. Если теперь согласиться, что значение не равно понятию, то придется сделать вывод, что в человеческом сознании сосуществуют два ряда отражений предметов внешнего мира — значения и понятия. Но возможно ли, чтобы в одном зеркале предмет отражался дважды? Если один мир, то единым должно быть и его отражение в сознании. Этот вывод подтверждает каждодневная человеческая практика. Ни один физиолог, психолог и психолингвист не придерживается мнения о наличии двойного отражения мира в человеческом сознании. Значит, анализируемая точка зрения неверна.

Согласно второй точке зрения, значение равно научному понятию, совпадает с ним (Ф. Травничек, П.С. Попов, Г.В. Колшанский и нек. др.). Если, однако, мы примем эту точку зрения, то нам придется рассматривать язык как хранилище всей суммы знаний, накопленных обществом. В этом случае человек, владея языком, владел бы всей громадой человеческих знаний. Поскольку это не так, делаем вывод, что отождествление значения и научного понятия неправомерно.

Согласно третьей точке зрения, выдвинутой А. А. Потебней, значение равно бытовому понятию. Если научное понятие включает в себя все знания о предмете, то бытовое понятие – минимум этих знаний, не-

обходимый для выделения и распознавания предмета. Бытовое понятие является частью, ядром научного [см.: Кацнельсон 1965: 19]. Например, научное понятие *шимпанзе* включает в себя следующую информацию: «...род крупных человекообразных обезьян. Длина тела до 95 см; масса самцов 50-80 кг. 2 вида: обыкновенный и карликовый Ш. Обитают в лесах и в открытых ландшафтах Экв. Африки. Держатся группами обычно до 20 особей. Кочуют даже при изобилии корма. На ночь строят на деревьях сложные гнезда. Эмоциональны, общительны и любопытны. Широко используются как лабораторные животные (в неволе легко приживаются и размножаются). Живут, по-видимому, около 40 лет. По многим генетическим и биохимическим показателям Ш. ближе к человеку, чем другие обезьяны. В условиях опыта способны решать сложные задачи, обучаться словам-жестам (несколько десятков знаков), которыми вполне сознательно пользуются. Численность в природе сокращается, оба вида под угрозой исчезновения» [Унив. энц. сл. 1999: 1474]. В бытовое же понятие *шимпанзе* войдут лишь признаки «человскообразная обезьяна, обитающая в лесах тропической Африки» [Словарь IV: 977]. Иногда разница между бытовым и научным понятиями бывает качественной. Так, бытовое понятие «теплый» – «который греет», а научное «который сохраняет тепло». Еще: «(Солнце) зашло, село, взошло, поднялось». Толковые словари толкуют бытовые понятия (значения слов), а энциклопедические – понятия научные.

И понятие, и значение, – пишет С.Т. Зуев, – это «минимум информации об отличительных признаках предмета» [Зуев 1976: 25]. Разница между ними заключается в том, что «значение есть мысль об отличительных признаках предмета по отношению к звукосочетанию слова», а понятие «есть мысль об отличительных признаках предмета по отношению к предмету реального мира» [Зуев 1976: 26]. Их абсолютные признаки совпадают, относительные различаются.

«Слова, – говорит С.Д. Кацнельсон, – так же относятся к содержательным (научным. – Ю.Ф.) понятиям, как библиотечная картотека — к содержанию зарегистрированных в ней книг» [Кацнельсон 1965: 25]. «Содержательные понятия, – продолжает он, – у разных людей могут оказаться различными в силу различий индивидуального опыта, уровня образования, самостоятельности мысли, творческой одаренности и т.д. Что же касается формальных (бытовых. – Ю.Ф.) понятий, образующих содержание слов, то в принципе они должны быть одинаковы у всех членов данной языковой общности» [Кацнельсон 1965: 23].

«Но если значение слова, – ставит вопрос С.Д. Кацнельсон, – выражает лишь формальное (бытовое. – Ю.Ф.) понятие, т.е. лишь часть, самую общую часть его содержания, то как быть с остальной частью? Разве она не может быть передана» [Кацнельсон 1965: 24] словом? Мо-

жет, но не одним словом, а их комбинацией (группой слов, предложением, цепочкой предложений, целым текстом).

В последние годы широкое распространение получил термин *концепт*. Что стоит за этим термином?

«Термин «концепт», — пишет С.С. Неретина, — введен в философию Абеляром...» [Нов. филос. энци. 2001: 306]. «Концепт, в отличие от формы «схватывания» в понятии (*intellectus*), которое связано с формами рассудка (? – Ю.Ф.), есть производное возвышенного духа (ума), который способен творчески воспроизводить, или собирать (*conspicere*) смыслы и помыслы (? – Ю.Ф.) как универсальное (? – Ю.Ф.), представляющее собой связь вещей и речей (?! – Ю.Ф.), и который включает в себя рассудок как свою часть. Концепт как высказывающая речь (?! – Ю.Ф.), таким образом (? – Ю.Ф.), не тождествен понятию» (там же). «Начиная с 14 в., с возникновением онтологического предположения (? – Ю.Ф.) об однозначности бытия..., идея концепта стала исчезать. В Новое время, характеризующееся научным способом познания, концепт полностью был замещен понятием как наиболее адекватным постижением истинности вещи...» [Нов. филос. энци. 2001: 307]. «...Терминологически концепт от понятия трудно отличим, становясь двусмысленным термином» [Нов. филос. энци. 2001: 307; выделено мною. – Ю.Ф.].

На русской почве термин *концепт* был впервые употреблен в 1928 г. С.А. Аскольдовым-Алексеевым. Однако регулярно этот термин стал использоваться гораздо позднее, в 80-е годы, возможно, под влиянием часто встречавшегося в переводах англоязычных авторов прилагательного *концептуальный* (имеющего значение «понятийный», «семантический», «смысловой», «значимый», «ментальный»). Сначала этот термин использовался как дублет слова *понятие*. Например, Н. Д. Арутюнова в 1982 году писала: «Логике и лингвисту трудно договориться об употреблении таких терминов, как *значение*, *смысл*, *обозначение* и под.: логик под термином «значение» понимает отношение знака (символа, слова) к внеязыковому объекту (денотату, референту), лингвист же с этим термином ассоциирует понятийное содержание языковых выражений (концепт, сигнификат)» [Арутюнова 1982: 8; см. также в этом сборнике с. 99, 101, 377, 378, 389, 390; Нов. в заруб. лингв. 1983: 452; Серебренников 1988: 6]. Такое употребление термина *концепт* не вызывает возражений: во-первых, слово *концепт* восходит к латинскому *conceptus* со значением «понятие»; во-вторых, если прилагательное *концептуальный* имеет значение «понятийный», то образующее существительное должно иметь значение «понятие». Однако многие языковеды (например, Е.С. Кубрякова, В.Н. Телия, Ю.С. Степанов, В. В. Колесов, С. Г. Воркачев, А. П. Бабушкин, Л. О. Чернейко, В.И. Убийко, А.Г. Лиси-

цын, С.Х. Ляпин, В.И. Карасик, И.А. Стернин, Н.Р. Сурдонина, Н.Н. Панченко, В.А. Лукин, В.П. Нерознак, Е.Н. Конькова и др.) начали употреблять термин *концепт* не в значении «понятие», а так, как будто бы за ним стоит какая-то особая сущность, отличная от сущности, стоящей за термином *понятие*. Но что это за сущность, остается неизвестным. Не случайно слово *концепт* отсутствует в толковых словарях русского языка. Правда, это слово включено в «Большой толковый словарь русского языка» (СПб., 1998), но не в лингвистическом, а в чисто логическом значении («1. Лог. Содержание понятия. 2. Книжн. = Концепция (2 зн.)...»), кстати, тоже вызывающем сомнения. Слово *концепт* отсутствует в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» и энциклопедии «Русский язык» (!). Первый лингвистический справочник, зафиксировавший термин *концепт*, – это «Краткий словарь когнитивных терминов» Е.С. Кубряковой и др. (М., 1996. С. 90-93). Характеристика «концепта» в этом словаре, так же как и в «концептологических» работах, обозреваемых в словаре, исключительно противоречива и невразумительна. Но все-таки ясно, что это – другое название понятия. Подтвердим это цитатами из статьи «Концепт».

«Концепт... – термин, служащий объяснению (?! – Ю.Ф.) единиц метальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры (? – Ю.Ф.), которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике». Но что такое «единица метальных или психических ресурсов нашего сознания» (по-русски – единица сознания), «которая отражает знание и опыт человека»? Это понятие! (Попутно заметим, что «информационная структура» кажется нам понятием искусственным и дублирующим понятие «единица сознания».) Если единица сознания – это понятие, то концепт – «термин, служащий объяснению» понятия. Но разве новый, непривычный термин может объяснить старый, традиционный, привычный? Он как раз сам нуждается в объяснении. Кроме того, термин объясняют • помощью дефиниции — развернутого определения (описания денотата).

Все характеристики, приписываемые Е.С. Кубряковой т.н. «концептам» («кванты, единицы знания», «строительные элементы концептуальной системы», «категории», «идеи», «значения», «смыслы»), – это характеристики понятия (значения). Иногда Е. С. Кубрякова прямо пишет, что концепт – это понятие: «Правильнее было бы, наверно, говорить о концептах как соотносительных со значением слова понятиях...». Таким образом, в «концептологии» мы имеем дело с терми-

нологическим переодеванием, с конструированием понятия, не имеющего собственного внеязыкового коррелята.

Обратимся к работе, претендующей на статус методологической. В статье «Концептология: к становлению подхода» С.Х. Ляпин пишет: «Мы исходим из следующего положения. Когда человек живет, общается, мыслит, действует в мире «понятий», «образов», «поведенческих стереотипов», «ценностей», «идей» и других тому подобных привычных феноменологических координат своего существования... (разве человек живет и действует в мире понятий, а не предметов?; понятия, образы, идеи и т.д. – особые, самостоятельные единицы психики?; сколько же их? – Ю.Ф.), одновременно на более глубоком уровне бытия (бытия или сознания?; что такое более глубокий уровень сознания?; сколько их? – Ю.Ф.) он живет, общается, мыслит, действует в мире концептов, по отношению к которым традиционно понимаемые (а понимаемые нетрадиционно? – Ю.Ф.) понятия, образы, поведенческие стереотипы и т.д. выступают их частными, проективными, редуцированными формами.

Последние, тем самым, могут быть истолкованы как вторичные и производные (и в этом смысле «менее действительные») формообразования человеческого бытия — в — мире; как разнообразные понижения его исходной глубинной симметрии; как знаки, символы, репрезентанты соответствующих концептов» [Ляпин 1997: 11].

Как можно доказать, что «понятия, образы, поведенческие стереотипы и т.д.» являются «частными, проективными (? – Ю.Ф.), редуцированными (? – Ю. Ф.) формами» «концептов»? Можно ли привести пример понятия, которое является «редуцированной формой» концепта?

Почему «понятия, образы, поведенческие стереотипы и т.д.» названы «формообразованиями» (? – Ю. Ф.) «человеческого бытия – в – мире»? Разве человеческий мир – не мир предметов? Разве понятия – не отражение последних? В чем смысл термина «бытие – в – мире»? Может ли быть бытие «не в мире»? Можно ли считать осмысленным утверждение, что понятия есть «разнообразные понижения (! – Ю. Ф.) его («бытия – в – мире»? – Ю. Ф.) исходной глубинной симметрии»? Что такое «исходная глубинная симметрия» «бытия — в мире»? Можно ли «понизить симметрию»? Как можно утверждать, что понятия — это «знаки, символы, репрезентанты соответствующих концептов»?!

Как оценить выражение «...Каждое хорошо известное формообразование типа «понятия», «образа», «идеи», «поведенческой нормы» и т.п. в большей или меньшей мере причастно к концепту (! – Ю. Ф.), несет в себе его генетический и/или функциональный код» [Ляпин 1997: 11-12]?! Что означает «причастность» понятия к концепту? Что такое

«код» концепта?! Что такое «генетический и/или функциональный код»?!

С. Х. Ляпин несколько раз упоминает «протоконцепт». Но что это такое, мы, естественно, не знаем и не узнаем.

В ряде случаев С. Х. Ляпин отождествляет концепт со смыслами [Ляпин 1997: 15, 16, 19 и др.]. Например, он пишет: «Концепты ... мы понимаем ... как смысловые кванты (! – Ю.Ф.) человеческого бытия – в мире, в зависимости от конкретных условий превращающиеся (?! – Ю.Ф.) ... в различные специализированные формообразования...» (?! – Ю.Ф.) [Ляпин 1997: 16].

Выдвинута странная точка зрения, согласно которой концепты – это понятия культуры. «...Количество их невелико, четыре – пять десятков...» [Степанов 1997:7].

Как можно оценить эту точку зрения? Во-первых, «концепт» – это понятие, что и требовалось доказать. Во-вторых, ничем не подтверждена, ни на чем не основана мысль о том, что концепт – это понятие культуры. Почему именно культуры, а не, предположим, философии, логики, социологии, истории, литературоведения, физики, математики, анатомии и т.д.? Ю.С. Степанов не делает даже попытку оправдать свою гипотезу. В-третьих, как можно утверждать, что культура насчитывает всего 40-50 понятий? Вспомним, что термином *культура* обозначают «все искусственно созданное, сотворенное человеком в противоположность естественному, природному» [Нов. филос. энци. 2001: 341]. Культура – это «надприродная сфера человеческого бытия» [Нов. филос. энци. 2001: 342]. К материальной культуре относят «всю сферу материальной деятельности и ее результаты (орудия труда, жилища, предметы повседневного обихода, одежда, средства транспорта и связи и др.). Духовная К. охватывает сферу сознания, духовного производства (познание, нравственность, воспитание и просвещение, включая право, философию, этику, эстетику, науку, искусство, литературу, мифологию, религию)» [Больш. сов. энци. 1973: 596]. Ясно, что понятий культуры не 40- 50, а десятки и сотни тысяч. Если бы лингвистика взяла на себя изучение всех понятий культуры, то она стала бы наукой наук, единственной универсальной наукой, чего не должно и не может быть.

Многие «концептологические» работы производят впечатление абракадабры. Таковы, например, статьи В.В. Колесова. Приведем отдельные высказывания этого автора.

Концепт – это идея, представление, внутренняя форма и т.д. [Колесов 1995₁: 135], это «объем понятия» [Колесов 1992: 33], это производящее слово [Колесов 1995₁: 136]. «...Мы устанавливаем основную единицу ментальности – концепт данной культуры, который в границах словесного знака и языка в целом предстает (как явление) в своих содержательных формах – как образ, как понятие и как символ»

[Колесов 1995₂: 15]. «Концептуальное значение» манифестируется в образе, понятии, символе и концепте [Колесов 1992: 33]. Концепт – это «зародыш; зернышко», из которого произрастают все эти содержательные формы его воплощения» [Колесов 1995₂: 15]. Это «этапы развертывания смысла» [Колесов 1992: 35]. «Эквивалент концепта» – «первоначальное конкретное представление в виде образа» [Колесов 1995₁: 135]. «Концепт выражает содержания «национального колорита», т.е. все принципиально возможные значения в символическо-смысловой функции языка...» [Колесов 1995₂: 16]. «...Концепт образуется и функционирует в силовом поле между значением слова и смыслом понятия, где значение слова – отношение словесного знака к содержанию понятия, его сигнификат, а смысл понятия – отношение объема понятия к референту» [Колесов 1995₂: 16]. Концепт – «это инвариант всех возможных его «значений», данный как отношение смысла слова к вещи» [Колесов 1995₂: 16; выделено В.В. Колесовым. Ю.Ф.]. Свойства концепта: «постоянство существования», «художественная образность», т.е. сохранение постоянной связи с производными по однозначному корню, в результате чего сохраняется семантический синкретизм значений корня как семантический инвариант всей словообразовательной модели и продолжается встроенность в систему идеальных компонентов данной культуры», «общеобязательность» [Колесов 1995₂: 16; выделено В.В. Колесовым. – Ю.Ф.]. «Понятие отрицает образ, но символ, в свою очередь, отрицает понятие, и вновь — в пользу образа, представляя символ как знак знака. Семантический синкретизм концепта в образе оформляется, а в понятии анализируется, в символе представая уже как единство «мысли – чувства», и поэтому может замещать и понятие, и образ; символ – понятийный образ, или образное понятие» [Колесов 1995₂: 16]. «...Как понятие выявляет образ в его законченных границах, так и символ делает понятным понятие, а все они вместе, т.е. образ, понятие и символ, позволяют опосредованно и по различным признакам, сохраняющим исходное свое содержание, в конце концов осознать и концепт, который, согласно своим признакам (не отражает ни референта, ни денотата), есть то, что его нет – конечно, не содержательно, а в форме» [Колесов 1992: 35-36; выделено В.В. Колесовым. – Ю.Ф.]. «...Можно воссоздать концепт, объективируя его по следу (треку) его движения в преобразованиях форм, через образ, понятие, символ. Культурный концепт в современном его виде ... создан исторически путем мысленного наведения на резкость понятийного объема (денотат через понятие) и содержания (сигнификат через образ и символ)» [Колесов 1992: 36]. «Итак, концепт – исходная точка семантического наполнения слова ... и одновременно – конечный предел развития..., тогда как понятие – исторически момент снятия с накопленных сознанием образов сущност-

ной характеристики, которая немедленно сбрасывается ... в символы, в свою очередь, служащие для соединения, связи между миром природным (образы) и миром культурным (понятия)...» [Колесов 1992: 36]. «Концепт – резервуар смысла...» [Колесов 1992: 37]. «Значение ... изменяется», но «сохраняется концепт, а именно постоянство исходного конкретного образа – случайность причины и неизбежности вины» [Колесов 1995₁: 137]. «Сам концепт не имеет формы, ибо он и есть «внутренняя форма»...» [Колесов 1992:37].

Такой вид имеет «концепция» «концепта» у В.В. Колесова.

Современная лингвистика, философия и логика оперируют терминами *значение, смысл, понятие*. «...Значение есть отражение (идеальный образ, слепок, отпечаток) предмета в человеческом сознании. Значение есть квант информации, знание о мире», «гносеологический образ предмета» [Фоменко 1991: 11], закрепленный за тем или иным звукокомплексом. Смыслом принято называть содержание высказывания. Понятие – это форма мышления, отражающая общие и существенные признаки предмета (класса однородных предметов). Значение и понятие имеют одну и ту же – отражательную природу. Различают бытовые и научные понятия. Научное понятие включает в себя все знания о предмете, а бытовые – минимум этих знаний, необходимый для выделения и распознавания предмета. Значение слова совпадает с бытовым понятием (С.Д. Кацнельсон). Значения слов входят в язык, а научные понятия находятся за его пределами, относятся к разным областям науки. Языковые значения образуют языковую, а научные понятия – научную, концептуальную, понятийную картину мира. Лингвистика изучает (должна изучать) лексические значения, но не должна изучать научные понятия, которые относятся к компетенции философии («категория», «возможность», «действительность» и т.д.), логики («посылка», «суж-», «вывод» и т.д.), социологии («общество», «формация», «обучение» и т.д.), педагогики («воспитание», «образование», «обучение» и т.д.) и психологии («психика», «нейропсихология», «стресс» и т.д.), истории («рабство», «феодализм», «капитализм» и т.д.), археологии («поселения», «могильники», «клады» и т.д.), математики («количество», «число», «», «цифра» и т.д.), физики («атом», «молекула», «плазма» и т.д.), медицины («болезнь», «гигиена», «здоровоохранение» и т.д.) и других наук, дисциплин, областей знания и деятельности.

Таким образом, за термином *концепт* не стоит особая, самостоятельная ментальная сущность. Это другое название научного понятия.

Когда мы говорим, что значение слова совпадает с бытовым понятием, то это значит, что значение имеет обобщающий характер, направлено на целый класс однородных предметов. Например, слово

дерево обозначает не только данное, конкретное дерево, но всякое дерево, дерево вообще, т.е. класс деревьев. Это естественно и неизбежно. Представим себе на минуту, что язык начал бы присваивать каждому отдельному предмету специальное наименование, отказавшись от всякого обобщения. Количество конкретных предметов беспрельдно. Беспредельным должен был быть и словарь. Однако такой словарь невозможно ни усвоить, ни использовать. Значит, язык не может не обобщать. В.И. Ленин справедливо заметил: «В языке есть только общее».

Таково значение слова в языке. В речи же слово может быть направлено на отдельный, конкретный предмет, и тогда его значение конкретизируется. Например: «Это дерево посадил я».

Как известно, мышление человека имеет две ступени – ступень конкретно-чувственного (образного) и ступень абстрактного мышления. Формами конкретно-чувственного мышления являются ощущения, восприятия и представления, формами абстрактного мышления – понятия (а также суждения и умозаключения). Пользуясь этими терминами, можно сказать, что полнозначительное слово в языке всегда выражает понятие, а в речи оно может выразить и понятие, и представление, и восприятие, и, по-видимому, ощущение. Например: 1) «Ветер – это перемещение воздушных масс» (понятие); 2) «Вчера был сильный ветер» (представление); 3) «Ветер срывает шляпы с прохожих» (восприятие); 4) Услышав легкое дребезжание стекол, вы говорите: «Ветер» (ощущение). Это ступени семантической конкретизации слова в речи.

О том же самом можно сказать иначе. Слово в языке всегда соотнесено с классом предметов, а в речи оно может быть соотнесено 1) с классом предметов (понятие), 2) с одним предметом, не воспринимаемым органами чувств (представление), 3) с одним предметом, воспринимаемым органами чувств (восприятие), 4) с тем или иным признаком конкретного предмета, воспринимаемым органами чувств (ощущение).

Все сказанное относится к нарицательным именам, называющим целые классы однородных предметов. Однако в языке, кроме нарицательных, есть большая группа имен собственных – имен индивидуальных объектов. Ср.: *город – Москва*. Собственные имена резко противопоставляются нарицательным как по значению, так и по сфере и объему функционирования, занимая периферийное положение в лексике любого языка. «Собственные имена – это вторичные знаки, созданные на базе первичных знаков – нарицательных имен» [Суперанская 1973: 136]. Их основное назначение – различать однотипные объекты, не давая им качественной, содержательной характеристики.

Каково же значение собственных имен? С какой формой мышления они соотнесены?

Собственные имена неоднородны. Их можно разделить на два основных типа:

1) *Сергей, Татьяна, Жучка* и 2) *Москва, Байкал, Кавказ*.

Собственные имена типа *Сергей* (т.е. имена, служащие наименованием большого числа объектов), по-видимому, выражают понятия. В лексическое значение слова *Сергей* входят три семы: «имя» + «лицо» + «мужской пол». В речи собственные имена типа *Сергей* обычно конкретизируются и выражают представление или восприятие. Например: «Сергей ушел в отпуск». Спецификой лексического значения слов типа *Сергей* является то, что это лексическое значение присуще не одному слову, а целому ряду слов: *Сергей, Петр, Иван, Николай* и другие различаются лишь звуковой оболочкой, напоминая дубликеты. В содержание собственных имен входят также эмоционально-оценочный и стилистический компоненты (ср.: *Сергей – Серега – Сереженька; Николай – Николашка*).

Собственные имена типа *Москва* (т.е. имена, служащие наименованием только одного объекта) выражают не понятия, а представления. В лексическое значение слова *Москва* вводят такие признаки, как: «столица Российской Федерации» + «промышленный и культурный центр нашей страны». И в языке, и в речи слово *Москва* имеет одно и то же значение.

Итак, лексическое⁶ значение есть идеальный образ предмета, совпадающий с бытовым понятием и ассоциированный с образом звукокомплекса (об этом см. ниже).

В то же время у значения есть еще некоторые чисто языковые признаки, чуждые понятию и делающие значение чисто лингвистической величиной.

Лексические значения могут различаться «внутренней формой» (выражение А.А. Потебни), т.е. первоначальным признаком, легшим в основу названия. Сравним три синонима, использованных Д. Граниным в одной фразе: «Неужели у него не хватит воли забыть ее? Он презирал себя, называл себя тряпкой, размазней, слюнтяем» (Искатели). Синонимы *тряпка, размазня* и *слюнтяй* имеют одно и то же лексическое значение «бесхарактерный, безвольный человек», но различаются внутренней формой: в лексическом значении первого синонима присутствует образ тряпки, в лексическом значении второго – образ каши-размазни, в лексическом значении третьего – образ слюней (или человека изо рта которого текут слюни).

Внутренней формой (мотивировочным признаком) различаются *кладбище* и *погост*, русское *снегирь* и сербское *зимовка*, русское

⁶ Поскольку лексическое значение есть идеальный образ предмета, его нередко называют предметным, вещественным, реальным.

нож (первоначальный признак – «пронзающий») и немецкое *Messer* (первоначальный признак – «измеряющий»: глагол *messen* – «мерить»). Понятия внутренней формы не имеют.

Лексические значения различаются также с точки зрения свободы функционирования в речи, свободы сочетаемости. Например, значения слов *лучший* и *закадычный* совпадают с логической (понятийной) точки зрения, но различаются с сочетательной: значение слова *лучший* является свободным, а значение слова *закадычный* – связанным.

Специфику значения (по сравнению с понятием) можно видеть также в многозначности слов. Каждое из значений многозначного слова связано со всеми другими значениями, являясь членом микросистемы, малой парадигмы. Например, значение «малыш» у слова *клоп* существует в единстве со значением «маленькое кровососущее насекомое». Понятие же (в данном случае «маленький ребенок») в многозначное слово не входит.

Важно подчеркнуть, что внутренняя сторона слова не исчерпывается лексическим значением. Сюда входят еще грамматические значения, эмоционально-оценочный и стилистический компоненты. Единство лексического и грамматических значений, эмоционально-оценочного и стилистического компонентов целесообразно называть термином *содержание слова*⁷.

Термин *содержание слова* еще не вошел в обиход. И в научной литературе, и в практике преподавания обычно используется термин *значение*. Иначе говоря, этот термин используется и для обозначения целого (всей внутренней стороны слова), и для обозначения части (лексического значения). Эта двузначность термина ведет к постоянным недоразумениям, связанным с подменой одного значения термина другим. Например, некоторые задают тревожный вопрос: «Если значение равно бытовому понятию, то значение оказывается лингвистической величиной. Не ведет ли это к отождествлению языка и мышления?» – «Нет, – ответим им мы, – не ведет. Во-первых, у значения есть чисто лингвистические признаки (внутренняя форма и валентность), во-вторых (что еще важнее), план содержания слова, кроме лексического значения, включает еще в себя грамматические значения, эмоционально-оценочный и стилистический компоненты».

В свое время ожесточенно спорили по поводу того, входит или не входит эмоциональная окраска в значение слова. Этот спор тоже объяснялся двузначностью термина *значение*. Теперь мы можем сказать, что в значение (лексическое значение) эмоциональный компонент не входит, а в содержание слова – входит.

⁷ Можно также использовать термин *семантика слова*.

Пожалуй, еще большие трудности вызывает двусмысленность термина *значение* в практике преподавания языка в вузе и школе.

Повторим: для обозначения внутренней стороны слова мы будем использовать философский и общенаучный термин *содержание*. Легко увидеть, что содержание слова качественно отличается от понятия.

Итак, лексическое значение – не продукт системы, не продукт языка, а отражение предмета в сознании, его идеальный образ, слепок, отпечаток. Оно порождается не системой языка, а внеязыковой действительностью. Его природа совпадает с природой понятия. Лексическое значение равно бытовому понятию⁸.

С чем мы имеем дело в словаре – с лексическим значением или с его моделью? В словаре мы имеем дело не с самим значением, а с его моделью, поскольку лексическое значение как факт сознания, как явление идеально недоступно непосредственному наблюдению. Словесное же определение лексического значения в словаре есть не значение, а его модель, т.е. воспроизведение в другом материале.

Лексическое значение есть отражение предмета в сознании. Но предмет представляет собой не аморфную массу, а некоторую совокупность свойств (признаков, частей). Следовательно, отражение предмета в сознании тоже должно члениться на части (компоненты), каждая из которых отражает тот или иной признак предмета. Следовательно, знание слова представляет собой комбинацию двух или нескольких частей, компонентов⁹. Кроме термина *компоненты значения*, в литературе используются еще термины *элементарные смыслы*, *семантические множители*, *дифференциальные признаки*, *семы*, причем самым распространенным является последний. Метод разложения значения на части (компоненты, семы) называют компонентным (семным) анализом. Компонентный анализ как особый метод изучения лексики появился сравнительно недавно, хотя на уровне интуиции он давно уже имел в практике лексикографического описания слов. Ведь всякое толкование слова по существу представляет собой попытку представить значение как некоторую совокупность составных частей. Каждая сема

⁸ Лексическое значение терминов совпадает с научным понятием.

⁹ По-видимому, лексическое значение может быть и однокомпонентным [см., напр.: Никитин 1988: 60]. Таковы значения признаков слов типа *один*, *седьмой*, *одинаковый*, лексем вроде *всегда*, *там*, *около* и под. Не исключено, что число компонентов значения зависит от глубины анализа. Например, слово *умница* можно представить в виде комбинации двух сем – «умный» + «человек». Но ведь семы «умный» и «человек» сами могут быть представлены как комбинации сем. В таком случае число сем, входящих в значение слова *умница*, резко увеличивается. Однако лексикологи склоняются к тому, что компонентный анализ не должен уходить в глубь [см.: Шрамм 1981: 60]. Обратим внимание на двусмысленность термина *компонент*. Этот термин обозначает и часть содержания слова (лексическое значение, грамматические значения, эмоционально-оценочный и стилистический компоненты), и часть лексического значения (сему).

представлена в толковании лексического значения одним или несколькими словами. Например: атолл = «коралловый» + «остров» + «имеющий форму сплошного или разорванного кольца»; бугор = «небольшой» + «холм»; вихор = «торчащая вверх» + «прядь волос».

Компоненты значения вычлняются в результате сравнения двух смежных слов одной лексико-семантической группы. Например:

<i>мать – соседка</i>	(различительная сема	«родственник»);
<i>мать – отец</i>	(- - - - -" - - - - -	«женский пол»);
<i>мать – дочь</i>	(- - - - -" - - - - -	«старшее поколение»);
<i>мать – тетя</i>	(- - - - -" - - - - -	«прямое родство»);
<i>мать – мачеха</i>	(- - - - -" - - - - -	«кровное родство»).

Таким образом, лексическое значение «мать» можно представить в виде комбинации следующих сем: «родственник» + «женский пол» + «старшее поколение» + «прямое родство» + «кровное родство».

Различают несколько типов сем. Прежде всего выделяют родовые и видовые семы¹⁰. Например, слова *рысь* и *кошка* объединены родовой семой «животное» и противопоставлены видовыми семами «дикое» и «домашнее»; слова *кровать* и *стул* объединены родовой семой «мебель» и противопоставлены видовыми семами «для лежания» и «для сидения»; слова *подняться* и *спуститься* объединены родовой семой «изменить положение в пространстве» и противопоставлены видовыми семами «вверх» и «вниз».

Французские лингвисты Потье и Греймас назвали родовые семы классемами. Классема (как явствует из морфемной структуры термина) – это сема, охватывающая целый класс слов. К классемам относят такие родовые семы, как: «одушевленность / неодушевленность» «человеческое существо / животное», «мужской пол / женский пол», «взрослая особь / молодая особь», «материальность / нематериальность», «счисляемость / несчисляемость», «действие / состояние», «переходность / непереходность действия» и т.д. «Нетрудно заметить, – пишет В.Г. Гак, – что эти классемы соответствуют преимущественно крупным группировкам внутри частей речи, так называемым «подклассам» слов...» [Гак 1972:375].

¹⁰ К понятиям родовых и видовых сем близки понятия интегральных и дифференциальных сем. Интегральной называют сему, объединяющую слова той или иной лексико-семантической группы, дифференциальными – семы, различающие те или иные слова. В зависимости от уровня анализа одна и та же сема может выступать то как интегральная, то как дифференциальная. Например, сема движения для глаголов *идти*, *плыть*, *ехать* является интегральной (объединяющей, общей), а для глаголов *стоять* и *идти* – дифференциальной (различительной).

Семы делятся также на ядерные (главные) и периферийные (второстепенные)¹¹. Ядерные семы (в соответствии с названием) отражают постоянные и обязательные признаки предмета, периферийные - непостоянные и необязательные признаки. Например, в значении слова *мальчик* семы «лицо», «мужской пол» и «невзрослая особь» являются ядерными, а семы «физически слабый» и «не способный принимать ответственные решения» – периферийными; в значении слова *баскетболист* семы «спортсмен» и «играющий в баскетбол» являются ядерными, а сема «высокий» – периферийной; в значении слова *тяжелоатлет* семы «спортсмен» и «занимающийся тяжелой атлетикой» являются ядерными, а семы «сильный» и «мускулистый» – периферийными. В словарных толкованиях периферийные семы обычно не фиксируются. Однако их роль в процессе метафоризации слова весьма велика.

В значении некоторых слов обнаруживаются т.н. потенциальные (или ассоциативные) семы. Потенциальная сема отражает такой признак предмета, который приписывается ему общественным сознанием. Например, общественное сознание русского народа приписывает лисе признак хитрости, а волку – признак глупости. В связи с этим в значение слова *лиса* вводит потенциальная сема «хитрость», а в значение слова *волк* – потенциальная сема «глупость».

В связи с понятиями периферийных и потенциальных сем встает вопрос об объеме значения слова. В современной семасиологии «определилось» два основных подхода в лексическому значению – дифференциальный и интегральный [Стернин 1986: 6]. Сторонники первого – традиционного – подхода стремятся представить значение как совокупность минимального числа дифференциальных сем, достаточных для отличения данного значения от всех других значений языка. Сторонники интегральной концепции (например, И.А. Стернин) считают необходимым описывать значение как совокупность максимального числа «семантических компонентов разной степени существенности и дифференциальной силы» [Стернин 1986: 6]. В то же время, замечает И.А. Стернин, дать исчерпывающий перечень компонентов невозможно, в связи с чем приходится говорить о размытости значения [Стернин 1986: 7].

Критикуя интегральную концепцию значения, Л. М. Васильев замечает, что она растворяет языковое значение «в необъятном море других знаний о предмете ... и ведет, следовательно, к произволу, к совершенно не оправданному субъективизму в семантических исследованиях. Иными словами, такая концепция «системного» значения полностью

¹¹ М.В. Никитин называет ядерные семы интенсипалом, периферийные – импликационалом (см.: Никитин 1988: 61; Стернин 1986: 3-13).

стирает намеченные еще А.А. Потебней границы между языковым и «внеязычным» мыслительным содержанием» [Васильев 1988: 11]. Л.М. Васильев напоминает, что в речевой смысл слова часто «вовлекаются (с помощью ситуации и контекста) коммуникативно значимые компоненты тех наших знаний о предмете, которые в их содержание как системных единиц не входят. Так, например, в высказывании *Вот это мужчина!* актуализируется не только все содержание слова *мужчина*, его языковое значение «взрослый человек мужского пола», но и все наши знания, все наши представления о лучших качествах мужчины — о тех качествах, которыми можно восхищаться» [Васильев 1988: 12].

Компонентный анализ позволяет лексикологу более точно описывать значение слова в языке и речи. Значение нарицательного имени в языке всегда имеет обобщающий характер (т.е. направлено на целый класс однородных предметов), значение слова в речи может конкретизироваться, т.е. быть направлено на отдельный, конкретный предмет. Кроме того, значение слова в речи может отличаться от значения слова в языке актуализацией, подчеркиванием одной из сем. Например, в семантическую структуру слова *бабушка* входят две семы — ядерная сема «мать одного из родителей» и периферийная сема «пожилая (старая) женщина». В конкретных высказываниях актуализируется то первая, то вторая сема. Например: 1) *Девочку до 12 лет воспитывала бабушка* и 2) *Она уже совсем бабушка*¹².

Компонентный анализ позволяет более точно описать механизм семантического согласования слов.

В то же время следует отметить, что, по мнению ряда лингвистов [см., напр.: Васильев 1984], компонентный анализ не лишен недостатков и требует дальнейшей проверки.

2. Полисемия

Что такое многозначность (полисемия)?

В литературе встречаются два определения многозначности:

1) многозначность — это способность слов иметь несколько значений¹³;

2) многозначность — это наличие у слова нескольких значений¹⁴. Какое же определение многозначности следует принять?

В первом определении имеет место смешение категорий возмож

¹² Кроме актуализации семы, к числу «механизмов коммуникатизации слова» И.А. Стернин относит «усиление семы, ослабление семы, расщепление семы, двойную актуализацию семы, модификацию значимости семы, наведение семы» [Стернин 1986: 10].

¹³ См., напр.: [Галкина-Федорук 1957: 18], [Фомина 1983: 37], [Гольцова 1988: 11].

¹⁴ [Задорожский 1971:28], [Калинин 1979: 10].

ности и действительности. Если считать многозначностью способность слова иметь (получать, приобретать) несколько значений, то к числу многозначных придется отнести и однозначные слова, поскольку они тоже имеют возможность стать многозначными. Например, слово *майор* в современном русском языке имеет одно значение. Следовательно, мы должны считать его однозначным. С другой стороны, поскольку это слово способно приобрести другое (другие) значение, его следовало бы считать многозначным, с чем, видимо, не согласится никто. Таким образом, под полисемией (многозначностью) нужно понимать наличие у слова нескольких значений.

Число значений у многозначных слов колеблется от 2 до 25 и более. Например, слово *каша* имеет два значения, *назначение* – три, *мягкий* – восемь, *фигура* – одиннадцать, *брать* – тринадцать, *идти* – двадцать пять, а предлог *на* – тридцать четыре значения (22 – при употреблении с винительным и 12 – при употреблении с предложным падежом)¹⁵. Большая часть многозначных слов – это слова с 2-4 значениями [см.: Лупачева 1988: 19].

Полисемия свойственна преобладающей части русских слов¹⁶. К ней особенно склонны слова исконно русские и длительного употребления (*вода, голова, дом, дуть* и др.). Напротив, слова заимствованные и имеющие в русском языке несложную судьбу чаще всего бывают однозначными (*ректор, декан, лейтенант, компетенция, кредо* и др.). Если же заимствованное слово давно освоено и находится в активном словаре, то оно тоже может легко развить несколько значений. Напр.: агент («1. страховой агент», «2. иностранный агент, шпион»), *академический* («1. академическое издание», «2. академический час», «3. академическая живопись», «4. академический спор», «5. академический театр»), *комедия* («1. сатирическая комедия», «2. Комедия случилась», «3. Ясно, что это просто комедия») и т.п.

Не склонны к многозначности эмоционально насыщенные, экспрессивные слова типа *мерзавец, остолоп, дурень, увалень, пентюх, шельма, нализаться, натрескаться, слямзить, околпачить, втюриться* и др.под., что объясняется характером их значений (содержания), малым удельным весом лексического (денотативного, предметного) компонента, полным преобладанием компонента эмоционально-оценочного, не допускающего переноса наименования.

¹⁵ Вопрос о числе значений нередко бывает очень сложным и по-разному решается составителями словарей. То, они одни лексикографы определяют как оттенок значения, другие считают самостоятельным значением.

¹⁶ Среди непроемных существительных современного русского языка многозначные слова составляют 85 % [Лупачева 1976: 63].

Разные части речи обладают неодинаковым семантическим диапазоном. Особенно склонны к многозначности глаголы и существительные. Вспомним хотя бы уже упоминавшийся глагол *идти* с его 25 значениями. Не беден значениями глагол *принять*: их у него 16. У глагола *найти* – 12 значений, у существительного *фигура* – 11, у существительного *крыло* – 8.

Неодинаковую склонность к развитию многозначности обнаруживают слова разных лексико-грамматических разрядов. Например, среди многозначных существительных мало абстрактных и вообще нет собственных имен, что связано с характером их значений и с природой денотатов.

«Полисемия, – говорит В.И. Абаев, – имеет огромное познавательное значение. В полисемии отражается практика и мышление народа. Некоторые словарные статьи с богатой полисемией читаешь просто ради удовольствия, столько в них интересного и поучительного. Чудесный дар обобщения, причудливые изгибы мысли, искрометные ассоциации, яркие метафоры, образность, остроумие, – чего только не найдешь, когда внимательно изучаешь лексическую полисемию какого-либо языка» [Абаев 1960: 73].

Чрезвычайно велика стилистическая роль полисемии. Полисемия необычайно расширяет выразительные возможности языка, в частности языка писателя.

Явление многозначности свойственно, очевидно, всем человеческим языкам. «...Способность слова к многозначности ... может рассматриваться как главный семасиологический закон в языковом развитии» [Дегтярева 1961: 3]. «...Лексическая полисемия слова является естественным состоянием языка, словесным выражением отражаемой нашим сознанием окружающей действительности...» [Тышлер 1967: 193].

Многозначность слова обусловлена прежде всего особенностями человеческого мышления — его способностью обнаруживать черты сходства между предметами и явлениями окружающего мира. Название одного класса предметов человек переносит на другой, в чем-либо сходный с первым. Такой перенос может происходить дважды, трижды и т.д. Так в слове появляется несколько значений, параллельно или последовательно связанных друг с другом. В многозначности слова отражены результаты обобщающей работы человеческого мышления. Чем более развита в языке полисемия, тем лучше он может передать все оттенки человеческой мысли. Многозначность делает слово более гибким орудием мышления. Многозначное слово указывает на связь выражаемых словом понятий и соответствующих предметов объективной действительности. Например, одно дело сказать о женщине красавица и

другое – королева: второе слово семантически богаче первого, поскольку вызывает ассоциации с государыней и женой короля.

Отдельные лингвисты не без основания видят в многозначности проявление принципа экономии языковых средств, поскольку многозначность позволяет выразить большее количество понятий без расширения числа языковых форм [см.: Мартыне 1963: 532-538; Кукушкина 1967: 230].

В то же время нет оснований считать, будто бы многозначность обусловлена ограниченными конструктивными (техническими) возможностями человеческого языка [см.: Виноградов 1947: 15]. «Дело ... не в пресловутой бедности языка» [Тышлер 1967: 179]. Многие языки в образовании новых слов «не реализовали свои возможности даже в пределах 1 %» [Тышлер 1967: 178]. Так, немецкий язык, располагающий 43 фонемами, может образовать 145 000 000 слов только допятифонемного состава. Еще больше возможности английского языка, имеющего 44 фонемы. Однако Вебстерский словарь в США насчитывает всего 600 000 слов, т.е. возможности английского языка реализованы менее чем на один процент.

Точно так же нельзя ссылаться на ограниченные возможности человеческой памяти. «Наименование каждого предмета, явления особым словом, – пишет Р.В. Сосина, – привело бы к появлению в языке бесчисленного множества слов, которого не могла бы удержать никакая человеческая память» [Сосина 1962: 180]. Однако если человеческая память легко удерживает десятки тысяч значений, то почему она должна спасовать перед аналогичным числом наименований (звучаний)?

Каким же образом возникает многозначность? Говоря вообще, она возникает в результате переноса наименования с одного предмета на другой. Перенос же наименования может опираться на разные основания. Выделяются три основных типа переноса наименований – метафорический, метонимический и синекдохический. Метафорический перенос – это перенос наименований по сходству предметов (*рукав реки, золото осени, оттепель в политике*); метонимический перенос – это перенос наименований по смежности предметов (*класс, аудитория, бронза*); синекдохический перенос – это перенос наименований с части на целое и с целого на часть (*в стаде шестьсот голов, своя рука в министерстве*). В рамках одного многозначного слова могут сосуществовать в качестве его самостоятельных значений метафора, метонимия и синекдоха. Например: *язык* во рту – основное (производящее) значение, *язык* – «речь» – метонимия, *язык пламени* – метафора а *взять языка* – синекдоха.

Есть ли основания относить к способам переноса наименований процессы расширения и сужения значений (например, *комната* < лат.

caminata вначале = «помещение с камином», позднее – «любое жилое помещение»; *пиво* вначале – «всякий алкогольный напиток», теперь – «напиток из ячменного солода с небольшим содержанием алкоголя»; *квас* первоначально = «всякая кислота», теперь = «кисловатый напиток, приготовленный на воде из ржаного хлеба или из ржаной муки с солодом»)? Легко понять, что расширение и сужение значения, меняющие объем значения (понятия), но не приводящие к появлению нового, второго значения, не дают многозначности. Слово в этом случае остается однозначным.

Самостоятельной лексикологической и лексикографической проблемой является проблема разграничения значений.

В одних случаях членение семантического пространства слова на отдельные значения не вызывает затруднений и разногласий, поскольку соответствующая граница четко определяется самой внеязыковой действительностью. К таким случаям относится, например, слово *клоп*: 1) «мелкое паразитическое кровососущее насекомое» и 2) перен. шутл. «маленький ребенок, малыш».

В других случаях членение семантического пространства слова на отдельные значения вызывает затруднения и разногласия, поскольку искомая граница не является достаточно ясной в самой внеязыковой действительности. Например, толковые словари выделяют в слове *дядя* два значения: 1) «брат отца или матери» и 2) «муж тетки». По мнению же С.Д. Кацнельсона, слово *дядя* имеет другое значение – «близкий не прямой родственник из поколения родителей, без различия отношений родства и свойства» [Кацнельсон 1965: 42; см. также: Кузнецова 1982: 103].

Известно, что в лексикографической практике, кроме значений, принято выделять еще оттенки значений. Оттенок значения понимается как разновидность значения, не обладающая достаточной самостоятельностью. Например: *автомат* – 1) "аппарат (машина, прибор), производящий работу с помощью особого механизма без непосредственного участия человека...// О человеке, действующем бессознательно, машинально, безучастно...» [Словарь 1: 9]; *актер* – «профессиональный исполнитель ролей в театральных представлениях...// ...О человеке, показывающем себя не таким, каков он есть на самом деле; о притворщике...» [Словарь 1: 19]. Выделение в словарях значений и оттенков значений тоже носит субъективный характер. Так, «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова, сформулировав первое значение слова *акт* («единичное действие, отдельное проявление какой-либо деятельности»), отмечает оттенок этого значения – «поступок, проявление в действии» (например, террористический акт, акт безумия). Словарь русского языка АН СССР справедливо отказывается от вы

деления этого оттенка, поскольку он фактически растворяется в значении. «Словарь русского языка» АН СССР в слове *анекдот* выделяет два значения: 1) «короткий рассказ о смешном, забавном или любопытном происшествии» и 2) «происшествие, событие необычного характера». «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова второе значение рассматривает как оттенок первого.

Такого рода колебания лексикографов в определении значений, их количества и оттенков объясняются не только отсутствием надежной методики, но и известной размытостью границ между денотатами и соответствующими значениями слова. Такого рода размытость границ можно обнаружить при анализе слова *густеть*:

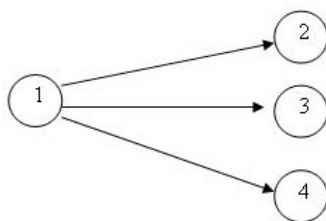
- 1) «становиться густым (антоним – редким)» (*Трава густеет*);
- 2) «становиться густым, менее жидким» (*Каша густеет*);
- 3) «становиться густым, более плотным» (*Туман густеет*) [см.: Словарь 1:481].

В таких случаях иногда говорят о «диффузности» значений [Шмелев 1973:93].

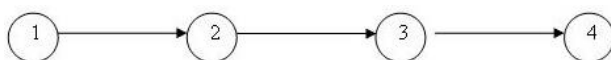
Некоторые языковеды (например, Р.О. Якобсон и В.А. Звегинцев) пользуются понятием «общего значения». Они считают, что все значения многозначного слова можно свести к одному – «общему». Эксперименты, однако, показывают, что в большинстве случаев это невозможно. Например, слово *свинья* имеет в современном русском языке следующие значения: 1) «животное», 2) «грязный, неопрятный человек» 3) «грубый, низменный человек». Если попытаться свести эти значения к одному «общему», то мы получим некое «сверхпонятие», «понятие-монстр» [Кацнельсон 1965: 49], – «человеко-свинью». На самом деле ни такой денотат, ни такое понятие не существуют. Слово *свинья* выражает три самостоятельных понятия, хотя и связанных друг с другом тем или иным общим компонентом (например, 1 и 2 значения связаны семой «нечистоплотность»).

Значения многозначного слова могут образовывать три типа комбинаций (структур) – 1) радиальную, 2) цепочечную и 3) радиально-цепочечную [см.: Кацнельсон 1965: 58-59; Апресян 1974: 182-183]. При радиальной полисемии все значения слова произведены от одного, центрального; при цепочечной полисемии 2-е значение произведено от 1-го, 3-е – от 2-го и т.д.; радиально-цепочечная полисемия совмещает в себе обе структуры.

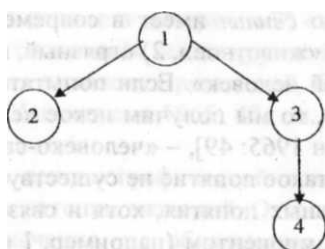
Пример радиальной полисемии – структура значений слова *верх*: 1) «верхняя часть чего-нибудь», 2) «наружная сторона одежды», 3) «высшая степень, крайний предел чего-нибудь» (верх совершенства), 4) «превосходство в чем-нибудь» (одержать верх):

Пример цепочечной полисемии – структура значений слова *залежь*: 1) «месторождение полезных ископаемых», 2) «скопление чего-либо», 3) «неходкий, залежавшийся товар; заваль», 4) «не распахиваемый, не обрабатываемый несколько лет подряд участок пашни»:

Пример радиально-цепочечной полисемии — структура значений слова *вступить*: 1) «войти» (вступить в крепость); 2) «на что. Ступить, поднимаясь» (*вступить на лестницу*); 3) «стать членом, деятелем, участником чего-нибудь» (*вступить в партию*); 4) «начать делать что-нибудь или стать чем-нибудь» (*вступить в должность, вступить в брак*):

Рассмотренные разновидности полисемии не находят отражения в толковых словарях. Нумерация значений многозначного слова указывает на количество значений, но не на их взаимоотношения.

Многозначность – это явление языка. В речи многозначность снимается, т.е. слово используется не во всех, а лишь в одном своем значении. «...В синтагматике одна единица формы соответствует одной единице смысла...» [Щетинкин 1980: 5]. Это общее правило построения высказывания. Отступления от этого правила порождают двусмысленность, т.е. лексические (семантические) ошибки. Например: «Билет годен для помывки одного *лица*» (объявление). Кроме того, в речи может иметь место сознательное отступление от этого правила – словесная игра (каламбур), которая строится на столкновении двух разных значений

одного слова, на соотнесении данного слова с двумя разными денотатами. Например; «Ах вы, разбойник, ах, злодей, ну как вы поживаете? Вы *раздеваете* людей, когда их одеваете» (Маршак).

Явлению полисемии принято противопоставлять явление омонимии – формального (звукового) совпадения двух совершенно разных по значению слов (*брак'* – *брак*², *патрон*¹ – *патрон*², *шайка*¹ – *шайка*² и под.). Если значения многозначного слова находятся в отношениях непосредственной производности (*лиса*¹ → *лиса*²), то у значений омонимов нет никаких точек соприкосновения (*патрон*¹ – *патрон*²).

В последние годы отдельные языковеды (И.С. Торопцев, В.М. Марков, В.В. Колесов, В.Г. Руделев) делают попытки ревизовать понятие полисемии. Вслед за А.А. Потебней¹⁷ они утверждают, что каждое новое значение слова – это новое слово, а не «некий лексико-семантический вариант» [Марков 1984: 5; см. также: Торопцев 1985: 113]. «...Приспосабливаясь к конкретной ситуации, – пишет И.С. Торопцев, – люди образуют новые знаки, полностью совпадающие по звуковой стороне и соотносительные по семантике с ранее известными знаками» [Торопцев 1985: 115]. Многозначное слово, полагает И.С. Торопцев, – это не одно слово, а «группа родственных слов с одинаковой звуковой оболочкой» [Торопцев 1985: 116], слов, «находящихся в словопроизводственных отношениях. Такая группа образует своеобразное гнездо слов или гнездо в более обширном гнезде...» [Торопцев 1985: 117]. Между этими словами имеют место «омонимойдные» отношения [Торопцев 1985: 116].

Убеждают ли эти высказывания? Нет, не убеждают.

Во всех языках мира существует явление равноименности, т.е. случаи типа 1) *заяц1* и *заяц2* и 2) *патрон1* и *патрон2*. Единицы первого и второго типов совпадают по звуковой форме и различаются своим содержанием (лексическим значением). В этом их сходство. С другой стороны, если лексические значения единиц типа *заяц1* – *заяц2* являются родственными, имеют общую, совпадающую часть (семы или сему)¹⁸, то лексические значения единиц типа *патрон1* – *патрон2* не имеют никаких точек соприкосновения, являются совершенно различными. Если единицы типа *заяц1* – *заяц2* называют предметы, имеющие черты сходства типа *патрон1* – *патрон2* называют предметы, ничем не сходные друг с другом. В этом состоит их различие. Отсюда с необходимостью следует, что случаи первого и второго типа должны быть разграничены на понятийном и терминологическом уровнях. Случаи пер-

¹⁷ Ж.П. Соколовская в статье «Проблема многозначности в лингвистической концепции А.А. Потебни» (Филол.науки. – 1989. – № 2. – С.46-52) высказала мнение о том, что А.А. Потебня отрицал многозначность слова в речи, но признавал ее в языке.

¹⁸ Что признают и противники полисемии. См., напр.: [Торопцев 1985: 115].

вого типа принято называть многозначностью (полисемией), случаи второго типа — омонимией. Важнейшей частью слова является его лексическое значение. Поэтому случаи типа *патрон*¹ – *патрон*² считают разными словами, а случаи типа *заяц*¹ – *заяц*² — вариантами (лексико-семантическими вариантами, значениями, лексами) одного слова (одной лексемы). Если лингвист отказывается от понятия полисемии, то он автоматически отказывается от соотносительного (парного, противопоставленного) понятия омонимии, т.е. отказывается от различения в чем-то сходных, а в чем-то различных явлений. Элиминирование (устранение) понятия полисемии означает также элиминирование понятий метафорический перенос, метонимический перенос, синекдохический перенос (метафора, метонимия, синекдоха) и др.под., т.е. вопиющее обеднение семасиологической проблематики, искажение наших представлений о языковой семантике.

В парах типа *заяц*¹ – *заяц*² И.С. Торопцев усматривает «омонимойдные» отношения. Но констатация «омонимойдных» отношений означает признание понятия и явления омонимии и соотносительного с ним понятия и явления полисемии. Гони природу в дверь – она влетит в окно.

Как известно, в многозначности закреплены результаты работы человеческого мышления, обнаруживающего и фиксирующего в многозначном слове черты сходства между различными предметами и явлениями объективной действительности. «Перевод» многозначности в омонимию резко искажает языковую картину мира.

Каждое новое значение слова И.С. Торопцев и другие называют новым знаком. Но если новая лексическая единица заимствует звуковую оболочку у какого-либо уже существующего знака и частично совпадает с ним по содержанию (лексическому значению), то можно ли говорить о появлении совершенно нового, особого языкового знака? Не естественнее ли считать, что перед нами — новый лексикосемантический (точнее, семантический) вариант старого знака? Этот подход хорошо соответствует идее асимметричного дуализма языкового знака (С. Карцевский), лингвистической интуиции носителей языка, легко может быть подтвержден экспериментально.

Если в случаях типа *заяц*¹ – *заяц*² мы имеем дело с разными знаками, то чем объяснить, что носители языка десятки и сотни тысяч раз дублируют уже существующие (использованные, занятые) звуковые комплексы, а не создают новые? Ведь последнее было бы гораздо естественнее: новый языковой знак должен иметь не только особое значение, но и особую звуковую форму. Сплошная омонимия создавала бы в процессе речевого общения непреодолимые трудности.

И.С. Торопцев, В.М. Марков и другие подчеркивают, что при образовании нового значения слова появляется новая номинативная единица. Это правильно, но это нисколько не противоречит понятию полисемии: многозначное слово в разных своих значениях называет разные денотаты. Например, *заяц*¹ называет известного лесного зверька, а *заяц*² – трусливого человека. Номинативный потенциал двузначного слова совпадает с номинативным потенциалом двух самостоятельных слов (*заяц*¹ и *заяц*² = *стол* и *стул* = *патрон*¹ и *патрон*²).

Отрицание полисемии – это отрицание системности лексики: ведь многозначное слово – это семантическая микросистема.

И.С. Торопцев выступает против различения значения и его оттенка, значения и употребления [см.: Торопцев 1985: 114]. Но из этого следует, что всякое новое употребление слова, малейший сдвиг в его значении порождает новое, особое слово. При таком подходе число единиц языка будет уходить в бесконечность. Однако язык, состоящий из бесконечно большого числа знаков, невозможен.

Точка зрения противников полисемии противоречит современным философским представлениям о переходе количества в качество. Переходу вещи из одного качества в другое предшествует длительный период накопления мелких количественных изменений. Эта закономерность распространяется и на семантическое качество слова.

Более чем нестандартный взгляд на полисемию высказывает В.В. Колесов в статье под причудливым названием «Исторические основа многозначности слова и лингвистические средства ее устранения». В.В. Колесов утверждает, что в древнем языке (в любом или русском?; что вообще значит «в древнем?»)) существовали «слова-синкреты», которые «не имели многозначности» [Колесов 1984₁: 18]. «...Как осознанный культурой (? – Ю.Ф.) факт многозначность развилась у восточных славян к исходу XIV в.» [Колесов 1984₁: 19] (?! – Ю.Ф.). В это время возникают «синонимичные ряды, которых до того фактически не было...» [Колесов 1984₁: 19]. «Синонимия же материально воплощает идею многозначности (? – Ю.Ф.), дотоле скрытую в недрах отдельного слова [Колесов 1984₁: 19] (? – Ю.Ф.). «Многозначность слова в средние века (? – Ю.Ф.) поразительна, поскольку слово стало (? – Ю.Ф.) орудием вербального мышления...» [Колесов 1984₁: 21]. «В языковой культуре Нового времени многозначность становится избыточным свойством лексемы (? – Ю.Ф.), более того – она создает непреодолимые трудности в дальнейшем развитии языка как средства познания и общения [Колесов 1984₁: 23] (? – Ю.Ф.). «Многозначность слова в современном словаре – факт прошлого (? – Ю.Ф.), мы вынуждены ее фиксировать (? – Ю.Ф.) постольку, поскольку говорим о литературном языке, имеющем традицию. Однако несомненно, что в будущем такая (? –

Ю.Ф.) многозначность будет все более представляться (? – Ю.Ф.) анахронизмом. Какое значение этот факт (какой? – Ю.Ф.) имеет для художественного творчества — страшно и подумать» [Колесов 1984₁: 27], — заключает В.В. Колесов.

«Многозначность ... слов современного языка, — пишет В.В. Колесов в другой работе — «Словарная многозначительность многозначности слова», — фикция...» [Колесов 1984₂: 56] (? – Ю.Ф.). «Проблема многозначности слова несомненно является чисто лексикографической и никакого отношения к слову, к его семантике, к его истории не имеет» [Колесов 1984₂:45].

Почти каждая фраза статей В.В. Колесова о полисемии вызывает недоуменные вопросы. Как доказать, что в разные периоды своего существования язык по-разному относится к полисемии? Как доказать, что в древнем языке полисемии не было, что к XIV веку она развилась, а уже «начало XV в. с его стилем «извития словес» есть болевая точка ... перехода от средневековой (? – Ю.Ф.) многозначности слова к характерной для новых литературных языков синонимии» [Колесов 1984₁: 20] (? – Ю.Ф.)? Почему именно XV век стал этой «боле-вой точкой»? Кто доказал, что многозначность слов современного языка – «фикция»?! Как можно утверждать, что проблема многозначности является чисто лексикографической? Как можно утверждать, что словари безразличны к реальному положению вещей в языке и моделируют словарь, как им заблагорассудится? Почему полисемия интерпретируется то как факт языка, то как способ его теоретического представления? Иначе говоря, почему допускается смешение онтологии и гносеологии?

Статьи В.В. Колесова о полисемии производят впечатление клоунады или шизофрении.

Итак, полисемия (многозначность) – это наличие у слова нескольких значений¹⁹. Полисемия – важнейшая семантическая особенность естественного языка.

3. Типы лексических значений

Слова могут различаться и различаются не только числом (количеством) лексических значений, но и их типами (качеством).

Все лексические значения русского языка можно разделить на две обширные группы, и это разграничение опирается на наличие у значений абсолютных и относительных свойств.

Абсолютными свойствами словесного значения являются такие свойства, которые не зависят от отношений данного значения с другими

¹⁹ Слово, взятое в единстве всех его значений (и форм), называют лексемой; слово, взятое в одном из его значений, называют лексико-семантическим вариантом (ЛСВ) или лексой.

значениями, от его места в системе, а определяются внеязыковой действительностью. Абсолютный характер имеют, например, такие Свойства лексического значения, как конкретность и абстрактность. Конкретность значения «дом» («жилище человека») определяется не вхождением в какую-либо оппозицию, а конкретностью предмета, отражаемого этим значением.

Относительными (релятивными) свойствами лексического значения являются такие свойства, которые целиком определяются его взаимоотношениями с другими значениями, его местом в системе, его «членством» в той или иной оппозиции. Относительный (релятивный) характер имеют, например, главные и второстепенные значения, поскольку они предполагают друг друга и невозможны друг без друга; относительный (релятивный) характер имеет переносное значение, поскольку оно существует лишь в оппозиции прямому.

Абсолютными свойствами обладают следующие типы значений: номинативные – неноминативные, конкретные – абстрактные, терминологические – нетерминологические, нейтральные – эмоциональные, межстилевые – стилистически окрашенные, актуальные – неактуальные литературные – областные. Относительными свойствами обладают следующие типы значений: производящие – производные, главные – второстепенные, прямые – переносные, мотивирующие – мотивированные, синонимичные и антонимичные, а также, по видимому, свободные и связанные²⁰.

Значения, обладающие относительными свойствами, входят в интралексические (внутрисловные) и интерлексические (межсловные) оппозиции. В интралексические оппозиции входят производящие и производные, главные и второстепенные, прямые и переносные значения; в интерлексические оппозиции входят мотивирующие и мотивированные, синонимичные и антонимичные значения²¹.

Чтобы четко предоставить себе природу номинативных и неноминативных значений, проще всего обратиться к конкретным примерам. Пусть это будут слова *радость* и *о*! Предметная отнесенность этих слов одинаковая – эмоция радости, но характер значения разный. Слово *радость* есть название этого чувства, слово же *о* есть только его симптом, его сигнал. Слово *радость* выражает понятие о чувстве радости, слово *о* – само это чувство²². Слово *радость* выполняет номинативную функцию, слово *о* – сигнальную. Таким образом, номинативные и неномина-

²⁰ Диахроническая семасиология оперирует еще понятиями и терминами *этимологические значения – современные значения, первичные (исходные) – вторичные значения*.

²¹ В виде исключения антонимичные значения могут находиться в рамках одного слова (энантиосемия).

²² Или представление о чувстве [см.: Торопцев 1985: 109]?

тивные значения выделяются и противопоставляются с точки зрения наличия или отсутствия номинации в слове. Номинативные значения свойственны всем знаменательным словам, неноминативные значения – местоимениям, модальным словам, предлогам, союзам, частицам и междометиям. Излишне говорить, что в языке полностью преобладают номинативные значения.

Неноминативные значения, в свою очередь, делятся на дейктические (указательные), модальные, комбинационные и сигнальные. Дейктические значения – это значения местоимений, т.е. слов, не называющих предметы, признаки и количества, а указывающих на них. Модальные значения свойственны модальным словам, т.е. словам, выражающим модальность (отношение содержания предложения к действительности с точки зрения говорящего). Комбинационные значения [см.: Джемакулова 1980: 35] – это значения предлогов и союзов, выражающих отношения между словами и – далее – отражаемыми ими предметами. Сигнальные значения — это значения междометий. Неясен тип значения частиц.

Лексическое значение, являющееся отражением конкретного предмета, называется конкретным; лексическое значение, являющееся отражением абстрактного явления, называется абстрактным. Ср.: *клубок ниток* и *клубок противоречий*.

В качестве способа определения и разграничения конкретных и абстрактных значений может быть предложена проверка денотатов на уровне чувственного и рационального восприятия. Денотаты конкретных значений являются объектами по преимуществу чувственного, денотаты абстрактных значений – объектами по преимуществу рационального восприятия. Ср.: *человек* – *человечность*.

Строго очерченное значение, совпадающее с научным понятием, называется терминологическим. Терминологическому значению противопоставляется значение нетерминологическое, совпадающее с бытовым понятием. Например, слово *интоксикация* («отравление организма ядовитыми веществами», мед.) имеет терминологическое значение, слово *задира* («забияка») нетерминологическое.

Между терминологическими и нетерминологическими значениями нет строго определенной пограничной полосы. Критерий их разграничения – совпадение или несовпадение с научным понятием – недостаточно надежен. В связи с этим вместо оппозиции *терминологическое значение – нетерминологическое значение* нередко используют оппозицию *специальное значение – неспециальное значение* (или: *профессионально ограниченное значение – профессионально не ограниченное значение*). Выделение этих типов имеет вполне надежную базу – закрепленность слова в данном значении за той или иной профессиональной

сферой или отсутствие такой закреплённости. Профессиональная же закреплённость, специализация значения свидетельствует о его терминологичности, а отсутствие такой закреплённости – о нетерминологическом характере значения. Например: *вилка* – 1) «столовый прибор», 2) «штепсельная вилка» (тех.), 3) «совокупность двух прицелов» (воен.), 4) «особое положение в шахматной игре, когда одна фигура угрожает одновременно двум или нескольким» (шахм.).

Слова, в содержание которых входит эмоциональный (эмоционально-оценочный) компонент, называются эмоциональными. Слова, в содержание которых эмоциональный компонент не входит, называются нейтральными. Этими же терминами иногда называют и значения слов²³. Нейтральные и эмоциональные значения могут входить в структуру одного многозначного слова. Например, у слова *кулачок* значение «деталь механизма» является нейтральным, а значение «маленький кулак» – эмоциональным; у слова *мушка* значение «маленькая муха» является эмоциональным, а значения «приспособление для прицеливания» и «искусственная родинка» — нейтральными.

С точки зрения закреплённости значения (точнее, слова в том или ином значении) за тем или иным стилем и отсутствия такой закреплённости выделяются, разграничиваются и противопоставляются значения стилистически ограниченные и межстилевые (стилистически не ограниченные, не окрашенные). Межстилевые значения употребляются во всех стилях языка, а стилистически ограниченные – в каком-либо одном (или, во всяком случае, не во всех). Например, у слова *киснуть* значение «делаться кислым, портиться от брожения» является межстилевым, а значение «проводить время в бездействии, скучая и ноя» – стилистически ограниченным (разговорным).

Лекические значения, актуальные для современной семантической системы языка, находящиеся в его активном фонде, называются актуальными (современными); значения, находящиеся в пассивном фонде языка, называются неактуальными. Среди неактуальных значений являются значения устарелые и неологические. Например, у слова *магазин* значение «торговое предприятие» является актуальным, а значение «склад» – неактуальным (устарелым); у слова *застрельщик* значение «тот, кому принадлежит почин в каком-либо деле; начинатель» является актуальным, а значение «солдат в рассыпном строю, который первым встречался с противником» – неактуальным (устарелым).

Значения, принадлежащие литературному языку, называются литературными; значения, принадлежащие областным говорам, называ-

²³ Это термоупотребление не является вполне точным, так как эмоционально-оценочный компонент входит не в лексическое значение, а в содержание слова.

ются областными. Например, у слова *калач* значение «пшеничный хлебец, выпеченный в форме замка с дужкой» является литературным, а значение «белый пшеничный хлеб вообще» – областным.

В оппозиции областным значениям могут находиться не только литературные, но и – шире – общенародные значения. Например, у слова *дуля* значение «кукиш, шиш» является общенародным, а значение «сорт груш» – областным.

Вместо терминов общенародные и областные значения можно пользоваться терминами территориально не ограниченные и территориально ограниченные значения.

В структуре значений многозначного слова выделяются производящие и производные значения. Производящее значение – это значение, от которого произведено другое – производное. Рассмотрим для примера семантическую структуру слова *окраска*. Она представлена 3 значениями: 1) «действие по глаголу окрасить – окрашивать», 2) «цвет, оттенок цвета» и 3) «особый смысл, характер, оттенок». 1-ое значение является производящим по отношению ко 2-ому – производному; 2-ое значение является производящим по отношению к 3-ему – производному. Само же 1-ое значение не имеет себе предшественника в семантической структуре слова *окраска* и называется непроизводным.

Изредка встречаются многозначные слова, в которых – с синхронной точки зрения – невозможно выделить производящее и производное(-ые) значения. Таково, например, слово *огневка*, имеющее значения «бабочка» и «лисица». В пределах одного слова эти значения удерживаются благодаря наличию общего признака, отраженного в слове *огневой*.

Если слово имеет несколько значений, то одно из них является главным, а другие – второстепенными. Главное значение – наиболее частотное. Оно «обычно первым приходит нам на ум, когда нас спрашивают о значении какого-либо слова» [Кацнельсон 1960: 87; см. также: Пауль 1960: 93; Курилович 1955: 78]. Например, у глагола *лететь*, имеющего 5 значений, значение «перемещаться по воздуху с помощью крыльев» является главным, а значение «падать» – второстепенным; у существительного *ножницы*, имеющего 3 значения, значение «инструмент для резания, стрижки, состоящий из двух крест-накрест соединенных лезвий с ручками в виде колец» является главным, а значение «расхождение, несоответствие чего-либо чему-либо» – второстепенным.

Главное значение называют еще основным, стержневым, центральным, а второстепенные – добавочными, дополнительными. Некоторые лингвисты пользуются терминами *собственное* и *несобственное значения* слова. Термины эти явно неудачны: любое значение слова является его «собственностью».

В структуре значений многих многозначных слов выделяются прямые и переносные значения. Прямое значение направлено на предмет прямо, непосредственно. Это первичное наименование предмета. Переносное значение – это значение, направленное на предмет не прямо, а через посредство, через призму прямого. Это всегда вторичное наименование предмета. Переносное значение есть результат переноса наименования с одного предмета на другой, в чем-то сходный с первым (такое переносное значение называют метафорой). Переносное (метафорическое) значение возникает на базе сравнения и является свернутым сравнением. Например, у слова *осел* значение «родственное лошади вьючное домашнее животное, небольшого роста, с длинными ушами, обычно серой окраски» является прямым, а значение «глупый, тупой, упрямый человек» – переносным; у слова *мажор* значение «музыкальный лад, характеризующийся бодрой, радостной звуковой окраской» является прямым, а значение «бодрое, веселое настроение» – переносным.

Будучи свернутым сравнением, переносное значение обычно допускает трансформацию (преобразование) в сравнительный оборот. Например: *Он осел* → *Он подобен ослу* / *Он как осел* / *Он глуп, как осел*.

Прямое значение называют еще буквальным, а переносное – образным, фигуральным.

Что такое мотивирующие и мотивированные значения? Мотивирующим называют значение производящего слова, а мотивированным – значение производного слова. Например, слово *кожа* имеет мотивирующее значение, а слово *кожанный* – мотивированное. Значение первого слова мотивирует (объясняет) значение второго. Слово *кожанный* оз-(«сделанный из кожи». Это не случайно: слово *кожанный* непосредственно произведено от слова *кожа* и, включив в себя его основу, включило в себя его значение.

Другое дело – значение слова *кожа*. Это значение является немотивированным, поскольку слово *кожа* – непроизводное.

Таким образом, непроизводное слово имеет немотивированное значение, производное слово – мотивированное значение, а производящее слово – мотивирующее значение.

Синонимичными называются близкие или совпадающие значения разных слов, могущие взаимозаменяться в одном окружении. Например: *подлинник* – *оригинал*, *нуждаться* – *бедствовать*. Разные значения многозначного слова входят в разные синонимические ряды. Например: 1) *темный* – *неосвещенный* и 2) *темный* – *безграмотный*; 1) *жесткий* – *твердый* и 2) *жесткий* – *резкий*.

Антонимичными называются значения, находящиеся в отношениях полного логического противопоставления. Например: *тихий* – *гром-*

кий, темный – образованный. Разные значения многозначного слова входят в разные антонимические пары: 1) *темный – светлый* и 2) *темный – образованный*; 1) *жесткий – мягкий* и 2) *жесткий – тактичный*.

Когда мы имеем дело с многозначными словами, то синонимичные и антонимичные отношения устанавливаются не между словами в целом, а между их отдельными значениями, точнее – лексами.

Теперь мы должны охарактеризовать свободные и связанные значения. Свободные значения – это такие значения, сочетаемость которых в речи не ограничена никакими языковыми факторами. Например, значение «коричневый» (точнее, слово *коричневый* с соответствующим значением) свободно сочетается с любыми другими значениями, если только это не противоречит реальным связям реальных предметов: *коричневый портфель, коричневый костюм, коричневый галстук* и т.п. Что же касается недопустимости сочетаний типа «коричневая пословица», то она объясняется внеязыковыми факторами – отсутствием у предмета *пословица* соответствующего цветового признака. Свободные значения в языке преобладают.

Связанные значения – это такие значения, сочетаемость которых в речи резко ограничена, причем это ограничение имеет чисто языковую природу. Например, слово *карий* может сочетаться только со словом *глаза*. Если исходить из того, что слово *карий* имеет значение «коричневый», то можно было бы ожидать сочетаний **карий портфель, *карий костюм, *карий галстук* и т.п. С предметно-логической точки зрения такие сочетания возможны. Но язык, языковая традиция накладывает на них категорический запрет. Слово *карий* имеет типичное связанное значение.

Аналогичные отношения наблюдаются между словами *внезапная* и *скоропостижная*: *внезапная смерть, внезапный отъезд, внезапная свадьба – скоропостижная смерть* (но **скоропостижный отъезд, *скоропостижная свадьба* и т.п.); *опустить – потупить* (глаза, голову); *разбить – расквасить* (нос, лицо); *очень сильный – трескучий* (мороз); *ненадежный – утлый* (челн) и т.п.

Слова со свободными значениями образуют свободные словосочетания, слова со связанными²⁴ значениями – фразеологические словосочетания. Некоторые исследователи считают, что разница между свободными и фразеологическими словосочетаниями – чисто количественная. Например, М.М. Копыленко и З.Д. Попова пишут: «... по сути дела, абсолютно свободных сочетаний лексем в языке не существует, есть только разные по количеству возможностей сочетаемости серии лек-

²⁴ Точнее, с фразеологически связанными, поскольку существуют и синтаксически связанные значения.

сем» [Копыленко, Попова 1972: 8]²⁵. Действительно, нет и не может быть лексем, способных сочетаться со всеми без исключения другими лексемами данного языка. Иначе говоря, сочетаемость любого слова является ограниченной. Но между свободными и связанными словосочетаниями – разница не количественная, а качественная: сочетаемость слов в свободных словосочетаниях ограничена факторами внеязыковыми предметно-логическими²⁶ (например, возможны сочетания *голубое небо*, *голубая кофточка* и т.п., но невозможны сочетания **голубой отказ*, *голубое возражение* и т.п., потому что отказ и возражение как денотаты не обладают признаком цвета), а сочетаемость слов в связанных словосочетаниях ограничена факторами чисто языковыми, точнее – языковой традицией (например, только языковой традицией можно объяснить недопустимость словосочетания **карий костюм*)²⁷. Есть слова, сочетаемость которых ограничена всего одной лексемой, но, поскольку это ограничение имеет предметно-логический характер, их значения следует отнести к свободным, а не к фразеологически связанным²⁸. Примером может служить слово *перочинный*.

Есть связанные значения, свобода употребления которых в речи ограничена синтаксически. Они могут выступать в речи главным образом тогда, когда слово выполняет в предложении функцию сказуемого (а также – реже – обращения и приложения). Например: *Он еще орел!* Такого рода значения наблюдаются у слов *ворона*, *пестух*, *тюлень*, *ремень*, *молодец* и ряда других. Анализируемые значения можно называть

²⁵ Во втором издании книги М.М. Копыленко и З.Д. Попова признают существование «эфемерных, разрушающихся вслед за возникновением совершенно свободных сочетаний» [Копыленко М. М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии: Проблемы, методы, опыты. – Воронеж, 1978. С. – 10].

²⁶ «...Сочетаемость двух слов в акте речи зависит прежде всего от реальной совместимости в экстралингвистической действительности их референтов», – пишут О.В. Загоровская и И.А. Стернин [1983: 127].

²⁷ О.В. Загоровская и И.А. Стернин справедливо замечают, что «существует два вида сочетаемости слова: отражательная и традиционная. Отражательная сочетаемость регулируется депотативными и коннотативными компонентами значения слова. Традиционная – особыми скрытыми семами ограничения сочетаемости, или селективными семами» [Загоровская, Стернин 1983: 131]. Возражение вызывает здесь лишь мысль о существовании особых «селективных сем»: ведь сема, по определению, – это компонент значения и имеет отражательную природу. Авторы и сами считают понятие «селективных сем» дискуссионным. Таким образом, они правы не тогда, когда вводят искусственное понятие «селективных сем», а тогда, когда говорят, что традиционная сочетаемость «логически не объяснима и определяется языковой традицией» [там же].

²⁸ «Чисто селективные ограничения сочетаемости слов, – пишут О.В. Загоровская и И.А. Стернин, – следует из случаев единичной сочетаемости словесных единиц типа «кивать (головой)», «сиплый (голос)», «жмурить (глаза)», «скалить (зубы)» и т.н. Единичная сочетаемость слова всегда обусловлена денотативно, указание на характеризуемый объект входит в понятие, которое в связи с этим становится очень узким...» [Загоровская, Стернин 1983: 129].

синтаксически связанными. Преимущественное употребление слов типа *орел* в функции сказуемого (предиката) объясняется тем, что они имеют предикативно-характеризующие (или просто характеризующие) значения. Семантика слова обуславливает его синтаксическое поведение. Слово, имеющее характеризующее лексическое значение, должно занимать позицию того члена предложения, который является носителем предикативного признака, – сказуемого.

В.В. Виноградов называл эти значения «синтаксически обусловленными» [Виноградов 1953: 27]. Однако этот термин вызывает возражения в связи с тем, что превратно толкует взаимоотношения синтаксиса и семантики: не синтаксическое поведение (функция) слова обуславливает его значение, а, наоборот, значение слова обуславливает его синтаксическое поведение²⁹.

Кроме «синтаксически обусловленных», В.В. Виноградов выделил также «конструктивно организованные (обусловленные) значения» [Виноградов 1953: 27], т.е. значения, связанные с той или иной моделью управления (*передать* + *кому*, *интересоваться* + *чем*, *рассказать* + *о чем* и т.п.), значения, сама дифференциация которых «всецело зависит от форм их сочетаемости с другими словами» [Виноградов 1953: 27]. К «конструктивно организованным» В.В. Виноградов относил значения, предполагающие при себе зависимую падежную (предложно-падежную) форму, например *отозваться* + *на просьбу*. Если же при данном значении падежная (предложно-падежная) форма не употребляется (например: *Никто не отозвался*), то это значение, видимо, следует называть «конструктивно не организованным». Но ведь употребление слова без зависимой падежной формы – это тоже употребление в определенной конструкции, о чем прямо сказано и в статье В.В. Виноградова (с.27). Иначе говоря, каждое слово в любом лексическом значении употребляется в той или иной синтаксической конструкции, в том или ином синтаксическом окружении. Иметь синтаксическое окружение (синтаксические признаки) – это свойство всех без исключения слов. Значит, это свойство не может рассматриваться как дифференциальное, способное лечь в основу классификации. Лексические значения нет оснований делить на конструктивно организованные и конструктивно не организованные значения (которые на с.26 В.В. Виноградов назвал прямыми). О том, что «конструктивно обусловленные» значения не образуют особого типа, говорил и сам В.В. Виноградов: «Таким образом, в системе знаменательных частей речи конструктивная обусловленность или связанность лишь вносит своеобразные оттенки в основные типы значений слов...» (с. 28).

²⁹ См. об этом: Фоменко 1974: 3-11; Фоменко 1979: 3-11; Фоменко 1981: 3-9.

Говоря о «конструктивно обусловленных» значениях, В.В. Виноградов во всех случаях имеет в виду связь слов со словами управляемыми. А их связь со словами согласованными и примыкающими (а также сочиненными)? Ведь «формы сочетаемости» слов могут быть разными.

Самое же главное возражение вызывает тезис об обусловленности лексического значения его окружением, управлением, синтаксическими свойствами. Как мы уже сказали, не синтаксическое окружение обуславливает лексическое значение слова, а, наоборот, лексическое значение слова обуславливает его синтаксическое поведение.

На стыке словообразования и лексикологии возникает необходимость разграничения лексического и словообразовательного значений. Словообразовательное значение – это значение словообразовательной модели (образца), по которой сконструировано слово³⁰, а лексическое значение – это индивидуальное значение слова, включающее в себя словообразовательное значение как свою мотивацию [см.: Моисеев 1985: 84], основу, каркас³¹. Словообразовательное значение – это наметка лексического. Чаще всего лексическое значение не равно простой сумме значений входящих в него морфем. Это несовпадение лексического значения с суммой значений морфем называют идиоматичностью (фразеологичностью) слова. Например: *безвременный* – не «не имеющий времени», а «преждевременный»; *безбожный* – не «не имеющий бога», а «бессовестный, возмутительный»; *столяр* – не «человек, делающий столы», а «рабочий, специалист по обработке дерева (более тонкой и тщательной, чем при плотничьих работах) и изготовлению изделий из него».

«...Идиоматичность слова – закон, – пишет М.В. Панов, – а неидиоматичность – отступление. Но в таком случае эта неидиоматичность сама идиоматична» [Панов 1956: 151; см. также: Панова 1984: 63 и др.].

Попробуем теперь ответить на вопрос, какие типы оппозиций может входить то или иное значение, конкретнее: всегда ли производящее значение является главным, а производное – второстепенным; всегда ли производное значение является главным, а переносное – второстепенным; всегда ли производное значение является переносным. На все эти вопросы мы ответим: не всегда. Производное значение может быть главным, а производящее – второстепенным. Например: *отрез* – 1)

³⁰ По мнению А.И. Моисеева, это «семантическое соотношение между производным словом и его производящим...» [Моисеев 1985: 16].

³¹ Вряд ли словообразовательное значение можно считать частью лексического значения (или содержание) слова, как это делает, например, К.А. Тимофеев [см.: Тимофеев 1977: 54 – 55].

«действие по глаголу отрезать» и 2) «несколько метров ткани, отрезанных от целого куска»; *вертеп* – 1) «пещера» и 2) «притон»; *диктатор* – 1) «должностное лицо в древнем Риме, назначавшееся сенатом в случае внешней или внутренней опасности, угрожавшей государству, и располагавшее неограниченными полномочиями» и 2) «лицо, пользующееся неограниченной властью в управлении государством».

Переносное значение может быть главным, а прямое – второстепенным. Например: *антипод* – 1) во мн.ч. «обитатели двух диаметрально противоположных точек поверхности земного шара» и 2) «лицо, имеющее противоположные взгляды, обладающее противоположными качествами по сравнению с кем-либо».

Производное значение чаще бывает переносным, но может быть и прямым. Например: *дорожка* – 1) «ум.-ласк, к дорога» и 2) «узкий, длинный ковер, половик».

В семасиологических работах структурального направления под влиянием семиотики Ч. Пирса принято выделять три вида (типа) значений – денотативное, сигнификативное и структурное. Денотативное (или предметное) значение – это «отношение языковой единицы к денотату» [Плотников 1984: 9], сигнификативное (или понятийное) значение – это «отношение языковой единицы к сигнификату, т.е. к понятию, образу, мысли человека о соответствующем денотате» [там же], структурное (или внутриязыковое) значение – это «отношение данной языковой единицы к другим однородным ей единицам» [там же]. Эта типология значений вызывает целый ряд возражений.

Во-первых, она опирается на релятивистскую концепцию значения Ч. Пирса, несовместимую с субстанциональной (отражательной) концепцией. Согласно последней, значение есть самостоятельная психическая сущность, мыслительный образ, отражение предмета, ассоциированное с тем или иным звукокомплексом (точнее, образом звукокомплекса), а не отношение языковой единицы к денотату, сигнификату и другим языковым единицам. В лучшем случае названные «значения» можно считать асpekтами анализа [см.: Маслов 1975: 112]: «денотативное значение» – это рассмотрение значения с точки зрения его отношения к денотату, «сигнификативное значение» – это рассмотрение значения с точки зрения его отношения к сигнификату (понятию), «структурное значение» – это рассмотрение значения с точки зрения его отношения к другим значениям языка. Очевидно, приближаясь к пониманию этого, некоторые лингвисты говорят то о «видах», то об «асpekтах» лексического значения [Плотников 1984: 13 и др.; Новиков 1982: 88]. Однако одновременное употребление обоих этих терминов скорее даже запутывает ситуацию. Например: «Данный аспект (! – Ю.Ф.) значения называется сигнификативным и вместе (? – Ю.Ф.) с денотативным ас-

пектом образует главную часть (! – Ю.Ф.) плана содержания» [Плотников 1984: 13]; «Учитывая существующую систематизацию различных видов (! – Ю.Ф.) значения, будем различать следующие аспекты лексического значения...» [Новиков 1982: 88].

Во-вторых, эта типология предполагает монолатеральность (односторонность) языковой единицы, значением которой признается не ее составная часть, а отношение к разным другим вещам.

В-третьих, между языковой единицей (звуковым комплексом) и денотатом нет непосредственной связи. Их отношения опосредованы понятием (сигнификатом), т.е. значением.

В-четвертых, как уже было показано, значение по своей природе совпадает с понятием (сигнификатом). Следовательно, языковая единица не просто «соотносится» с понятием, а включает его в свой состав на правах плана содержания.

В-пятых, прежде чем вступить в отношения с другими языковыми единицами, данная единица языка уже должна обладать определенным, постоянно присущим ей значением, которое и определяет ее сочетательный потенциал. Как мы уже сказали, не сочетаемость определяет значение, а значение определяет сочетаемость. «... Синтактика, — заметил М.В. Никитин, — относится к устройству знаковых систем и знаковых выражений, но не к их содержанию, не к передаваемой ими информации» [Никитин 1988: 37].

В-шестых, нельзя рассматривать в одном ряду «денотативное», «сигнификативное» и «внутриязыковое» значения, с одной стороны, и лексическое и грамматическое значения – с другой, поскольку первая триада отражает релятивистскую, а вторая – отражательную концепцию значения.

В-седьмых, если мы признаем в каждом слове существование «денотативного», «сигнификативного» и «структурного» значений, то мы, очевидно, должны признать многозначными все слова (без исключения).

Все сказанное приводит нас к выводу о неадекватности типологии значений, принятой в семиотике и структурной лингвистике [см. также: Никитин 1988: 33-38].

4. Грамматическое значение

В содержание каждого самостоятельного слова, кроме лексического входят грамматические значения. Например, в содержание слова *лисица* входит лексическое значение «хищное млекопитающее из семейства собачьих с длинным пушистым хвостом» и грамматические значения женского рода, единственного числа, именительного падежа. Что

же такое грамматическое значение и чем оно отличается от лексического?

1) Легко заметить, что грамматические значения, свойственные слову *лисица*, повторяются во многих других словах, например в словах *девушка*, *невеста*, *подруга*, *попадья*, *соседка* и тысячах других. Что касается лексического значения слова *лисица*, то оно свойственно только этому слову и никакому другому. Делаем вывод: лексическое значение индивидуально, т.е. принадлежит тому или иному отдельному слову, а грамматическое значение категориально, т.е. свойственно целым большим классам (категориям) слов.

Грамматические значения можно определить как значения, сопутствующие лексическому и охватывающие большие классы слов.

Лексическое значение отражает предмет (в широком смысле слова), а грамматические значения – его сопутствующие признаки, причем признаки, повторяющиеся во множестве предметов, и нередко предметов разных категорий. Например, значение 1 лица свойственно и слову *иду*, и слову *пою*, и слову *читаю*, и тысячам других слов; значение единственного числа свойственно и слову *корова*, и слову *человек*, и слову *иду*, и тысячам других слов разных классов (частей речи).

2) Можно ли противопоставлять лексические и грамматические значения по признаку конкретности / абстрактности? По-видимому, можно. Лексические значения могут быть и конкретными, и абстрактными (например, «камень» и «гнев»), а грамматические значения всегда абстрактны (например, грамматические значения наклонения, времени, вида и др.). Не случайно в процесс грамматикализации вовлекаются лишь абстрактные слова. Примерами могут служить связочный глагол *быть*, предлоги *согласно* и *вследствие*, союз *хотя* и мн. др. Грамматические значения часто выражают отношения. Вспомним здесь, к примеру, грамматическое значение падежа.

Сами грамматические значения тоже могут различаться степенью абстрактности. Так, например, грамматические значения изъявительного, повелительного и сослагательного наклонений охватываются более абстрактным грамматическим значением наклонения вообще (грамматической категорией наклонения).

3) Грамматические значения находятся в определенной зависимости от лексических, точнее – от их категориальных (частеречных) сем³². Так, если в лексическое значение слова входит категориальная сема предметности, то у этого слова ожидаются и обнаруживаются грамматические значения рода, числа и падежа (*плотник*); если в лексическое

³² Подчеркнем, что значения частей речи мы вслед за некоторыми авторами [см., напр.: Левковская 1962: 138] рассматриваем не как грамматические (дополнительные, сопровождающие) значения, а как ядерные категориальные (частеречные) семы лексических значений.

значение слова входит категориальная сема процессуальности, то у этого слова ожидаются и обнаруживаются грамматические значения вида, залога, наклонения, времени и лица (*пишу*).

4) Можно ли различать лексические и грамматические значения по количественному признаку? Да: число грамматических значений в каждом языке, в отличие от лексических, невелико. Грамматические значения легко исчислимы. Видимо, это объясняется их абстрактностью.

5) Грамматические значения, в отличие от лексических, образуют четкие оппозиции, обычно состоящие из двух-трех членов. К ним относятся, например, грамматические значения числа, наклонения, времени, лица и др. Оппозитивность – обязательное качество грамматического значения. Нельзя говорить о каком-либо грамматическом значении, если ему не противопоставлено другое (другие) однопорядковое (однородное) грамматическое значение. Например, поскольку в английском языке нет оппозиции двух или нескольких падежных значений, постольку нет оснований говорить о надежде вообще. Грамматические значения, входящие в одну оппозицию, охватываются более широким – грамматическим значением, именуемым грамматической категорией.

6) Если лексическое значение выражается основой слова, то грамматическое значение – служебной морфемой (или каким-нибудь грамматическим средством). Будучи дополнительным в плане содержания, грамматическое значение является дополнительным и в плане выражения. Например: *весн + а, ид + у*.

Конкретный грамматический способ выражения грамматического значения называется грамматической формой. Выражение с помощью той или иной грамматической формы (грамматического средства) – обязательный признак грамматического значения [см.: Ахманова 1957: 66]³³. Могут быть случаи, когда одно и то же значение выражается то служебной морфемой, то основой слова (словом в целом). Например: *беру – я брал, профессора – профессура, человек 200* (порядок слов) – *приблизительно 200 человек*. В словоформе *беру* значение 1 лица является грамматическим, в словосочетании *я брал* – лексическим.

Грамматическое значение, в отличие от лексического, может иметь нулевую форму: *стол_, пришел_, принес_*.

7) Можно ли различать грамматические и лексические значения по признаку обязательности, предложенному Ф. Боасом [см.: Якобсон 1985: 231]? По-видимому, да. Какие значения являются обязательными,

³³ В связи с этим грамматические значения иногда называют формальными [см.: Ахманова 1966: 161].

т.е. появляются в речи в обязательном (принудительном) порядке, независимо от воли говорящего, каждый раз, когда в высказывании появляется слово (часть речи), способное иметь это значение? Очевидно, грамматические. Обязательными являются, например, значения вида и времени, поскольку каждый глагол получает в речи ту или иную видовую характеристику, а в рамках изъявительного наклонения в обязательном порядке характеризуется по признаку времени: *выздоровливаю – выздоровел, писал – пишу – буду писать*. Следствием обязательности грамматического значения является его высокая частотность.

8) Как известно, многие слова языка многозначны, т.е. имеют несколько лексических значений. Сохраняется ли многозначность на уровне речи? Нет, в речи многозначное слово фигурирует не во всех, а лишь в одном своем значении. Например, слово *дом* выступает то в значении «жилище», то в значении «люди, в нем живущие», но не в том и другом одновременно. Иначе ведет себя многозначная флексия, являющаяся средством выражения грамматических значений: она остается многозначной и на уровне речи. Например, в словоформе *женщина* флексия одновременно выражает грамматические значения женского рода, единственного числа и именительного падежа. Этот признак флексии (и грамматического значения) называют одновременной многозначностью (Ю.С. Маслов), синтетосемией (П.Н. Денисов), «кучностью» (Б.С. Хаймович).

9) Если какое-либо значение находится в регулярных отношениях с грамматическим значением, то оно само есть грамматическое значение. Например, значение вида находится в регулярных отношениях с грамматическим значением времени и само является грамматическим. Лексическое (индивидуальное) значение находится в регулярных отношениях с грамматическим (категориальным) не может.

К этим (отмеченным в литературе) признакам грамматического значения добавим еще один.

10) Известно, что лексическое значение обычно многокомпонентно, т.е. включает в себя не менее двух сем. А грамматическое значение? Можно предполагать, что оно однокомпонентно, «односемно». Это объясняется тем, что грамматическое значение отражает какой-то абстрактный признак целого класса вещей.

После всего сказанного грамматические значения можно определить следующим образом: это значения, сопровождающие лексические, отражающие признаки, свойственные большим классам предметов, и выражающиеся с помощью того или иного грамматического средства.

Как следует интерпретировать тот элемент содержания слова, который принято называть «значением части речи»? Многие языковеды считают значение части речи грамматическим значением. Однако зна

чение части речи не имеет таких обязательных признаков грамматического значения, как оппозитивность и выражение с помощью специальной служебной морфемы (грамматического средства). Это дает основание считать значение части речи ядерной, частеречной семой лексического значения.

В современной литературе нет единства мнений о характере значений служебных слов – предлогов и союзов. Одни исследователи (К.С. Аксаков, Н.П. Некрасов, Д.Н. Овсянко-Куликовский, А.И. Смирницкий, Е.Т. Черкасова, Р.П. Рогожникова и др.) считают значения предлогов и союзов лексическими (вариант: предлоги имеют и лексическое и грамматическое значения), другие (М.В. Ломоносов, А.А. Потебня, Ф.Ф. Фортунатов, А.А. Шахматов, М.И. Стеблин-Каменский, В.С. Бондаренко и др.) – грамматическими. Сторонники второй точки зрения ссылаются на то, что предлоги и союзы выражают отношения (между словами и – далее – обозначаемыми ими явлениями объективной действительности). Например: *думаю о будущем, города и годы*.

Проверим эту точку зрения, опираясь на составленный нами список различительных признаков грамматических значений.

1) Значения служебных слов являются не категориальными, а индивидуальными. Например: *к, под, за, перед; и, или, зато*. Это – признак лексического значения. Они не являются дополнительными, сопровождающими другие. Значение служебного слова нельзя расчленить на два компонента – лексический и сопровождающий его грамматический. Содержание служебного слова состоит из одного компонента, и этот компонент может быть определен только как лексический, поскольку – повторим – грамматическое значение является сопровождающим, т.е. не может быть в слове единственным.

2) Значения служебных слов часто бывают конкретными: *над, под, перед, за*. Это – признак лексического значения.

3) Значения служебных слов не находятся в зависимости от частеречной семы их лексических значений. Это утверждение прямо вытекает из пункта первого.

4) Число значений служебных слов весьма велико и не поддается точному исчислению. Это сближает их с лексическими значениями.

5) Значения служебных слов не образуют четких оппозиций. Это – признак лексического значения.

6) Значения служебных слов выражаются не служебной морфемой, а словом в целом. Это – признак лексического значения.

Значения служебных слов не могут быть выражены нулевой формой.

7) Значения служебных слов не являются обязательными. Например: *Я подошел к дому → Я прошел еще несколько шагов и оказался*

около дома. Вообще признак обязательности связан с признаком дополнительности.

8) Многозначные служебные слова всегда выступают в речи в одном из своих значений, а не во всех одновременно. Это – признак слова, а не морфемы (флексии).

9) В регулярных отношениях с грамматическими значениями значения служебных слов не находятся. Это признак лексического значения.

10) Предварительный анализ показывает, что значениям служебных слов свойственна односемность. Это признак грамматического значения.

Из всего сказанного вытекает, что значения служебных слов не являются грамматическими в строгом смысле этого термина. Значения служебных слов стоят ближе к лексическим.

В то же время необходимо учитывать их специфику. Служебные слова выражают отношения, не выполняют номинативную функцию, не обладают признаком самостоятельности и не являются членами предложения. Все это сближает их со служебными морфемами (флексиями). Э.М. Джемакулова [1980: 35] предложила называть значения служебных слов комбинационными. Рациональное зерно в этом предложении есть.

5. Эмоционально-оценочный компонент

Эмоционально-оценочный компонент отражает отношение человека к обозначаемому предмету, эмоцию³⁴, которую предмет вызывает, оценку, которую человек дает предмету. Строго говоря, эмоциональность и оценочность слова – признаки самостоятельные, но они тесно связаны друг с другом. Эмоциональность невозможна без оценочности, ибо любая эмоция носит оценочный характер (хотя оценка не всегда эмоциональна). В то же время разграничивать оценочность и эмоциональность очень трудно, поэтому-то лингвисты и предпочитают говорить об эмоционально-оценочном компоненте.

Эмоционально-оценочный компонент легче всего обнаруживается с помощью метода сравнения. Например, слова *голова* и *будка* имеют одно и то же лексическое значение, но различаются эмоционально-

³⁴ Эмоции – это «реакции человека и животных на воздействие внутр. и внеш. раздражителей, имеющие ярко выраженную субъективную окраску и охватывающие все виды чувствительности и переживаний. Связаны с удовлетворением (положит. Э.) или неудовлетворением (отрицат. Э.) разл. потребностей организма. Дифференцированные и устойчивые Э., возникающие на основе высш. социальных потребностей человека, обычно наз. чувствами (интеллектуальными, эстетич., нравств.)» [СЭС 1985: 1543].

оценочным компонентом: слово *голова* имеет нулевой эмоционально-оценочный компонент (нулевую окраску), а слово *будка* выражает отрицательную оценку предмета, чувство отвращения к нему. В словарях эмоционально-оценочный компонент характеризуется пометами «неодобр.», «ирон.», «фам.», «груб.», «презр.», «пренебрежит.», «шутл.» и т.д. Например: *баба* (о женщине) – пренебрежит., *баба* (о мужчине) – ирон., *вонь* – неодобр., *выдра* (чрезмерно худая женщина) – бран., *выродок* – презрит., *гляделки* – груб., *супружница*, *вельми*, *шарм*, *зело* – шутл.

Некоторые исследователи (например, Е.М. Галкина-Федорук [1957: 83]) относят к эмоциональной лексике названия эмоций типа *любовь*, *ненависть*, *злость*. Однако слова типа *злость* выражают не эмоции, а понятия об эмоциях, так что эти слова имеют чисто интеллектуальный характер. Произнося слово *злость*, говорящий не испытывает чувства злости. Другое дело – слово (фраза) *Собака!*

6. Стилистический компонент

Стилистический компонент содержания слова (стилистическая окраска) несет информацию о ситуации (сфере общения), в которой протекает речевой акт. Эта ситуация может быть бытовой, официальной, торжественной и т.д. Стилистический компонент отражает принадлежность слова к тому или иному стилю языка: разговорному (*перебранка*), научному (*онтология*), деловому (*нижеподписавшиеся*), публицистическому (*демократизация*), литературно-художественному (*ветрило*), сниженному (*барахло*) и высокому (*грядущий*).

Стилистический (как и эмоционально-оценочный) компонент может быть нулевым. Слова с нулевым стилистическим компонентом называют стилистически не закрепленными, не окрашенными, межстилевыми. Это значит, что они могут быть употреблены в любом стиле языка. Например: *дом*, *идти*, *хороший*, *он*, *пять* и т.д.

В работах по стилистике довольно часто используют термин *экспрессивность* (*экспрессив*). Слово *экспрессия* восходит к латинскому слову *expressio* («выражение»). В «Справочнике лингвистических терминов» Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой слово *экспрессия* толкуется следующим образом: «Выразительно-изобразительные качества речи, сообщаемые ей лексическими, словообразовательными и грамматическими средствами (экспрессивной лексикой, особыми аффиксами, тропами, фигурами)» [Розенталь, Теленкова 1972: 488]. В «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой мы читаем: «Выразительно-изобразительные качества речи, отличают ее от обычной (или стилистически нейтральной) и придающие ей образность и эмоциональную

окрашенность» [Ахманова 1966: 524]. «... Экспрессивность – это усиление воздействующей, впечатляющей силы высказывания...» [Шаховский 1975: 15]. Таким образом, есть основания считать, что экспрессивность – не компонент содержания слова (как считают некоторые лексикологи), а выразительно-изобразительное качество речи, создаваемое средствами фонетики, лексики, фразеологии, словообразования, морфологии и синтаксиса. Это эффект, впечатление, производимое речью на слушателя. Экспрессивная речь – это речь, в чем-либо отклоняющаяся от среднестатистического языкового стандарта. Экспрессивное в речи «выступает как нерегулярное, нетипичное и поэтому необычное, свежее, выразительное» [Харченко 1976: 70]. Экспрессивность слова – это его свойство, определяемое эмоционально-оценочным компонентом, а также образностью значения. Например: *мордашка, ручонка, девчушка; тюлень, петух, орел*.

Эмоционально-оценочный и стилистический компоненты нередко называют термином *коннотация* («созначение», сопутствующее значение), *коннотативный компонент*.

В заключение представим содержание слова в виде следующей схемы:

Лексическое значение (денотативный компонент)	Эмоционально-оценочный компонент	Стилистический компонент	Грамматические значения (грамматический компонент)
--	----------------------------------	--------------------------	--

Глава 2. План выражения слова

1. Форма слова

Нам уже известно, что слово — двусторонняя единица языка. Оно имеет форму и содержание. Содержание слова включает в себя лексическое значение, грамматические значения, эмоционально-оценочный и стилистический компоненты. Что же следует понимать под формой слова?

Сравним слова *дом* и *том*. Это разные слова. Чем выражено их различие? Их различие выражено качеством первой фонемы.

Сравним слова *до* и *дом*. Их различие выражено количеством фонем.

Сравним слова *том* и *мот*. Их различие выражено разной последовательностью одних и тех же фонем.

Сравним слова *átлас* и *атлáс*. Их различие выражено с помощью ударения.

Делаем вывод: лексическое (семантическое, смысловое) различие двух словарных единиц выражено их звуковой оболочкой. Следовательно, звуковая оболочка является формой слова. Но исчерпывается ли понятие формы слова его звуковой оболочкой?

Сравним слова *супруг* и *супруга*. Это разные слова, имеющие разные лексические значения. Как выражено их различие? Их различие выражено в разнице их грамматического (морфологического) оформления (первое слово имеет нулевую флексию, второе — флексию *-а*). Следовательно, грамматическое оформление тоже относится к форме слова.

Сравним слова *полка* (полоть) и *полка* (книжная). Это разные слова, формально различающиеся не на фонетическом и не на грамматическом, а на словообразовательном уровне. Следовательно, словообразовательная структура тоже относится к форме слова. Другие примеры: *панк + а – пан + к + а*, *Гал + к + а – галк + а*.

Таким образом, можно говорить о фонетической, морфологической и словообразовательной форме слова. Иначе: форма слова – это его звуковая оболочка, морфологическое оформление и словообразовательная структура.

Субстанциональная природа формы слова на уровне речи и на уровне языка различна. На уровне речи форма слова имеет физический (звуковой или графический) характер, на уровне языка – психофизиологический [см.: Брудный 1956: 106]. Иначе говоря, форма слова на уровне языка – это не звучание, а его отражение в сознании, акустический образ. Следовательно, слово на уровне языка представляет собой ассоциацию двух образов – образа предмета и образа звучания.

Звуковая оболочка слова – это сигнал, возбудитель соответствующего понятия. Сама по себе она величина односторонняя, т.к. не сопряжена со значением, которое всегда находится в голове человека и не может ее покинуть. В связи с этим приходится отметить неточность (метафоричность) выражения «Люди с помощью речи передают друг другу свои мысли». Ни значения, ни мысль в целом не могут быть отторгнуты от мозга и вложены в другой мозг. Процесс речевой коммуникации – это не процесс «передачи» мысли одним человеком другому, а процесс возбуждения в голове слушающего мыслей, аналогичных мыслям говорящего [см., напр.: Солнцев 1974: 5].

2. Грамматические формы слова

Известно, что изменяемое слово представляет собой систему форм (иначе – грамматических форм, словоформ), тождественных с точки зрения лексического значения и противопоставленных с точки зрения грамматических значений. Например, формами слова *город* являются: *город, города, городу, город, городом, городе, города, городов, городам, города, городами, городах*. Каждая из этих форм противопоставлена каждой другой форме по грамматическому значению падежа и числа (или по одному из этих грамматических значений). Например, форма *город* противопоставлена форме *гóрода* по грамматическому значению падежа, форме *города́* – по грамматическому значению числа, а форме *городами* – по грамматическим значениям падежа и числа. Совокупность всех форм (а также значений, лексико-семантических вариантов, лекс) данного слова принято называть *лексемой*. Число словоформ, входящих в ту или иную лексему, может колебаться от единицы до нескольких сот. Например, лексема *сразу* включает одну словоформу, лексема *гнев* – 6 словоформ (*гнев, гнева, гневу, гнев, гневом, гнев*), лексема *овраг* – 12 словоформ (*овраг, оврага, оврагу, овраг, оврагом, овраге, овраги, оврагов, оврагам, овраги, оврагами, оврагах*), лексема *читать* – 206 словоформ (*читать; читаю, читаешь, читает, читаем, читаете, читают; буду читать, будешь читать, будет читать, будем читать, будете читать, будут читать; читал, читала, читало, читали; читай, читайте, пусть читает, пусть читают, читаем!; читал бы, читала бы, читало бы, читали бы; читающий, читающего, читающему, читающего, читающим, читающем, читающая, читающей, читающей, читающую, читающую(-ей), читающей, читающее, читающего, читающему, читающее, читающим, читающем, читающие, читающих, читающим, читающих, читающими, читающих; читавший (и соответствующие падежные, родовые и числовые формы – всего 24); читаемый (и соответствующие падежные, родовые и числовые формы –*

всего 24); *читаю; прочитать* (и соответствующие формы лица, числа, рода, времени и наклонения, причастия и деепричастия – всего 69); *читаться* (и соответствующие формы лица, числа, рода, времени, наклонения и причастия – всего 39), а лексема *решать* – 235 словоформ.

В речи слово выступает лишь в одной из своих форм.

От грамматических форм одного слова (типа *город – городá*) следует отличать однокоренные, но самостоятельные слова (типа *город – горожанин, город – городской*). *Город* и *городской* — это не формы одного слова, а разные, самостоятельные слова, потому что они имеют разные (хотя и связанные) лексические значения.

Единицы типа *город – гóрода* толкуются всеми лингвистами одинаково. Однако есть факты, которые вызывают споры. К их числу относятся, например, единицы типа *ходит – ходивший*. В.В. Виноградов [1947: 429] и другие видят здесь формы одного слова, Н.М. Шанский [1964: 26] и некоторые другие – разные слова. Какая же точка зрения верна? Анализ показывает, что верна первая точка зрения.

Во-первых, причастие отличается от инфинитива не лексическим, а грамматическими значениями: *ходивший* = «такой, который ходил». Это признак формообразования.

Во-вторых, вспомним, что формообразование отличается от словообразования регулярностью. Ср.: *лампа, лампы, лампе ... = жена*, но *лампа → лампочка* и *жена → *женочка*. Образование причастий характеризуется почти стопроцентной регулярностью.

В-третьих, при словообразовании значение нового слова часто оказывается непредсказуемым, идиоматичным, не выводится по правилу, а при формообразовании значение новой формы предсказуемо, неидиоматично, выводится по правилу. Ср.: *паровоз, электричка, самовар – и лампа, лампы, лампе*. Значение причастия всегда выводится по единому правилу. Например: *ходивший* = «такой, который ходил», *сидевший* = «такой, который сидел», *молчавший* = «такой, который молчал» и т.д.

Спорными считаются факты видообразования: *решать – решить, забросить – бросывать, делать – сделать*. Что же перед нами – словообразование или формообразование? Значение вида является регулярным, категориальным и обязательным, т.е. грамматическим; значит, члены видовой пары различаются грамматическими значениями. Видообразование характеризуется регулярностью. Значение видовой формы выводится по правилу. Следовательно, перед нами – формообразование [см.: Фоменко 1998:77-90].

А.А. Шахматов, Л.В. Щерба и В.В. Виноградов к формам одного слова относят также уменьшительные и увеличительные образования (например, *дом, домик, домина*). Однако эти образования различаются

не грамматическими, а лексическими значениями и должны быть истолкованы как самостоятельные слова.

В системе форм каждого слова одна форма осознается как основная, исходная, а все остальные – как зависимые. Основной формой имен является форма именительного падежа, основной формой глагола – инфинитив. О.С. Ахманова по этому поводу пишет: «Вряд ли можно сомневаться в том, что такие формы, как именительный падеж единственного числа существительного или инфинитив глагола, хотя они, казалось бы, и входят в соответствующие парадигмы на равных правах со всеми другими формами, на самом деле всегда выступают как наиболее обобщенные, наиболее «лексически свободные», наиболее отвлеченные от того или другого грамматического значения иными словами, как наиболее «чистые» представители лексического, «вещественного» значения данного слова» [Ахманова 1957: 108]. Это особенно бросается в глаза при анализе инфинитива. Как известно, он называет действие вне его отношения к модальности, времени, лицу и числу, действие вообще. Недаром его называют неопределенной формой глагола.

«Генеральный характер» формы именительного падежа и инфинитива, замечает Н.М. Шанский, проявляется в том, что они, во-первых, выступают как номинативные формы, как названия явлений действительности, во-вторых, как производящие формы, на базе которых, за редким исключением, только и осуществляется производство новых лексических единиц. Кроме того, продолжает Н.М. Шанский, «генеральный» характер основной, исходной формы слова обнаруживается и в том, что в русском языке нет ни одного слова, основная, исходная форма которого была бы аналитической (составной).

В современной литературе термин *грамматическая форма* используется в двух разных значениях: 1) «конкретный показатель грамматического значения» и 2) «словоформа». Эти значения нередко смешиваются, что ведет к недоразумениям понятийного характера. Показателен такой диалог преподавателя и студента: «Как выражается грамматическое значение (например, грамматическое значение единственного числа в слове *стена*)?» – «С помощью грамматической формы *стена*». Между тем грамматическое значение единственного числа в слове *стена* выражается с помощью грамматической формы (флексии) *-а*, а не всей словоформы *стена*. Подмена терминов ведет к подмене понятий и к неправильной интерпретации фактов языка.

3. Варианты слова

От форм (грамматических форм, словоформ) слова следует четко отличать так называемые варианты слова. Например, *тоннель* – *тонне-*

ля – формы слова, а *тоннель* – *туннель* – варианты слова. Формы слова различаются грамматическими значениями, а варианты слова безразличны к семантике, семантически бессодержательны. Иначе говоря, варианты слов – это формальные видоизменения слов, совершенно безразличные к семантике.

Выделяют варианты акцентологические, орфоэпические, фонематические, морфологические (грамматические) и словообразовательные.

Акцентологические (акцентные) варианты слова – это варианты, различающиеся местом ударения: *твори́ог* – *твóрог*, *о́бух* – *обу́х*, *мы́шление* – *мышле́ние*, одновременно – одновременно, *саже́нь* – *са́жень*, *плане́р* – *пла́нер*, *пиала́* – *пиа́ла* и т.п.

Орфоэпические (фонетические) варианты слова – это варианты, различающиеся произношением звуков в слабых позициях: *в[и³]сна* – *в[э^и]сна*, *ш[[^]]ги* – *ш[ы]ги*, *с[[^]]нет*, *горчи[ч]ник* – *горчи[ш]ник*, *горь[ки]й* – *горь[кь]й*, *бла[г]о* – *бла[γ]о* и т.п.

Фонематические варианты слова – это варианты, различающиеся качеством или количеством фонем – фонемным составом. Например:

1) а) *калоша* – *галоша*, *кентавр* – *центавр*, *кинематограф* – *синематограф*, *крынка* – *кринка*, *матрас* – *матрац*, *околодок* – *околоток*, *пиччикато* – *пиццикато*, *рефлективный* – *рефлексивный*, *торбаса* – *торбаза*, *целлюлоза* – *целлулоза*, *шкаф* – *шкап*, *этак* – *эдак*;

б) *ноль* – *нуль*, *строгать* – *стругать*, *тоннель* – *туннель*, *условливаться* – *уславливаться*;

2) *бивуак* – *бивак*, *кофе* – *кофей*, *осьмушка* – *восьмушка*, *отомстить* – *отмстить*.

Есть ли предел фонемного варьирования слова? Да, есть. Как пишет К.С. Горбачевич, «сама необходимость узнавания слова предполагает некий предел, за которым различие в форме влечет за собой разрушение тождества языковых единиц» [Горбачевич 1978: 12], за которым языковые единицы начинают восприниматься как разные лексемы. «Позиционно не обусловленные фонематические несовпадения обычно не превышают двух фонем (при условии, что одна из них гласная фонема [Горбачевич 1978: 14]. «Более значительные несовпадения в фонемном составе встречаются у некоторых формообразовательных вариантов (*достиг* – *достигнул*, *накоплять* – *накапливать*, *маслята* – *масленки*), где различия, во-первых, приходится на информативно менее значимый в конец слова и, во-вторых, нейтрализуются грамматической регулярностью» [Горбачевич 1978: 14].

Морфологические (грамматические) варианты слова – это варианты, различающиеся системой флексий. Например: *зал* – *зала*, *занавес* – *занавесь*, *жираф* – *жирафа*, *парафраз* – *парафраза*, *рельс* – *рельса*, *скирд*

– скирда, спазм – спазма, ставень – ставня и т.д. Единицы типа занавес – занавесь, жираф – жирафа нельзя считать грамматическими формами одной лексемы, потому что они семантически тождественны друг другу. (Вспомним, что форма рода у неодушевленных имен существительных и многих названий животных бессодержательна, относится к области чистой языковой техники. Другое целое – в случаях кум – кума, раб – раба, супруг – супруга.)

К словообразовательным вариантам слова В.В. Виноградов, О.С. Ахманова и некоторые другие исследователи относят случаи типа: беспристрастность – беспристрастие, героизм – героика, греча – гречиха, дилетантизм – дилетантство, жилет – жилетка, копун – копуша, лиса – лисица, самогон – самогонка, свиарник – свиарня, сочень – сочник, странствие – странствование, террарий – террариум, тишь – тишина, топонимика – топонимия, трешка – трешница, хорь – хорек, элиминация – элиминирование, эллипс – эллипсис; беж – бежевый, безъязыкий – безъязычный, бордо – бордовый, гипотетический – гипотетичный, ерундовский – ерундовый, йтованный – йотированный, комфортный – комфортабельный; бродяжить – бродяжничать, достичь – достигнуть, скопидомничать – скопидомствовать, целить – целиться; навикат – навикате, невмочь – невмоготу, слепа – слепа, хорошо – по-хорошему и т.п. Ф.П. Филин, Р.П. Рогожникова, Д.Н. Шмелев, Н.М. Шанский, К.С. Горбачевич и некоторые другие считают, что так называемые словообразовательные варианты – не варианты одного слова, а разные, хотя и однокоренные слова. Эти однокоренные слова на уровне формы различаются словообразовательными морфемами, а на уровне содержания – или оттенками значения, или системой (числом) значений, или стилистическими качествами, или сочетаемостью. Например, слово дырка отличается от слова дыра легким уменьшительным оттенком; слова столовая и столовка совпадают в значении «предприятие общественного питания», но значение «комната в доме, предназначенная для еды» свойственно лишь слову столовая; слова редис и редиска (так же, как столовая – столовка, картофель – картошка) различаются стилистической окраской; слова домик и домок – сочетаемостью: возможно зажить своим домком, но невозможно «зажить своим домиком». Впрочем, полагают упомянутые языковеды, даже если две лексические единицы совсем не различаются на уровне содержания, само по себе несовпадение их морфемного состава должно означать, что это разные слова.

Думается, однако, что этот формальный признак не должен рассматриваться как определяющий. В качестве определяющего – в соответствии с современным пониманием формы и содержания – должен рассматриваться содержательный аспект слова. С этой точки зрения в случаях типа *топонимика* – *топонимия* есть основания видеть словооб-

разовательные варианты слова. Таким образом, словообразовательные ты слова – это такие его модификации (видоизменения), которые различаются семантически опустошенными словообразовательными морфемами (в абсолютном большинстве или только – суффиксами).

Основные различия вариантов, пишет К.С. Горбачевич [1978: 206], – различия хронологические: один вариант осмысляется как уходящий (старый), другой – как входящий в язык (новый).

Если две лексические единицы с совпадающими лексическими значениями различаются корневой морфемой, то такие единицы принято считать синонимами. Например: *искусствование* – *искусствознание*, *мировоззрение* – *миросозерцание*, *многословный* – *многоречивый*, *нисколько* – *ничуть*, *сладкоежка* – *сладстена*, *чужеземец* – *чужестранец* и т. П.

В языке встречаются и пары слов вроде *бегемот* – *гиппопотам*, *орфография* – *правописание*, *самолет* – *аэроплан*, *лингвистика* – *языкознание*, т.е. слова, тождественные по содержанию, но совершенно разные по форме. Лексикологи называют такие слова или абсолютными синонимами, или дублетами.

4. Способы выражения компонентов содержания слова

Как же выражаются выделенные нами выше компоненты содержания слова?

По вопросу о способе выражения лексического значения слова в литературе существуют две точки зрения: одни исследователи считают, что лексическое значение выражается основой слова³⁵, другие – что словом в целом³⁶. Факты и логика говорят в пользу первой точки зрения. Какие же рассуждения приводят нас к этому выводу? Лексическое значение принадлежит всем словоформам данного слова (*стол*, *стола*, *столу*, *стол*, *столом* и т.д.). Если же оно является общей частью содержания всех словоформ, то оно должно выражаться общей (постоянной) частью их звуковой формы, т.е. основой. Переменная же часть словоформ используется для выражения грамматических значений. «Глокая куздра...» Л.В. Щербы подтверждает справедливость этой мысли.

Если мы согласимся с тем, что лексическое значение выражается словом в целом, то нам придется сделать вывод, что коннотативный компонент и грамматические значения не находят специального выражения, а из этого бы следовало, что форма слова нечленима. Если же

³⁵ См. [Пешковский 1956: 11–13], [Левковская 1962: 135], [Докулил 1967: 7], [Реформатский 1967: 250 – 252], [Кубрякова 1974: 219 – 220], [Моисеев 1985: 16].

³⁶ См. [Стеблин-Каменский 1954: 161], [Смирницкий 1956: 152], [Смирницкий 1959: 101], [Уфимцева 1962: 10, 16] [Черкасова 1967: 10].

мы считаем, что форма слова членима, что коннотативный компонент и грамматические значения имеют свои способы выражения, то мы должны признать, что лексическое значение выражается не словом в целом, а основой. Мнение о том, что лексическое значение выражается словом в целом, очевидно, проистекает из неосознанного смешения лексического значения и содержания слова.

Иногда говорят: «Если мы услышим звукосочетания *жи-*, *ши-*, *мы-*, то не поймем, о чем идет речь. Но стоит прибавить к этим звуковым комплексам *-ть*, и все становится понятным. Значит, лексическое значение выражается словом в целом». Но в этом высказывании значение основы подменяется значением всего слова, лексическое значение – содержанием, часть – целым. Речь же идет именно о значении основы. И это значение есть объективная реальность, подтверждаемая целым рядом фактов. Если носители языка свободно воспринимают даже значения изолированных морфем (например, *езд-*, *-тель*, *-ун*, *-ица*, *-ый*, *-ишь* и т.д.), то тем более свободно они воспринимают значения основ. Любой носитель русского языка свяжет звукосочетание (основу) *жи-* – с представлением о жизни, звукосочетание *ши-* – с представлением о шитье, звукосочетание *мы-* – с представлением о мытье, звукосочетание *учительниц-* – с представлением об учительнице. Еще легче и точнее воспринимается семантика основы, если последняя будет введена в контекст (вспомним, что контекст помогает слушающему правильно воспринимать и значение целого слова). Если, например, мы услышим незаконченную фразу *Здесь он работает, а здесь – жи...*, то поймем, что говорящий имеет в виду словоформу *живет* с хорошо известным нам значением. С большим трудом осмысляется основа, входящая в большое число разных слов (например, *синий*, *синю*, *синь*), и с меньшим – основа, входящая лишь в одно слово (например, *крыть*). Легкость осмысления основы зависит от числа морфем, входящих в основу: чем больше в основе морфем, тем легче воспринимается ее значение, и наоборот. Например: *учительниц-* и *уч-*, *переплет-* и *плет-*, *красноват-* и *красн-* и т.д.

Кроме того, понятно, что в естественной речи слово воспринимается не по частям, а одновременно, в совокупности всех его элементов. Чтобы правильно и точно воспринять лексическое значение, нужно воспринять и сопровождающее, оформляющее его грамматическое значение.

Таким образом, тезис о том, что лексическое значение выражается основой слова, остается в силе.

Эмоционально-оценочный компонент слова выражается по-разному. В одних случаях он – совместно с лексическим значением выражается основой слова или словом в целом (*баба*, *кляча*, *выдра*;

там, здесь, только), в других – специальной морфемой, суффиксом субъективной оценки (мамочка, мамуля, мамуся, старикан, шмутешки, офицерье, солдатня).

Стилистический компонент (стилистическая окраска) специального выражения не имеет.

Что касается *грамматического значения*, то оно выражается «специальными соотносительными грамматическими формами: некорневыми морфемами, чередованием фонем, служебными словами, местоположением, просодическими средствами» [Крушельницкая 1967: 217-218]. Таким образом, грамматическая форма – это выразитель (показатель) грамматического значения. Этой точки зрения придерживается большинство исследователей. К их числу относятся А.А. Шахматов, А.М. Пешковский, Ж. Вандриес, Р.И. Аванесов, В.Н. Сидоров, П.С. Кузнецов, А.Н. Гвоздев, А.И. Смирницкий, А.В. Исаченко, М.В. Панов, М. Докулил, Ю.С. Степанов, А.В. Бондарко, К.Г. Крушельницкая, Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова, Ю.С. Маслов, Е.В. Клобуков, А.Е. Супрун, составители энциклопедии «Русский язык» и мн.др.

У термина *грамматическая форма*, как отметил еще А.М. Пешковский, есть и другое, производное значение – «словоформа», и эти значения нужно четко и последовательно разводить. Во избежание недоразумений было бы лучше вообще не употреблять термин *грамматическая форма* в значении «словоформа».

В лингвистической литературе и в практике преподавания встречается и другое определение грамматической формы – как единства грамматического значения и способа его выражения. Это определение мы найдем в работах О.С. Ахмановой, А.А. Реформатского, А.С. Попова, В.Н. Перетрухина, В.И. Кодухова³⁷ и нек. др. Однако проверка этого определения с философской, логической, физиологической и лингвистической точек зрения показывает его неадекватность.

Современная философия понимает под содержанием внутреннюю сторону предмета, а под формой – организацию содержания, способ его существования [см., напр.: Филос. энцикл. 1970: 383]. Форма и содержание находятся в отношениях единства и взаимоисключения. Ни один философ не определяет форму как единство этой формы и выражаемого ею содержания. При таком подходе проблема взаимоотношений содержания и формы вообще снимается.

³⁷ См.: [Ахманова 1956:116], [Реформатский 1967: 249,260], [Попов 1964: 297], [Перетрухин 1968: 202]. [Программы...1980: II]. (симптоматично, что в более поздней программе по введению в языкознание определение грамматической формы как единства грамматического значения и средства его выражения снято; см.: Программы педагогических институтов. Введение в языкознание... – Сб.1. – М., 1985. – С. 4).

Онтологически содержание и форма любого явления нерасторжимы, но гносеологически они и могут, и должны быть отделены друг от друга.

Анализируемое определение не выдерживает критики с логической точки зрения. Как известно, единство есть один из типов отношений. Но всякое отношение всегда есть отношение вещей. Вещь, вступившая в отношения с другой вещью, не равна и не может быть равна этому отношению. Если мы будем утверждать, что A есть единство B и A , а B – соответственно – единство A и B , то это бы означало, что сами по себе A и B полностью лишены собственного качества и не существуют как таковые ни в объективной действительности, ни на уровне теоретического мышления.

Прежде чем говорить о единстве двух вещей, нужно сначала определить сами эти вещи.

В критикуемом определении легко обнаружить логический круг. Если мы примем определение грамматической формы как единства грамматического значения с данным грамматическим выражением, а словосочетание *грамматическое выражение* заменим его синонимом *грамматическая форма*, то наше определение примет вид упомянутого логического круга: «Грамматическая форма есть единство грамматического значения и грамматической формы», т.е. $x = y + x$. Грамматическую форму мы определяем через самое себя.

Определяя грамматическую форму как единство грамматического значения и способа его выражения, мы должны соответственно определить грамматическое значение как единство способа выражения и выражаемого им грамматического содержания (значения). Но в этом случае определения грамматической формы и грамматического значения совпадут, чего не может быть и что свидетельствует о неадекватности анализируемого определения.

Грамматическая форма – это компонент формы слова в целом. Если же считать грамматическую форму единством грамматического значения и способа его выражения, то грамматическая форма оказывается как компонентом формы слова, так и компонентом его содержания.

Соответственно, если грамматическое значение считать единством грамматической формы и выражаемого ею содержания, то грамматическое значение оказывается как компонентом содержания слова, так и компонентом его формы. Ни с тем, ни с другим согласиться невозможно.

Если грамматическая форма есть единство грамматического значения и способа его выражения, то лексическая форма (форма слова) должна интерпретироваться как единство содержания (внутренней сто-

роны) слова и способа его выражения. Если же неверно второе, то неверно и первое.

А.А. Реформатский справедливо утверждает, что «каждое грамматическое явление всегда имеет две стороны: внутреннюю, грамматическое значение, то, что́ выражено, и внешнюю, грамматический способ выражения, то, чём выражено» [Реформатский 1967: 248]. Но из этого следует, что форма и содержание каждого грамматического явления обладают относительной самостоятельностью и должны получать самостоятельные определения.

Форма связана с содержанием, содержание связано с формой, но не является ее частью. В противном случае мы не имели бы права вообще говорить о реальности содержания.

О самостоятельности формы и содержания в языке свидетельствуют данные физиологии, прежде всего разные случаи афазии: утрата языковых форм при сохранении значений и утрата значений при сохранении языковых форм [см.: Иванов 1962: 80; Верещагин 1967: 39 – 75]. По-видимому, «физиологические предпосылки актуализации или понятий или лексем функционируют самостоятельно» [Верещагин 1967: 46].

Представление об относительной самостоятельности формы и содержания в языке нашло отражение в лингвистическом понятии асимметрического дуализма языкового знака (С.О. Карцевский). Отношения между означающим и означаемым слова асимметричны. Одно означающее может иметь несколько означаемых, одно означаемое может иметь несколько означающих. Формально-содержательная асимметрия языкового знака лежит в основе таких явлений семантики, как полисемия, омонимия и синонимия.

Связь между содержанием и формой языкового знака – связь произвольная, социальная, историческая. Это ассоциация, а не неразрывное единство. Языковое содержание всегда хронологически предшествует языковой форме, которую носителям языка приходится искать и проверять на пригодность, а иногда и заменять.

Языковое содержание имеет отражательный, а выражение – знаковый характер. Форма и содержание в языке разграничены гораздо более четко, чем во многих других объектах. Четко разграничивая форму и содержание языка вообще, мы должны четко разграничивать и их элементы. Элемент плана выражения нельзя определять как единство, объединение элемента плана выражения и элемента плана содержания.

Значение – это мысль о предмете (классе однородных предметов), ассоциированная со звуковым комплексом (точнее – образом звукового комплекса). Мысль есть «продукт процесса мышления, являющегося особой функцией или свойством человеческого мозга, есть факт сознания, есть идеальное. Ее нельзя «отделить» от мыслящего мозга, нельзя

«вынуть» из головы, «прикрепить» к звуковому комплексу и «перенести» по воздуху или какой-либо другой среде к слушающему и поместить в его голову. В самом звуковом комплексе, о котором говорят, что он выражает и сообщает (передает) мысль, никакой мысли обнаружить невозможно. ...Идея или мысль не передается через пространство. В голове слушающего появляется не переданная ему мысль извне, а своя собственная, но аналогичная мысли говорящего» [Солнцев 1974: 5; см. также: Чейф 1975: 74 — 75]. «Несколько упрощая, можно сказать, что после обнаружения «подтекста» (не в тексте), «затекста» (вне текста), «предтекста» (вне текста) и «контекста» (частично вне текста) собственно текст придется рассматривать лишь как некую последовательность графических или звуковых сигналов, отсылающих реципиентов в область внетекстового» [Горелов 1984: 25]. Следовательно, единство формы и содержания лингвистической единицы имеет место на уровне языка (в сознании человека), но не имеет места на уровне речи (внешней речи). На уровне внешней речи форма лингвистической единицы отрывается от своего содержания, что является еще одним доказательством самостоятельности формы и содержания в языке.

Для подавляющего большинства грамматических форм языков фузионного типа свойственно явление синтетосемии (одновременной многозначности). Одна грамматическая форма выступает как выразитель нескольких грамматических значений. С позиций А.А. Реформатского нам пришлось бы утверждать, что, например, в слове *весна* имеются три грамматические формы – рода, числа и падежа, тогда как перед нами – одна грамматическая форма, несущая тройную функциональную нагрузку.

Отдельные языковые формы (например, формант рода у неодушевленных существительных русского языка) могут семантически опустошаться, но не перестают быть самими собой. Отдельные грамматические значения могут не находить внешнего звукового выражения, т.е. выражаться нулем звука (в этих случаях говорят о нулевой морфеме). То и другое свидетельствует об относительной самостоятельности грамматической формы и грамматического значения.

Поскольку морфема (как и слово) имеет форму и содержание, ее справедливо считают двусторонней единицей языка. Определение грамматической формы как единства грамматического значения и способа его выражения не согласуется с тезисом о двусторонности морфемы.

Определение грамматической формы как единства грамматического значения и способа его выражения в принципе дублирует общепринятое определение грамматической категории [см., напр.: Рус. яз.: Энци. 1979: 59].

Таким образом, нам не удалось найти ни одного аргумента в пользу понимания грамматической формы как единства грамматического значения и способа его выражения. Грамматическая форма – это выразитель грамматического значения, это частный случай грамматического средства, чаще всего – та или иная конкретная служебная морфема.

Глава III. Слова-сорняки в современной русской речи

Слово – это номинативная единица языка, являющаяся строительным материалом для предложения (высказывания). Высказывание строится из слов, смысл высказывания – из значений слов. (Добавим, что смысл высказывания не представляет собой арифметическую сумму значений слов. Для правильного осмысления высказывания (текста) необходимо не только знание значений всех слов (и грамматики), но и знание речевой ситуации, фоновые знания.) Каждый элемент высказывания берет на себя выражение части смысла высказывания. Согласно правилам языка, в высказывании не должно быть ни одного слова, которое бы не принимало участия в выражении смысла высказывания. Появление таких слов есть нарушение правил языка, отступление от принципа экономии речевых усилий. Слова, не несущие смысловой нагрузки, принято называть *сорняками (паразитами)*. Сами по себе эти слова не являются сорняками (в языке ненужных слов нет), но могут становиться ими в речи отдельных людей, недостаточно владеющих языком. Говорящий с трудом подбирает нужные слова, вынужден делать длинные паузы и заполняет их семантически пустыми лексическими единицами. Слова-сорняки имеют место в спонтанной, слабо контролируемой устной речи. «...Автоматизм приводит к засорению устной речи пустыми модальными частицами», – писал В.В. Виноградов [Виноградов 1947: 744]. Особенно часто слова-сорняки наблюдаются у малограмотных людей, пользующихся только одной подсистемой общенародного языка – нелитературным просторечием. Это люди низкого образовательного и культурного уровня. Перед ними не стоит проблема осознанного выбора языкового знака, они не склонны к саморефлексии и саморедактированию. Некоторые слова-сорняки (*скажем так, собственно говоря, стало быть, так сказать, в принципе, допустим* и нек. др.) имеют место в речи людей, владеющих литературной нормой. Э. Григорьева пишет в «Литературной газете»: «Вы обратили внимание на то, как охотно люди (политики разного толка, актеры, журналисты) производят в беседах или монологах слово «да»? Слышали такое: «Наша партия (да?) борется за интересы народа (да?). Мы знаем, чего хотят наши избиратели, а оппоненты не учитывают это, да?» Так изъясняются и Немцов, и Хакамада, и Явлинский, и многие другие. Так говорят молодые актеры и неопытные телеведущие. По частоте это слово стало рядом с безумно надоевшим «как бы». Вот уж поистине слово – хит! Эпидемия «кабызма» охватила почти всю Россию» [ЛГ. – 2003. – № 17.–С.5].

Какие же слова имеют «склонность» к тому, чтобы становиться сорняками? Какие части речи? Какие группы слов? Слова с какой семантикой?

Наблюдения над речью школьников, взрослых носителей языка, журналистов, публицистов, персонажей художественных произведений показывают, что словами-сорняками становятся далеко не все слова. В роли слов-сорняков выступают слова с ослабленным (не-номинативным) лексическим значением: частицы, модальные слова, вводные единицы, местоимения. Практически никогда не выступают в качестве слов-сорняков имена существительные с богатой семантикой, глаголы, прилагательные, предлоги и союзы (строевые слова, по существу относящиеся не к лексике, а к грамматике).

Итак, в качестве слов-сорняков чаще всего выступают: частицы (указательная *вот*, резюмирующая *ну*, модальная *пожалуй*, утвердительная *так*, вопросительная *да*, эмоционально-экспрессивные *просто* и *прямо* и сравнительная *как бы*), модальные слова (*конечно*, *наверное*, *вероятно*, *кажется*), вводные единицы (*вообще*, *в общем-то*, *в принципе*, *допустим*, *значит*, *короче*, *например*, *понимаешь*, *скажем так*, *слушай*, *собственно говоря*, *стало быть*, *так сказать*) и местоимения (указательное местоимение *это*, сочетание указательного и определительного местоимений *это самое*, сочетание вопросительного местоимения *что* и частицы *ли*, сочетание местоименного наречия и предметно-личного местоимения *как его*, местоименное наречие *там*).

Приведем примеры.

Вот я приходил к тебе... вот... но тебя... вот... не застал...» (уч-к 7 кл.).

«Вот, когда мы были на экскурсии, ну и это... вот... когда опустились к реке... вот... и это... увидели бобра...» (уч-к 7 кл.).

«В деревне... вот... с каждым годом все больше и больше... вот... незнакомых. Приезжаю... вот... — и никого почти не знаю... вот» (женщина 26 лет).

«Вот, почему вы пришли сейчас в правительство? Ведь вот Гайдар отказался?» (журналист).

«Ну... мы с мамой вчера вечером были у брата. Ну... на день рождения ходили» (уч-ца 8 кл.).

«Ну, допустим, язык членится на стили. Ну, допустим, выделяют пять стилей языка» (студентка филол. фак-та).

«Помню, «Недоросль» разыгрывали между... так, ну... в свободное время» (мужчина 42 лет).

«Я ищу папу. Моя мама познакомилась с ним в Свердловске. Моя мама химик, а папа как бы металлург...» (девушка 20 лет).

«Ты говоришь, что ты еще как бы учишься и тебе нельзя сейчас выйти замуж...» (женщина лет тридцати).

«Короче, Иван Алексеевич Бунин родился в 1870 году. Детство и юность провел в деревне... Отец Бунина в молодости был офицером. Участвовал в обороне Севастополя в 1854-1855 годах, потом, короче, жил беззаботно, широко... Разорившись, он, короче, поселился на хуторе Озерки...» (уч-ца 8 кл.).

«Вот мы, например, с Мариной не знали, что сегодня, например, будем писать сочинение» (уч-ца 8 кл.).

«Слушай, я сегодня собиралась в Северное. Ну, короче, у меня ничего не вышло: не с кем оставить Толика. Слушай, может быть, ты завтра поедешь? Как здорово! Слушай, я тебе дам денег: купи мне детский шампунь» (женщина 22 лет).

«Я, так сказать, очень тороплюсь. Меня ждут, заждались, так сказать, наверное...» (юноша 16 лет).

«В принципе, в ГПНТБ ничего по моей теме нет. В принципе, можно посидеть в нашей читалке. Тут гораздо больше материала...» (студентка филол. фак-та).

«Собственно говоря, сегодня на уроке мы будем сдавать нормы ГТО. Собственно говоря, за один урок мы не успеем сдать все виды...» (учитель физкультуры).

«Так вот, понимаешь, что за молодежь пошла! Так вот, понимаешь, мало-мальской коровенки держать не хотят...» (глава местной администрации).

«На конкурс проводниц, значит, я попала случайно. Я, значит, выслала свою фотографию на конкурс. Полтора года нас отбирали. И отобрали, значит, 16 человек... Я, значит, в их числе...» (девушка лет двадцати).

«Это, значит, совпадает, значит, с нашим исследованием... Мы, значит, не знаем, связано ли это с падением метеорита... Известно более двадцати таких моментов, значит...» (ученый в телепередаче).

«Впрочем, за прошлый год милиционерами групп задержания нашего отдела на маршрутах патрулирования было выявлено 49 уголовно наказуемых преступлений. А предотвращено, впрочем, 47 преступлений...» (полковник милиции).

«...Недавно в больницу было доставлено пятеро мужчин, так сказать, с термическими ожогами. В автомобиле «Москвич» загорелся газовый баллон, перевозимый, так сказать, с нарушениями правил безопасности...» (участковый инспектор).

«Мы вчера... это... стояли на остановке, ждали автобус, и... это... знаешь, кого видели?... Ну, этого, как его...» (женщина 30 лет).

«...Я ездила в больницу к Олегу, и... это самое... там около больницы, вернее, в больнице была какая-то женщина... Вот... Ей дали направление на эту... это самое... прогревание» (сельская жительница 50 лет).

«Я не знаю, там... Слышал, что... там... он хотел приехать» (муж средних лет).

Слова-сорняки могут использоваться в художественной литературе как средство характеристики персонажей. В рассказе А.П. Чехова «Свадьба с генералом» контр-адмирал говорит: «Ага... так... Чай, теперь все пошло по-новому, не так, как при нас было... А вот у нас есть над чем задуматься... Всякое незначительное слово имеет, так сказать, свое таинственное... э-э... недоумение... В сегодняшний, так сказать, день...гм... В который мы, собравшись для чествования нашего любимого... Например... дай бог память...»

Другим примером может быть речь деда из повести М.Горького «Детство»: «То-то вот... Эх, вы-и... Ага-а!»; «Что-о, дура?! Ага-а! То-то вот...Эх, вы-и!»

Перенасыщен сорняками рассказ малокультурного почтмейстера из «Повести о капитане Копейкине» в «Мертвых душах» Н.В. Гоголя: «Ну, можете представить себе, эдакой какой-нибудь, то есть, то есть, капитан Копейкин и очутился вдруг в столице, которой подобной, так сказать, нет в мире. Вдруг перед ним свет, так сказать, некоторое поле жизни, сказочная Шехерезада. Вдруг какой-нибудь эдакой, можете представить себе, Невский проспект, или там, знаете, какая-нибудь Гороховая, черт возьми! Или там эдакая какая-нибудь Литейная; там шпиц эдакой какой-нибудь в воздухе; мосты там висят эдаким чертом, можете представить себе, без всякого, то есть, прикосновения – словом...Семирамида, сударь, да и полно!»

В уста Петрухи из повести В. Распутина «Прощание с Матерой» автор вложил такую фразу: «Извини-подвинься, закон, он хитрый. Он, извини-подвинься, о-о-о! С ним не шибко!»

Слова-сорняки не следует смешивать с повторениями слов. Например: «Петя – хороший мальчик и хороший друг. Он хороший ученик и хороший спортсмен». Слово *хороший* ни в одном случае его употребления не является сорняком, поскольку каждый раз реализует свое языковое значение – «вполне положительный по своим качествам, такой, как следует». Лексическая норма в этом высказывании не нарушена. В нем нарушена стилистическая норма – требование разнообразия речи» [Фоменко 1994: 14 и 17]. С учетом этого требования приведенный текст можно было бы отредактировать следующим образом: «Петя – добрый мальчик, верный (надежный) друг, хороший ученик и неплохой спортсмен».

Глава IV. О правилах семантического согласования

Минимальным речевым произведением является высказывание (фраза) – цепочка слов, выражающая относительно законченную мысль. Каждое самостоятельное слово в высказывании (если последнее включает в свой состав более одного слова) непосредственно связано с каким-либо другим (иногда – другими) самостоятельным словом. Так как содержание слова включает лексический, грамматический, эмоционально-оценочный и стилистический компоненты, между непосредственно связанными словами устанавливаются отношения семантического (лексического), грамматического (синтаксического), эмоционально-оценочного и стилистического согласования.

Семантическое согласование слов – это приспособление одного лексического значения к другому. Например: *Крапива жжется, Корова доится* – но **Крапива доится, Корова жжется*.

Если заменить слова их значениями (точнее – толкованиями), то семантическое согласование будет выглядеть так: «Травянистое растение с обжигающими волосками на стебле и листьях» + «вызывает ощущение жжения»; «Крупное домашнее животное, дающее молоко» + «дает молоко» – но: *«Травянистое растение с обжигающими волосками на стебле и листьях» + «дает молоко»; «Крупное домашнее животное, дающее молоко» + «вызывает ощущение жжения».

Грамматическое (синтаксическое) согласование слов – это приспособление одного слова к другому по грамматическим значениям (напр.: *Мальчик пришел, Девочка пришла, Отец и мать* – но **Мальчик пришла, Девочка пришел, Отец и матерью*).

Эмоционально-оценочное (экспрессивное¹) согласование – это приспособление одного слова к другому по эмоционально-оценочной окраске (напр.: *миленькая доченька, отвратительная хамка* – но **миленькая хамка, отвратительная доченька*).

Стилистическое согласование – это приспособление одного слова к другому по их стилистической окраске (напр.: *лик страдальца, физиономия бродяги* – но * *физиономия страдальца, лик бродяги*).

Есть основания полагать, что первым (или одним из первых) автором, заговорившим о семантическом согласовании, является Л.В. Щер-

¹ Горбачевич К. С. Экспрессивное согласование // Рус. речь. – 1972. – № 6. – С. 58–60. Называть эмоционально-оценочный компонент экспрессивностью, а эмоционально оценочное согласование экспрессивным нежелательно, так как за термином *экспрессивности* (в соответствии с этимологией и традицией) закрепилось другое значение – «выразительно изобразительное качество речи, создаваемое средствами фонетики, лексики, фразеологии, словообразования, морфологии и синтаксиса» [Фоменко 1991: 46; см. также: Ахматова 1966 524; Галкина-Федорук 1958: 103–124].

ба, еще в 1931 году писавший о «правиле сложения смыслов» [Щерба 1956: 252-263]. Определенный вклад в изучение этой проблемы внесли Ш. Балли, Ч. Огюд, М. Мастерман, Б. Потье, А. Греймас, Н.В. Коссек, Н.Н. Леонтьева, Ю.Д. Апресян, А.К. Жолковский, М.В. Никитин, Г.В. Колшанский, О.В. Загоровская и И.А. Стернин, А.А. Цой, С.Е. Никитина, А.Г. Козырев, Н.С. Новикова, А.И. Голодяевская и И.А. Стернин. Особое место в литературе вопроса занимают работы В.Г. Гака [Гак 1972: 367-395], И.А. Стернина [Загоровская, Стернин 1983: 126-132; Голодяевская, Стернин 1994: 13-24] и М.В. Никитина [Никитин 1996].

Основной закон семантического сочетания слов, — пишет В.Г. Гак, — сводится к тому, что для того, чтобы два слова составили сочетание, они должны иметь, помимо специфических, различающих их сем, одну общую сему. Такую общую сему французские авторы (Б.Потье, А. Греймас и др.) называют классемой. Классемы итеративны, т.е. в данном сообщении они встречаются неоднократно (по меньшей мере, дважды), благодаря чему и осуществляют связь наименований на расстоянии» [Гак 1972: 373-375]². Впрочем, «в такой итеративной функции может оказаться любая сема; мы будем называть ее не «классема», а «связующий семантический компонент» («синтагмемма»)[Гак 1972: 376]. «При этом слова-акциденции (глаголы, прилагательные) подбираются к словам-субстанциям (существительные), даже если это противоречит формальным грамматическим отношениям зависимости (например, в группе «глагол + дополнение»» [Гак 1972: 376]. «...В русском языке переходный глагол семантически согласуется, а переходный глагол — с дополнением» [Гак 1972: 389]. «Итеративность сем в высказывании выступает как формальный способ организации предложения на семантическом уровне и может интерпретироваться как семантическое согласование, в принципе подобное грамматическому согласованию» [Гак 1972: 379]. «Как и во всяком согласовании, здесь имеется избыточность средств выражения, которая, однако, способствует помехоустойчивости» [Гак 1972: 380].

По мнению В.Г. Гака, в словосочетаниях может иметь место семантическое согласование, семантическое несогласование и семантическое рассогласование, которые он представляет с помощью формул: $M_1(a) + M_2(a)$, $M_1(a) + M_2$ и $M_1(a) + M_2(\bar{a})$. «Если повтор семы (согласование) и ее отсутствие (несогласование) не отражаются на значениях сочетающихся слов, то комбинация противоположных (или ненужных) компонентов приводит к тому, что либо у слова M_1 возникает сема (a),

² «...Текст семантической связи, — пишет Ю. Д. Апресян, — если в лексических значениях синтаксически связанных слов имеются повторяющиеся смысловые компоненты; если ни для одной пары синтаксически связанных друг с другом слов это правило не соблюдено, текст семантически не связан [Апресян 1974: 14-15].

либо у слова M_1 угасает сема (a). В обоих случаях постепенно восстанавливается совместимость семантем, рассогласование переходит в согласование, либо в несогласование» [Гак 1972: 381]. «Перенос семантического компонента из одного слова в другое ведет к контекстуальному изменению значения последнего слова» [Гак 1972: 382].

Основная идея В.Г. Гака – о семантическом согласовании слов, о повторяемости сем – не вызывает принципиальных возражений. Что же касается «несогласования» и «рассогласования», то они требуют иной интерпретации.

Следует четко отличать отсутствие повторяющейся семы в слове M_2 и наличие противоположной семы. В $M_1(a) + M_2$ нет семантического противоречия. С денотативной точки зрения при согласовании слово M_2 называет признак, типичный для денотата слова M_1 : *Собака лает, Корова мычит, Курица кудахчет*; при «несогласовании» слово M_2 называет признак, не типичный (но вполне возможный) для денотата слова M_1 . *Собака лежит, Корова лежит, Курица лежит*. И сочетания типа $M_1(a) + M_2(a)$, и сочетания типа $M_1(a) + M_2$ отражают реальные отношения денотатов и соответствуют языковой норме, а словосочетания типа $M_1(a) + M_2(\bar{a})$ не отражают реальные отношения денотатов («быстро плестись») и не соответствуют языковой норме. Сочетания типа $M_1(a) + M_2(\bar{a})$, будучи ненормативными, в речи просто не появляются. Не говорят «умный дурак», «хорошенькая мымра», «вчера уедет».

Кроме того, трудно принять следующее положение В.Г. Гака: «... комбинация противоположных (или ненужных) компонентов приводит к тому, что либо у слова M_2 возникает сема (a), либо у слова M_1 угасает сема (a). В обоих случаях постепенно восстанавливается совместимость семантем, рассогласование переходит в согласование, либо в несогласование» [Гак 1972: 381]. Что значит «постепенно восстанавливается совместимость семантем»? Когда-то она имела место, а потом исчезла? Сочетание «умный дурак» раньше было допустимым, теперь – ненормативным, но «совместимость семантем» «дурак» и «умный» «постепенно восстанавливается»? Конечно, это не так. Несовместимые семантемы (до тех пор, пока они остаются самими собой) не могут стать совместимыми. Словосочетания типа «умный дурак» были и остаются ненормативными, т. е. не появляются в речи. Далее. В.Г. Гак исходит из того, что комбинации семантем с противоположными семами существуют (или появляются?) и одна семантема меняет качество другой, «восстанавливая совместимость». Но семантемы с противоположными семами не вступают в связь друг с другом, не меняют качество друг друга и не «восстанавливают свою совместимость». Говорящий, владеющий семантемами «дурак» и «умный», просто не будет соединять их друг с другом, не будет «заставлять» одну из них менять семное со-

держание другой. Повторим: чтобы одна семантема повлияла на другую семантему с противоположной семой, нужно, чтобы они образовали нормативное словосочетание, вошли в реальное, естественное высказывание, но, поскольку это словосочетание не нормативно, говорящий не построит его.

В.Г. Гак полагает, что в любом правильном словосочетании имеет место «связующий семантический компонент» («синтагмема»). Однако факты показывают, что «синтагмема» имеет место не во всех правильных словосочетаниях. Например, если в словосочетании *Корова мычит она имеет место*, то в словосочетании *Корова хорошая* – нет. В случаях | второго типа достаточно отсутствия противоположных, взаимоисключающих сем (вроде «быстро плестись», «медленно мчаться»). С денотативной точки зрения словосочетания типа *Корова мычит* означают, что признак *мычит* свойствен только субстанции *корова* (или является типичным для него), а признак *хорошая* – очень широкому кругу субстанций (*корова, коза, свинья, собака, женщина* и тысячи других), т. е. не является для субстанции *корова*.

В.Г. Гак исходит из посылки, что контекст меняет значение слова. Эта посылка является ложной. Слово (значение) первично, контекст вторичен. Слово входит в контекст с тем значением, которое оно имеет в языке, в языковом сознании говорящего. Новое значение (оттенок значения) слово получает не в контексте, а в языковом сознании человека, стремящегося обеспечить свои номинативные потребности [Фоменко 1974: 3-11]. Творческой силой обладает не контекст, а человек.

В качестве одного из примеров семантического рассогласования В.Г. Гак приводит словосочетание (фразу) *Время идет*. Очевидно, он полагает, что слово *идет* вступило в сочетание со словом *время* в значении «передвигаться с помощью ног», так что между этими словами не было согласования (было «рассогласование»). После того, как это словосочетание возникло, слово *время* начало гасить в слове *идет* сему «с помощью ног», и, по выражению В.Г. Гака, стала «восстанавливаться совместимость семантем», рассогласование перешло в согласование. Есть все основания считать, что дело обстоит иначе. Слово *идет* имеет в современном русском языке, кроме производящего значения «двигаться, переступая ногами», 24 производных значения, в том числе значение «протекать, длиться», реализованное в словосочетании *Время идет*. Таким образом, никакого погашения семы «с помощью ног» под влиянием семантемы «время» здесь нет, слова *время* и *идет* с самого начала не противоречили друг другу. Как пишет Ю. Д. Апресян, «... семантически согласованные друг с другом слова *A* и *B* не приобретают

общие смысловые элементы в тексте, а имеют их еще в словаре» [Апресян 1974: 14].

Зададим В.Г. Гаку последний вопрос: что такое «комбинация ненужных компонентов»? Какие компоненты являются «ненужными»? Разве могут быть «ненужные компоненты»? И почему они комбинируются?

Как характеризует правила семантического согласования И.А. Стернин?

В работе «О семантических компонентах, определяющих сочетаемость слова» О.В. Загоровская и И.А. Стернин пишут: «... существует два вида сочетаемости слов: отражательная и традиционная. Отражательная сочетаемость регулируется денотативными и коннотативными компонентами значения слова. Традиционная – особыми скрытыми семами ограничения сочетаемости, или селективными семами» [Загоровская, Стернин 1983: 131]. Возражение вызывает здесь, во-первых, положение о существовании особых «селективных сем»: ведь сема (по определению) – это компонент значения, и, следовательно, она имеет отражательную природу. Авторы и сами считают понятие «селективных сем» дискуссионным. Таким образом, они правы не тогда, когда вводят искусственное понятие «селективных сем», а тогда, когда говорят, что традиционная сочетаемость «логически не объяснима и определяется языковой традицией» [Загоровская, Стернин 1983: 131]. Во-вторых, коннотативные компоненты значения (содержания! – Ю.Ф.) слова регулируют не семантическую, а эмоционально-оценочную и стилистическую сочетаемость слова.

«Сочетаемость разрешается, – пишут А.М. Голодяевская и И.А. Стернин, присоединяясь к точке зрения В.Г. Гака, – если в сочетающихся единицах есть совпадающие семантические признаки...» [Голодяевская, Стернин 1994: 13]. «Сочетаемость оказывается недопустимой, если в семантике одного из слов отсутствует семантический признак, присутствующий в другом слове» [Голодяевская, Стернин 1994: 15]. «Разрешаемая сочетаемость и недопустимая... отражают экстралингвистические отношения денотатов: сочетаемость допустима, если «так бывает», и недопустима, если «так не бывает». Таким образом, разрешение или недопущение сочетаемости имеет предметно-отражательную основу» [Голодяевская, Стернин 1994: 15].

В этой статье (и в других работах И.А. Стернина) специального обсуждения требует интегральная концепция значения, принимаемая не всеми лингвистами. Так, Л.М. Васильев считает, что интегральная концепция значения «растворяет собственно языковое содержание того или иного значения в необъятном море других знаний о предмете» [Васильев 1988: 10], ведет к «произволу» и «субъективизму» [Васильев 1988:

11]. К примеру, в слове *мужчина* А.М. Голодяевская и И.А. Стернин, кроме ядерных сем «мужской пол», «взрослый» и «человек», обнаруживают периферийные семы «смелый», «мужественный», «физически сильный», «способный защитить» и др. Что означает «и др.»? Означает ли это, что список периферийных сем слова *мужчина* является открытым? Но с этим трудно согласиться. Выделяемые в слове семы должны подтверждаться фактами языка. Можно предположить, что ядерные семы подтверждаются парадигматически, а периферийные — синтагматически.

Во-вторых, как мы уже говорили, непосредственно связанные слова могут и не иметь общую, повторяющуюся сему. Это, например, наблюдается тогда, когда прилагательное, говоря словами М.В. Никитина, называет «признак, который может быть, а может и не быть у денотатов данного класса»: «смелый мужчина», «мужественный мужчина», «сильный мужчина» и т. д.

В-третьих, требует проверки утверждение, что семантическое согласование может обуславливаться и структурно-языковыми факторами, к которым И.А. Стернин относит грамматические признаки слов. Приспособление слов друг к другу по грамматическим значениям — это семантическое (лексико-семантическое), а грамматическое (синтаксическое) согласование.

М.В. Никитин считает объектом комбинаторной семантики подчинительные словосочетания. Он делит их на экспликационные и элизионные. Экспликационное словосочетание — это сочетание имен вещи экспликандума) и ее признака (экспликанта). Элизионное словосочетание — это сочетание имен двух вещей, связанных некоторым отношением. «Экспликационные словосочетания управляются тремя комбинаторно-семантическими правилами — конъюнкции тождественных, дизъюнкции несовместимых и аддиции свободно имплицуруемых семитических признаков» [Никитин 1996: 583]. Правило конъюнкции действует в плеонастических сочетаниях типа «квадратный квадрат». При осмыслении таких словосочетаний, полагает М.В. Никитин, «вступает в силу правило амальгамации тождественно (тождественного? — Ю. Ф.) многократно выраженного содержания: один и тот же признак регистрируется сознанием единожды, сколько бы раз он ни был заявлен» [Никитин 1996: 571]. «Напротив, если имена вещи и ее признака содержат несовместимые семы (? — Ю. Ф.), которые нельзя одновременно приписать денотату словосочетания, то одна из несовместимых сем должна быть погашена, а соответствующее слово переосмыслено (правило дизъюнкции)» [Никитин 1996: 584]. Это правило реализуется оксюморонах и в метафорах типа «свободный раб», «белая зависть», спящая гроза», «шхуна дремала» и т.д. «Конъюнкция сем имеет место

тогда, когда значение экспликанта лежит в области интенционала или сильного импликационала экспликандума, а дизъюнкция – когда экспликант относится к отрицательному импликационалу (негимпликационалу) экспликандума. Наконец, признаки экспликанта складываются с признаками экспликандума (аддитивное правило), если экспликант относится к свободному (слабому) импликационалу экспликандума» [Никитин 1996: 584]. Аддитивное правило реализуется в словосочетаниях, «в которых экспликант называет признак из области свободного (слабого) импликационала экспликандума»; они «представляют собой нормальный комбинаторно-семантический тип, ср. *длинная дорога, сухой лист, успешное наступление* и т. д. Поскольку свободно имплицуемый признак – это такой признак, который может быть, а может и не быть у денотатов данного класса, атрибуция такого признака денотату информативна, и в словосочетании действует аддитивное правило комбинаторики значений: слово-экпликант привносит свое значение в суммарное значение словосочетания, денотату приписывается дополнительный признак сверх тех, что указаны в нем словом-экпликандумом» [Никитин 1996: 571].

В этих построениях вызывают возражения несколько положений. Во-первых, трудно согласиться с тем, что в одном логическом ряду оказываются плеонастические, «нормальные» и оксюморонные сочетания. Если «нормальные» (*длинная дорога*) и оксюморонные сочетания соответствуют норме, то плеонастические – нет, что, кажется, признает и сам М.В. Никитин, который говорит о плеоназмах, что они «информативно избыточны и неэкономны».

Во-вторых, из триады «плеонастические», «нормальные» и «оксюморонные» (и метафорические) словосочетания оксюморонные словосочетания следует исключить, потому что они соответствуют норме и являются разновидностью «нормальных». «Нормальными» словосочетания являются и в случае, если их члены употреблены в прямых, и в случае, если их члены употреблены в переносных значениях. Единственное условие нормативности – отсутствие в сочетающихся словах противоречащих друг другу (взаимоисключающих) сем.

Этой точки зрения, по существу, придерживается и М.В. Никитин, который пишет: «Следует с самого начала уяснить себе, что никакое сочетание несочетающихся, взаимоисключающих признаков не может быть осмысленным. На деле осмысленное сочетание слов с несовместимой семантикой всего лишь видимость, скрывающая и сигнализирующая семантические процессы переосмысления слов и домысливания словосочетаний, такие, что в результате восстанавливается совместимость смыслов. Негимпликациональные словосочетания не отменяют логику сочетания смыслов, напротив, они опираются на нее (! – Ю.Ф.) и

сигнализируют необходимость запустить семантические механизмы, которые бы восстановили эту логику, как единственно возможную. Логическая норма не может быть нарушена без утраты смысла, ее нарушение лишь видимость. Реально негиппликациональные словосочетания нарушают не нормы логики и мышления, а нормы именования вещей и сочетания слов» [Никитин 1996: 572].

Основная идея этого высказывания, на наш взгляд, верна: «Негиппликациональные сочетания не отменяют логику сочетания смыслов, напротив, они опираются на нее...» Однако трудно согласиться с тем, что сочетания слов с несовместимой семантикой сначала возникают, а уже потом переосмысливаются и домысливаются, в результате чего «восстанавливается совместимость смыслов». Это «восстанавливается» вообще означает, что в анализируемых словосочетаниях совместимость смыслов сначала имела место, потом была утрачена, а затем, в результате включения семантических процессов (лучше – механизмов), была восстановлена. На самом деле семантические механизмы переосмысления слов заработали до образования словосочетаний, обеспечив совместимость словесных значений.

«Взаимодействие несовместимых прямых значений приводит к тому, – пишет М.В. Никитин, – что из двух несовместимых признаков погашается признак в переосмысленном слове...» [Никитин 1996: 575-576]. Однако если слово переосмыслено, то соответствующий признак уже «погашен», но не контекстом, не словом-спутником, а сознанием говорящего человека.

«В сочетаниях этого типа прямые значения слов несовместимы, но слова переосмыслены и употреблены во вторичных значениях так, что несовместимость признаков устранена (лучше было бы сказать: слова употреблены в переносных значениях и не противоречат друг другу. – Ю.Ф.). Однако несовместимость первичных значений просвечивает как фон актуальных вторичных значений и создает эффект сочетания несовместимых понятий» [Никитин 1996: 575].

В-третьих, вызывает возражение «правило конъюнкции». М.В. Никитин полагает, что при осмыслении плеонастических словосочетаний «вступает в силу правило амальгамации тождественно (тождественного? – Ю.Ф.) многократно выраженного содержания: один и тот же признак регистрируется сознанием единожды, сколько бы раз он ни был заявлен (?! – Ю.Ф.). Ср. *прямоугольный квадрат, хищный тигр, белый снег, слон с хоботом* и т. п.» [Никитин 1996: 571]. Если бы сознание было неспособно зарегистрировать факт повторного (двойного) выражения одного и того же содержания, то оно, очевидно, не смогло бы обнаружить и факт тройного (многократного) выражения одного и того же кванта информации («квадратный квадратный квадрат»). Практика,

опыт показывают, что и лингвисты, и рядовые носители языка различают разные языковые факты, норму и отступление от нее. В противном случае человек просто не мог бы пользоваться языком. Различающая способность вообще является обязательным свойством сознания. Можно даже сказать: осознавать значит различать. Если, как отмечает сам М.В. Никитин, во внутренней речи действуют семантические фильтры, «не пропускающие во внешнюю речь неправильных образований» [Никитин 1996: 563], то неправильные, плеонастические образования появляться во внешней речи просто не должны. Следовательно, правило амальгамации (конъюнкции) не существует.

В-четвертых, М.В. Никитин считает, что в оксюморонных и метафорических сочетаниях имеют место несовместимые семы, и «одна из несовместимых сем должна быть погашена, а соответствующее слово переосмыслено» [Никитин 1996: 584]. Но слова с несовместимыми семами не могут вступить в сочетание друг с другом. Прежде чем вступить в реальное сочетание друг с другом, они (или одно из них) должны изменить свое значение. Например, в оксюморе *живой труп* слово *труп* имеет не значение «мертвое тело» (которое не могло бы вступить в сочетание со словом *живой*), а значение (смысл) «физически живой, по духовно мертвый человек» (которое способно вступить в сочетание со словом *живой*). О несовместимости можно говорить только по отношению к буквальным значениям членов оксюморонного сочетания. Но члены оксюморонного сочетания (или один из них) как раз вступают в связь не в буквальных, а в переносных значениях. И эти переносные значения анализируемые слова получают не в речи, не под давлением слов-спутников, а в языке, в языковом сознании говорящего, ищущего нетривиальные, экспрессивные способы выражения мысли, образные обозначения объекта. Рассматриваемая здесь ошибка проистекает из гипотезы о порождающей функции контекста. Однако порождающей силой обладает не контекст, а языковое сознание говорящего, адекватно отражающее предметную действительность (о чем мы уже писали).

Как же следует интерпретировать семантическое согласование слов?

Существуют два вида сочетаемости слов – отражательная и традиционная. Отражательная сочетаемость обусловлена реальными связями реальных предметов, действий, признаков и т. д. «Контекстуальные законы сочетания слов, – пишет Г.В. Колшанский, – являются в итоге лишь отображением реальной сочетаемости и связи предметов, свойств и качеств» [Колшанский 1980: 104; см. также: Цой 1984: 122]. Традиционная сочетаемость предметно-логически не мотивируется и определяется только языковой традицией.

Как известно, существуют слова со свободными и слова со связанными (фразеологически связанными) значениями. Слова со свободными значениями образуют свободные словосочетания, а слова со связанными (фразеологически связанными) значениями – несвободные, связанные, фразеологические словосочетания. Мы уже отмечали, что некоторые языковеды полагают, будто бы разница между свободными и несвободными (фразеологическими) словосочетаниями – чисто количественная. Например, М.М. Копыленко и З.Д. Попова пишут: «... по сути дела, абсолютно свободных сочетаний лексем в языке не существует, есть только разные по количеству возможности сочетаемости серии лексем» [Копыленко, Попова 1972: 8]. Добавим, что во втором издании книги, которую мы процитировали, М.М. Копыленко и З.Д. Попова признают существование «эфемерных, разрушающихся вслед за возникновением совершенно свободных словосочетаний» [Копыленко, Попова 1978: 10]. Действительно, нет и не может быть лексем, способных сочетаться со всеми без исключения другими лексемами данного языка. Иначе говоря, сочетаемость любого слова является ограниченной. Но между свободными и связанными словосочетаниями – разница не количественная, а качественная: сочетаемость слов в свободных словосочетаниях ограничена факторами внеязыковыми, предметно-логическими (например, возможны сочетания *остроумный человек*, *остроумный собеседник* и др. под., но невозможны сочетания *остроумный клей*, *остроумный подвал* и т.п., потому что *клей* и *подвал* как реальные предметы не обладают признаком остроумия), а сочетаемость слов в связанных словосочетаниях ограничена факторами чисто языковыми, точнее – языковой традицией (например, только языковой традицией можно объяснить недопустимость словосочетания **карий костюм*, хотя *карий* имеет значение «коричневый» и хотя вполне возможно сочетание *коричневый костюм*). Есть слова, сочетаемость которых ограничена всего одной лексемой, но, поскольку это ограничение имеет предметно-логический характер, их сочетание с этой единственной лексемой следует признать свободным (например, *перочинный нож*).

Все слова языка с точки зрения их отражательной сочетаемости следует разбить на три группы. К первой группе относятся слова, сочетаемость которых ограничена всего одной лексемой (*перочинный + нож*). Ко второй группе относятся слова, способные сочетаться с несколькими лексемами, образующими закрытый класс (*мычит + корова, бык*). К третьей группе относятся слова, способные сочетаться с очень большим числом лексем, образующих открытый класс (*хороший + человек, друг, сосед, ученик, дом* и т. д.). В языке полностью преобладают слова третьей группы.

Первое правило семантической синтагматики – это наличие у двух синтаксически связанных слов одной общей семы (причем чаще такой общей семой является родовая сема – классема) и – соответственно – отсутствие противоречащих сем, сем, исключających друг друга. Например, компоненты словосочетания *начитанный человек* семантически согласованы друг с другом, поскольку значения обоих слов содержат классему «лицо», а компоненты словосочетания *начитанные глаза* не согласованы друг с другом, поскольку значение слова *начитанный* содержит классему «лицо», а значение слова *глаза* – классему «не – лицо»; компоненты словосочетания *(В здешних озерах) водится карп* семантически согласованы друг с другом, поскольку значения обоих слов содержат классему «животное», а компоненты словосочетания *(В здешних лесах) водятся карлики* не согласованы друг с другом, поскольку значение слова *карлик* содержит классему «человеческое существо», а значение слова *водятся* – классему «животное»; компоненты словосочетания *несмышленный мальчи* семантически согласованы друг с другом, поскольку значения обоих слов содержат классему «молодая особь», а компоненты словосочетания *несмышленный менеджер* не согласованы друг с другом (противоречат друг другу), поскольку значение слова *несмышленный* содержит классему «молодая особь», а значение слова *менеджер* – классему «взрослая особь».

Повторяться, однако, могут не только родовые, но и видовые семы. Например: *Змея подползла к норе* (повторяется сема «передвигаться ползком»), *Птица подлетела к гнезду* (повторяется сема «передвигаться летя»), *Рыба подплыла к червяку* (повторяется сема «передвигаться пlying»). Отсутствует согласование в случае *Змея подлетела к норе*, поскольку значение слова *змея* содержит сему «передвигаться ползком», а значение слова *подлететь* – сему «передвигаться летя».

В фразе *Он пошел в банк разменять тысячерублевую купюру* сема «деньги» содержится в значении четырех последних слов.

Немного и *лучше*, *немного* и *хуже* согласуются (по семе «неполнота признака»), а *немного* и *хороший*, *немного* и *плохой* – не согласуются: прилагательные *хороший* и *плохой* указывают на полноту, а слово *немного* – на неполноту признака.

Совсем и *плохой* согласуются друг с другом (по семе «полнота признака»), а *совсем* и *хуже* – не согласуются: слово *совсем* указывает на полноту, а слово *хуже* – на неполноту признака.

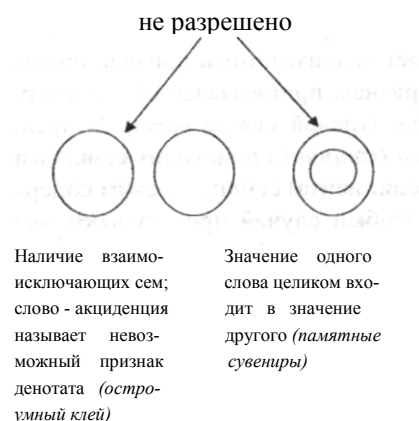
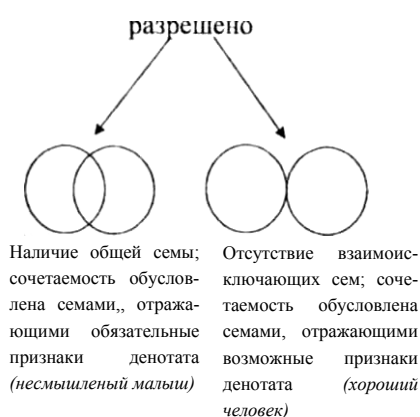
Типы и *значений* согласуются друг с другом (по семе «счисляемость»), а *типы* и *семантики* – нет: слово *типы* содержит сему «счисляемость», а слово *семантика* – сему «несчисляемость».

Во всех ли правильных словосочетаниях имеют место итеративные семы? Думается, что нет. Во многих словосочетаниях повторяю-

щихся сем нет, но эти словосочетания не противоречат норме, потому что не имеют взаимоисключающих сем и отражают реальную связь реальных предметов. Например, прилагательные *хороший* и *плохой* (и другие признаковые слова с очень широким значением) способны сочетаться с огромным числом имен существительных, и повторяющихся сем в этих сочетаниях нет: *хороший человек, хороший друг, хороший сосед, хороший учитель, хороший рассказ, хороший стол, хороший карандаш, хороший прием* и т. д. Но при наличии взаимоисключающих сем словосочетание невозможно: **хороший негодяй*.

Вторым правилом семантической сочетаемости слов является запрет на вхождение значения одного компонента синтагмы в значение другого (*памятные сувениры, проливной ливень*). Иначе говоря, недопустимы синтагмы, в которых один из компонентов семантически (информационно) дублирует другой. По существу, это означает, что язык не допускает двойного обозначения одного и того же денотата, двойного выражения одного и того же кванта информации, подчиняется принципу экономии речевых средств.

Схематически эти правила семантического согласования можно представить следующим образом:

На все ли словосочетания (подчинительные и сочинительные, непредикативные и предикативные) распространяются правила семантического согласования? В.Г. Гак не делает оговорок на этот счет, но фактически оперирует лишь подчинительными и предикативными словосочетаниями. М. В. Никитин же прямо указывает, что формулируемые им правила семантического согласования («конъюнкции тождественных, дизъюнкции несовместимых и аддиции свободно имплицуемых семантических признаков» [Никитин 1996: 583]) не распространяются на

сочинительные и предикативные словосочетания [Никитин 1996: 583]. Однако думается, что правила семантического согласования распространяются не только на подчинительные, но и на сочинительные и предикативные словосочетания. Например, возможны словосочетания *троллейбусы и трамваи* (повторяющаяся сема – «электрический транспорт»), *троллейбусы и автобусы* (повторяющаяся сема – «пассажирский транспорт»), *львы и тигры* (повторяющаяся сема – «хищные звери»), но невозможны словосочетания *троллейбусы и цветы*, *троллейбусы и тетради*, *львы и звезды*; возможны словосочетания *Корова мычит*, *Корова лежит*, *Корова пасется*, но невозможны словосочетания *Корова читает*, *Корова пишет*, *Корова говорит*; возможны словосочетания *Яблоко – плод*, *Осина – дерево*, *Волк – хищник*, но невозможны словосочетания *Яблоко – хищник*, *Осина – плод*, *Волк – дерево*.

Смысловая сочетаемость слов коррелирует с их синтаксической позицией по отношению друг к другу. Например, могут ли сочетаться слова *тигр* и *хищный*? Если существительное занимает позицию определяемого, а прилагательное – позицию определения, то не могут (нельзя говорить *хищный тигр*, поскольку в значение слова *тигр* входит сема «хищный» и возникает плеоназм); если существительное занимает позицию подлежащего-темы, а прилагательное – позицию сказуемого-ремы, то могут (*Тигр хищный / хищник*). Дело в том, что определение называет уже известный признак предмета, а сказуемое – еще неизвестный признак, приписываемый предмету в данный момент, в момент речи (при нулевой связке *есть*). В предикативном словосочетании *Тигр хищный (хищник)* происходит семантизация слова *тигр*, наполнение его (для реципиента) семантическим содержанием.

Особый случай представляют выражения типа *Жена есть жена*. Эти выражения не являются тавтологичными. Слово *жена* в позиции подлежащего и сказуемого имеет не одно и то же значение (смысл). В позиции подлежащего в слове *жена* актуализируются ядерные семы «женщина + по отношению к мужчине, с которым она состоит в официальном браке», в позиции сказуемого – периферийная (не фиксируемая в словарях) сема «(женщина + по отношению к мужчине, с которым она состоит в официальном браке) + с которой нельзя не считаться» (возможны и другие осмысления). Выражение *Жена есть жена* может быть приравнено к выражению *С женой нельзя не (= следует) считаться*³.

³ Н.Ю. Шведова полагает, что в анализируемых структурах имеет место «идентификация субъекта с самим собой» (Русская грамматика – М., 1980. – Т. 2. – С. 279). Это вряд ли верно. Нет «идентификации субъекта с самим собой» и в высказываниях со словами «везде», «всюду», «для всех», «всегда» и под.: *Дети всегда дети*. Повторяющееся слово в позиции сказуемого имеет другой актуальный смысл: *Дети всегда беспечны / наивны / шаловливы* и т.д.

В фразеологизированных предложениях типа *Вечер как вечер* «предмет определяется как соответствующий обычному» [Грам-ка с.р.л.яз. 1970: 558].

В фразеологизированных предложениях типа *Чай не в чай* «предмет определяется как лишенный своего обычного положительного содержания» [Грам-ка с.р.л.яз. 1970: 558].

Фразеологизированные предложения типа *Всем пирогам пирог!* имеют значение «превосходства предмета над всеми подобными» [Грам-ка с.р.л.яз. 1970: 558].

Теперь охарактеризуем нарушения правил смыслового согласования.

Нарушения правил смыслового согласования обнаруживают себя в словосочетаниях двух типов: 1) когда значения сочетающихся слов содержат семы, противоречащие друг другу, и 2) когда значение одного слова целиком входит в значение другого.

Приведем примеры первого типа: *бóльшая половина* (половина – «одна из двух равных частей, вместе составляющих целое», бóльшая – «та, которая больше другой»; семы «равных» и «больше другой» противоречат друг другу, и потому словосочетание *бóльшая половина* воспринимается как лексическая ошибка), *Благодаря длительной засухе урожай зерновых в нашем районе был низким*, *Он торопливо побрел к дому*, *Он достаточно глуп*, *Он умер достаточно рано*, *Вы их, может быть, конечно, и не запомните*, *чудаковатые выводы, незаконно оклеветали, кавалькада машин, стоя лошадей, определить диагноз*, *Замечания госсанэпиднадзора устраняются*, *Никаких замечаний не было выявлено*, *поднять тост*, *незаявленное событие*, *удовлетворить престиж*, *дешевая цена*, *Выше я уже говорил...*, *плеяда жуликов* и др. под.

Примерами второго типа могут служить словосочетания *памятные сувениры* и *проливной ливень*. Слово *сувениры* имеет значение «памятные подарки». Иначе говоря, значение «памятные» целиком входит в значение «сувениры». Однако полное дублирование одного значения другим языком (т.е. носитель языка) не допускает, поскольку речевая (и не только речевая) деятельность человека подчинена принципу экономии (А. Мартине): для обозначения одного денотата и выражения одного понятия используется одна (а не две или несколько) единица языка. Словосочетание *проливной ливень* отличается от словосочетания *памятные сувениры* только тем, что его компоненты имеют один корень.

Словосочетания типа *памятные сувениры* в настоящее время принято называть плеоназмами (от гр. *pleonasmos* – «излишество»), а словосочетания типа *проливной ливень* – тавтологиями (от греч. *tauto* – «то же самое» и *logos* – «слово») [Рус. яз.: Энци. 1979: 210]. Если в плеоназме имеет место дублирование только на уровне содержания, то в тавто-

логии – на уровне содержания, и на уровне формы. Тавтологию справедливо называют «крайней формой» плеоназма. Тавтология – ошибка более грубая, чем плеоназм.

Плеоназмы чаще всего представляют собой простые (двусловные) словосочетания, иногда же являются частью сложной. Приведем примеры.

1. Плеоназмы, представляющие по структуре простые словосочетания.

а) Плеоназмы, представляющие по структуре подчинительные словосочетания:

прилагательное + существительное: большой мегаполис, взаимный обмен мнениями, визуальная видимость, внешняя наружность, внутренний интерьер, вступительная преамбула, выгодные преимущества, главная специфика, главная суть, главный лейтмотив, глубокая бездна, горячий кипяток, движущий лейтмотив, индустриальная промышленность, криминальное преступление, лучший ас, мелкие гроши, мемориальный памятник, местные аборигены, мизерные мелочи, народный фольклор, наружная внешность, незаконное растаскивание, огромная масса, огромная махина, основной костяк, основное ядро, памятные сувениры, первый дебют, передовой форпост, промышленная индустрия, своя автобиография, совместное сотрудничество, старый ветеран, утренний завтрак, цветовой колер, ценные сокровища, эмоциональное чувство и т. п.;

наречие + прилагательное: лидирующий впереди, очень огромный, очень прекрасный и т. п.;

наречие + глагол: быстро кинулась, поднять вверх, объединить вместе, опустить вниз, падать вниз, вовремя успели, впервые познакомился, прогрессировать вперед, продолжай дальше, дважды повторяется, заранее планировали, заранее предчувствует, лучше предпочитает, промахнулся мимо, смело рисковал, хорошо понравилось и т.п.;

существительное + существительное в именительном (редко) и косвенном (обычно родительном) падеже: август месяц, адрес местожительства, библиотека книг, биография жизни, дезорганизатор порядка, десять человек офицеров, житница зерна, запах аромата, коллеги по профессии, маршруты движения, мемориал памяти, месяц времени, период времени, период курортного сезона, пинками ног, пора курортного сезона, преysкурant цен, рубль денег, страсть к наркомании, студенты вузов, хронометраж времени, час времени, частотность употребления и т. п.;

другие словосочетания: *без никого, без ничего, в наличии не имеет, вдвоем вместе, встречаются между собой, имеет место быть, ныр-*

нуть с головой, соединить между собой, сразу вдруг, столько много и др. под.

б) Плеоназмы, представляющие собой по структуре сочинительные словосочетания: бранилась и ругалась, волю и свободу, вопросы и проблемы, детали и подробности, дефекты и изъяны, дефекты и недочеты, идеал и кумир, коррективы и поправки, лицемерие и ханжество, облобызал и расцеловал, обычаи и традиции, оптимистка и жизнерадостный человек, тихо и бесшумно и др. под.

2. Плеоназмы, представляющие по структуре сложные словосочетания: *взаимно исключают друг друга*.

Приведем примеры тавтологий.

1. Тавтологии, представляющие по структуре простые словосочетания.

а) Тавтологии, представляющие по структуре подчинительные словосочетания:

прилагательное + существительное: бездонная бездна, высокопоставленный пост, долгого творческого долголетия, значительное по значению, наибольшее большинство, проливной ливень, светлый свет и т.п.;

наречие + глагол: вновь возобновился, красиво украшает, объяснить яснее, побежала бегом, соединил воедино, старательно старается и т.п.;

глагол + существительное: облокотился локтем на стол, подарить подарок, упорядочить порядок и т.п.;

подлежащее + сказуемое: Состав экипажа «Дискавери» состоит из 6 человек;

б) тавтологии, представляющие по структуре сочинительные сочетания: *Молодой писатель оказался зорким и прозорливым*.

2. Тавтологии, представляющие по структуре сложные словосочетания: *По земле мела поземка*.

3. Тавтологии, члены которых находятся в составе (группе) подлежащего и составе (группе) сказуемого: «Жирные коты» – это те, чей ежегодный доход превышает двадцать миллионов долларов в год; Авторские слова – это слова автора. Близкий случай: Стараясь его догнать, я бежал за ним вдогонку.

4. Тавтологии, члены которых находятся в разных частях сложного предложения: *...Те сложившиеся отношения, которые сложились*.

Глава V. Слово и лексический контекст

Анализируя слово на уровне языка и на уровне речи, мы приблизились к проблеме взаимоотношения слова и контекста. Контекст – это «законченный в смысловом отношении отрезок письменной речи, позволяющий установить значение входящего в него слова или фразы» [Словарь II: 120]⁴.

В современной лингвистической литературе представлены две точки зрения на сформулированную выше проблему. Согласно первой точке зрения, слово семантически несамостоятельно, лишено собственного содержания и получает его лишь при вхождении в контекст. Этой точки зрения придерживались Г. Штейнталь, К. Фосслер, Э. Гуссерль, Г. Шпет, Й. Трир, Ж. Вандриес и др. Особенно широкое распространение она получила в работах представителей структурального направления: П. Вегенера, Г. Шпербера, А. Нореина, А. Гардинера, Л. Блумфилда, Л. Ельмслева, С.К. Шаумяна и др.

Согласно другой, противоположной точке зрения, слово не зависит от контекста, семантически самостоятельно; оно не получает значение (при вхождении в контекст), а имеет его (до контекста, в самом языке). Приведем здесь несколько высказываний, отражающих эту точку зрения.

«... Контекст лишь реализует то, что заложено в самом ... слове» [Будагов 1961: 18]; «... Контекст не создает, а воспроизводит значения слов» [Дмитриева 1971: 24]; «Функционирование слова в речи и его семантические отношения не только не создают значения, а наоборот, свойство абсолютности лексического значения большей частью определяет возможность тех или иных семантических отношений слова» [Аллендорф 1971: 12]; «... именно значение слова определяет возможные для него связи и отношения» [Аллендорф 1971: 24]; «... изменившаяся сочетаемость, новый контекст – это лишь явление, обнаружение новой сущности... Контекст в лучшем случае – повивальная бабка, принимающая младенца, но никак не роженица, дающая жизнь новому значению» [Бурмако 1980: 45, 46]; «Нам представляется непоследовательным говорить о контекстуальном значении слова, т.е. о возможности наличия у слова такого значения, такого набора семантических элементов, который не связан с языковыми характеристиками слова; именно языковое значение обуславливает его метафорическое употребление, т.е. использование для называния необычного (нестандартного) объекта, но в пределах диапазона, заданного языковой программой. При метафори-

⁴ О контексте см.: [Колшанский 1959; Амосова 1963; Шмелев 1964: 185 и след.; Уфимцева 1968: 217 и след.; Гак 1972].

ческом употреблении отдельные элементы семантического набора нейтрализуются, но не возникает абсолютно нового набора семантических элементов (нового значения)» [Литвин 1974: 4].

Близкие к этим высказывания мы найдем и у многих других авторов: Ш. Балли, А. Мейе, А. Мартине, С. Карцевского, К. Тэцуя, А.Й. Смирницкого, Т.П. Ломтева, В.З. Панфилова, Н.Д. Гариповой, С.Д. Кацнельсона, М.Г. Арсеньевой, Т.В. Строевой и А.П. Хазанович, М.Т. Тагиева, Н.Ю. Шведовой, Б.М. Лейкиной, В.А. Жеребкова, К.С. Горбачевича и Ф.П. Сороколетова, Н.З. Котеловой, Б.Ю. Нормана, А.Р. Лурия, Г.В. Колшанского и др.

Однако эта точка зрения, к сожалению, не стала еще всеобщим достоянием. Некоторые лингвисты продолжают придерживаться устаревшей гипотезы о зависимости слова от его лексического окружения. Например, Э.В. Кузнецова пишет: «Связь семантических признаков слова с его синтаксическим и лексическим окружением во фразе наиболее ярко проявляется в зависимости значения слова от контекста» [Кузнецова 1968: 14-15]. «Убедительным свидетельством этой зависимости служит возможность осмысления значения незнакомого или пропущенного слова по контексту» [Кузнецова 1968: 29]⁵.

Легко понять, что в этом утверждении отношения зависимости поставлены с ног на голову. Ведь сама «возможность осмысления (слушающим. – Ю.Ф.) значения незнакомого или пропущенного слова по контексту» возникает именно благодаря тому, что контекст был сформирован с учетом, под влиянием соответствующего лексического значения.

Рассмотрим оба случая, упомянутые Э.В. Кузнецовой, – осмысление значения незнакомого и осмысление значения пропущенного слова.

Допустим, что адресат речи получил фразу *Поэт фразировал мещан своей желтой кофтой и грубыми репликами*. Смысл слова *фразировал* ему неизвестен, но лексическое окружение поможет (способно помочь) получателю речи догадаться о значении этого слова («неприятно поражал, изумлял, удивлял»). Однако значит ли это, что

⁵ См. также: Ефремов А.Ф. Многозначность слова // Рус. яз. в школе. – 1957. – №3. – С. 6-12; Филологические этюды. Сер. «Языкознание». – Изд-во Рост. ун-та, 1972. – Вып. 1. – С. 176; Сентенберг И.В., Шейгал Е.И. Лингвистический контекст как средство развертывания и развития лексического значения // Значение и его варьирование в тексте. – Волгоград, 1987. – С. 10, 19 и др.; Черемисина Н.В. Структура лексического значения и давление текста на слово // Языковые категории в лексикологии и синтаксисе. – Новосибирск, 1991. – С. 35 и др. Тезис о влиянии сочетаемости на значение слова разделяет даже такой тонкий языковед, как М.В. Панов. Он полагает, что необычная сочетаемость «сдвигает, изменяет значение слова. Оно становится метафорическим, метонимическим, сужает или расширяет свое значение» (Панов М. В. Из наблюдений над стилем современной периодики // Язык современной публицистики. – М., 1988).

указанное лексическое значение зависит от контекста, определяется им? Вовсе нет. Когда говорящий строил данный контекст, он строил его с учетом требований известного ему слова *фраппировать*. Естественно, что построенный по требованию лексического значения «фраппировать» контекст несет в себе обратную информацию об этом лексическом значении. Этой обратной информацией может воспользоваться получатель речи. Восприняв контекст неизвестного ему до сих пор слова *фраппировать*, получатель речи умозаключает о лексическом значении этого слова («Какое впечатление на публику должны были производить желтая кофта и грубые реплики? Неприятное»). Но движение получателя речи от контекста к лексическому значению не означает зависимости последнего от первого. В самом объекте (языке / речи) зависимость имеет обратную направленность, т.е. направленность от лексического значения к контексту. Смысл контекста, как из кирпичиков, складывается из значений всех использованных слов (с добавлением подтекста, пресуппозиции). Каждое слово входит в контекст, имея постоянное, устойчивое, воспроизводимое значение. Каждое слово имеет контекст и само является контекстом (частью контекста) другого (других) слова.

То же самое, в сущности, мы наблюдаем при пропуске слова. Например: «А тот его – палкой по спине». Лексическое значение «ударил» получатель речи может восстановить и восстанавливает именно благодаря тому, что контекст явился своего рода зеркалом, в котором отразилось упомянутое значение. Что мог сделать «тот» «палкой по спине»? Только ударить.

Указательная функция контекста более очевидна в случае введения в контекст многозначного слова. Окружение слова в этом случае указывает получателю речи, какое значение многозначного слова актуализировал говорящий. Например: 1) *Купили сруб из бревен* (бревно — «очищенный от веток и без верхушки ствол срубленного большого дерева или часть такого ствола»); 2) *Бревно ты такое!* (бревно – «тупой, неотесанный человек»).

Как видим, при решении проблемы «лексическое значение и контекст» необходимо учитывать позицию отправителя и позицию получателя речи. На необходимость строго различать лингвистику отправителя и лингвистику получателя речи указал в выступлении на I международном симпозиуме «Знак и система языка» Р.О. Якобсон: «Две точки зрения – кодирующего и декодирующего, или, другими словами, роль отправителя и роль получателя сообщений должны быть совершенно отчетливо разграничены. Разумеется, это утверждение банальность; однако именно о банальности часто забывают. А между тем оба участника акта речевой коммуникации подходят к тексту совершенно по-

разному» [Якобсон 1965: 400-401]. «Описания этих обоих аспектов одинаково законны и целесообразны. Если же исследователь занимается одним из них и при этом не отдает себе отчета в том, на какой точке зрения он стоит - говорящего или слушающего, то он оказывается в положении Журдена, который говорит прозой, не подозревая об этом. Еще опасен противозаконный компромисс между обеими точками зрения» [Якобсон 1965:401].

Говорящий идет от значения к контексту, а слушающий – от контекста к значению. Но главную, активную роль в этой «пьесе» играет говорящий.

При кодировании мы движемся от слова к тексту, при декодировании – от текста к слову. В этом случае мы действительно часто наблюдаем ситуацию, когда контекст (т.е. слова, известные получателю речи) подсказывает смысл того или иного неизвестного или непонятого слова. Но эту ситуацию было бы неверно называть зависимостью слова от контекста.

Кстати, если бы получателю речи не были известны также слова, образующие окружение данной лексемы, то он вообще не смог бы сделать умозаключение о значении впервые встретившегося ему слова. «Возможность осмысления значения незнакомого или пропущенного слова» в конечном счете связана с тем, что получатель речи владеет данным языком. Если это условие не соблюдено (если вам, например, предъявили текст на китайском языке, которым вы не владеете), то контекст оказывается ни о чем не говорящей цепочкой звуков (графем).

Если бы контекст обладал порождающей силой, то говорящему была бы безразлична мера языковой компетентности слушающего. Он мог бы использовать сколь угодно большое число незнакомых слушающему слов, исходя из того, что контекст снимет любую неясность. Однако, как известно, «нормальные» носители языка так не поступают. Говорящий не рассчитывает на контекст, а сам в случае необходимости поясняет малознакомое слово, заменяет или устраняет его. Например, в ранее приведенной фразе вместо слова *франпировал* говорящий употребит слово *раздражал*: *Поэт раздражал публику своей желтой кофтой и грубыми репликами.*

Если бы лексическое значение слова обуславливалось контекстом, то мы бы не знали «мук слова». Говорящий не тратил бы энергию и время на поиски наиболее уместного, «единственного» слова, а использовал бы первую попавшуюся лексическую единицу, придавая ей значение, требуемое контекстом. В то же время мы знаем, что это не так. Каждый раз, строя речь, мы долго перебираем в памяти слова, проверяя их пригодность, ища слово, лексическое значение которого наиболее точно накладывалось бы на тот или иной фрагмент описываемой ситуа-

ции. Следовательно, лексическое значение есть нечто заранее данное, синхронически устойчивое.

Если бы лексическое значение слова определялось контекстом, то в речи не могли бы иметь место семантические ошибки. Между тем такого рода ошибки встречаются в речи на каждом шагу.

Если слово лишено собственного содержания, то почему оно в разных случаях своего употребления получает одно и то же значение?

«... Невозможно представить себе язык, знаки которого были бы подвижны до такой степени, что они ничего бы не значили за пределами конкретных ситуаций» [Карцевский 1965: 85].

Слово не приспосабливается к контексту, не деформируется в нем, не наполняется любым требуемым содержанием, а используется в том значении, которое оно имеет в языке. «Контекст... – не генератор значений, а их внешний «проявитель» [Кацнельсон 1972: 42].

«Если бы только контекст был катализатором значения, то это было бы равносильно отрицанию значения отдельно взятых слов... Концепция контекстуалистов фактически сводит сущность языка к бесформенному конгломерату и стоит в явном противоречии с его системной организацией» [Маковский 1967: 138]; она «приводит к неправомерному растворению языка в сумме разрозненных контекстов. Обобщающая сила языка сводится на нет. Контекст приобретает не только всемогущее значение. За его пределами существование языка объявляется иллюзорным» [Будагов 1978: 94].

Если бы контекст обладал порождающей силой, то он бы, можно думать, был способен порождать не только новые значения, но и новые слова. Однако, понятно, случаи такого рода не наблюдались и не наблюдаются, поскольку всякий контекст строится из слов, известных говорящему. Семантические и лексические окказионализмы, периодически появляющиеся в речи, тоже порождаются не контекстом, а человеком, строящим речь.

«О наличии у слов собственных, самостоятельных значений, не зависящих от конкретного контекста», – замечает Д.Н. Шмелев, – весьма красноречиво говорят «бесчисленные факты каламбурного сталкивания различных значений одного и того же слова в намеренно двусмысленных контекстах» [Шмелев 1964: 188].

«Слова, – пишет Ю.Д. Апресян, – отличаются друг от друга не своим собственным содержанием (оттенками значений), а значением сочетающихся с ними слов» [Апресян 1969: 91]⁶. Возражая Ю.Д. Апресяну, Н.З. Котелова обратила внимание на возникающий таким образом

⁶ В другом месте Ю.Д. Апресян высказывает прямо противоположную мысль: «...семантически согласованные друг с другом слова А и В не приобретают общие смысловые элементы в тексте, а имеют их еще в словаре» [Апресян 1974: 14].

круг: «... ведь «сочетающиеся с ними слова» тоже сочетаются с первыми и с какими-либо другими, т.е. имеют «сочетающиеся слова», тогда у каких же слов «собственное содержание»?» [Котелова 1975: 75].

Гипотеза порождающего контекста противоречит теории семантического согласования, исходящей из того, что в контексте имеет место не порождение, а реализация и согласование (приспособление) значений. Вещь «сохраняет себя в соотношении с другой» [Гегель 1937: 581].

«... Языковые единицы сами семантически регламентируют состав своего окружения» [Медникова 1979: 35].

«Отдельное слово, – пишет П.С. Попов, – конечно, уже имеет смысл, если мы имеем возможность связывать его с другим. Нет оснований измышлять такую «логическую химию», согласно которой элементы, взятые «отдельно», мысли не составляют, а если их столкнуть вместе, они мысль образуют... Из бессмысленных элементов нельзя выковать мысли, поэтому отдельные элементы – слова свойством их мыслимости, т.е. постижением, пониманием, несомненно, обладают» [Попов 1950:6].

«Значение ... есть тот неподвижный и неизменный пункт, который остается устойчивым при всех изменениях смысла слова в различном контексте» [Выготский 1956: 369-370].

«... Значение *органически* входит в язык, является его частью» [Медникова 1974: 8; выделено автором. – Ю.Ф.].

Семантика – «базовое, абсолютное свойство, без которого двусторонняя (значимая) лингвистическая единица не может быть сама собой» [Слюсарева 1981: 245].

Если бы значение слова было привязано к контексту, не был бы возможен компонентный анализ, не были бы возможны словари.

Многие лингвисты, с одной стороны, признают, что сама сочетаемость лексем определяется, мотивируется совместимостью их значений; с другой стороны, полагают, что лексическое значение обуславливается его окружением. Но эти положения противоречат друг другу.

Прежде чем осуществить комбинацию слов, нужно произвести их выбор. Выбор же слов предполагает знание их значений.

Если теорию порождающего контекста довести до логического конца, то придется сделать вывод, что выбор лексических значений и их оттенков регулируется не отправителем речи, а контекстом. Эта теория приписывает контексту творческую силу, которой на самом деле обладает говорящий.

Теория порождающего контекста, в сущности, означает, что язык обладает способностью порождать собственные единицы, т.е. сам себя.

Слово есть единица языка, контекст – явление речи. Как язык синхронически предшествует речи, так слово предшествует контексту.

Контекст не может порождать значения, потому что значения (слов) и смысл (высказываний) находятся за пределами контекста, в сознании людей.

В терминах философии лексические значения и контекст можно интерпретировать как вещи и отношения. При этом известно, что не отношения порождают вещи, а вещи порождают отношения. Следовательно, преувеличение роли контекста не оправдано и с философской точки зрения.

Тезис о зависимости лексического значения от контекста является осознанной или неосознанной данью философскому релятивизму [см.: Резников 1958: 59-63; Панфилов 1977: 60-62]. Этот тезис широко распространен в работах представителей западного лингвистического структурализма. Так, Л. Ельмслев пишет: «... любая сущность, а, следовательно, также и любой знак определяется относительно, а не абсолютно, и только по своему месту в контексте»; «Так называемые лексические значения в некоторых знаках есть не что иное, как искусственно изолированные контекстуальные значения или их искусственный пересказ. В абсолютной изоляции ни один знак не имеет какого-либо значения; любое знаковое значение возникает в контексте...» [Ельмслев 1960:303].

Решая проблему «слово и контекст», многие языковеды допускают взаимоисключающие суждения на этот счет. Например, В.В. Виноградов в книге «Русский язык» пишет: «Вне зависимости от его данного употребления слово присутствует в сознании со всеми его значениями, со скрытыми и возможными, готовыми по первому поводу всплыть на поверхность» [Виноградов 1947: 14] (абсолютно правильная мысль!). И тут же добавляет: «Но, конечно, то или иное значение слова реализуется и определяется контекстом его употребления. В сущности, сколько обособленных контекстов употребления данного слова, столько и его лексических форм» [Виноградов 1947: 14]. Второе высказывание полностью растворяет значение в контексте и находится в непримиримом противоречии с первым.

Критикуя это высказывание, В.А. Звегинцев справедливо заметил: «Из этого определения явствует, что слово не обладает никакой смысловой самостоятельностью (его значение определяется контекстом его употребления) и что любое употребление есть уже и значение слова («сколько обособленных контекстов употреблений слова, столько и его значений»). Это, собственно, повторение известной мысли А.А. Потебни: «В слове все зависит от употребления. Употребление включает в себя и создание слова, так как создание есть лишь первый случай употребления» [Звегинцев 1957:224].

Какова же позиция самого В.А. Звегинцева? Если читатель ограничится только что приведенной цитатой, то он, естественно, придет к выводу, что В.А. Звегинцев придерживается субстанциональной точки зрения на лексическое значение, т.е. не ставит его в зависимость от употребления, дистрибуции, контекста. Однако на других страницах той же книги «Семасиология» читатель найдет высказывания прямо противоположного характера. Например: «В плане чисто лингвистическом значение слова определяется его потенциально возможными сочетаниями с другими словами, которые составляют так называемую лексическую валентность слова» [Звегинцев 1957: 224].

В статье «Контекст как лингвистическое понятие» (Языковые единицы и контекст. – Л., 1973) на с. 15 В.И. Кодухов пишет: «Контекст не мотивирует структуру значения языковых единиц, а актуализирует значение...», а на с. 26 утверждает: «Кроме функции реализации и актуализации значения языковых единиц, контекст обладает еще функцией порождения речевых значений и единиц языка» (?!).

Уступку контекстуализму можно обнаружить и в книге Р.А. Будагова «Язык – реальность – язык» (М., 1983). «Словосочетание (контекст), – пишет Р.А. Будагов, – может изменить семантику слова, но, изменив его, слово начинает функционировать уже независимо от того словосочетания, которое способствовало изменению его значения» [Будагов 1983: 210]. В качестве примера Р.А. Будагов использует, в частности, слово *позор*, в котором значение «вид» сменилось значение «бесчестье». Однако можно ли считать, что это произошло под влиянием контекста – слова *столб*? Обратившись к значению слова *столб* («бревно, толстый брус, укрепленный в чем-либо вертикально, стоймя»), мы получим отрицательный ответ. Значение «бесчестье» у слова *позор* обусловлено не контекстом, а внеязыковой действительностью – практикой выставления преступников, привязанных к столбу, для всеобщего обозрения в качестве наказания. Таким образом, развитие значения слова *позор* шло в направлении: «вид, обозрение» → «быть выставленным для всеобщего обозрения (в качестве наказания)» → «быть обесчещенным, опозоренным».

Бесспорным доказательством влияния контекста на значение слова считаются случаи т.н. включения, или семантического стяжения (Н.А. Янко-Триницкая, Д.Н. Шмелев, Е.С. Копорская и др.). Например, слово *температура*, кроме собственного значения, получает значение «высокая температура», слово *вкус* – «хороший, изысканный вкус», слово *воздух* – «чистый, свежий воздух» [Янко-Триницкая 1964: 19]. Однако новые значения в этих и других словах появились не под влиянием контекста, а в результате естественного движения мысли, отражающей реальное положение вещей: «Температура свойственна любому живому

организму. Это его обязательное, стандартное, нормальное свойство, не обладающее различительной силой и не привлекающее к себе внимание. Обращает на себя внимание необычная, высокая температура, свойственная заболевшему человеку. Поэтому достаточно сказать «У него температура», чтобы каждый понял: речь идет о высокой температуре».

Упомянув в качестве примера семантического стяжения слово *тройка*, которое благодаря частому употреблению в сочетании *тройка лошадей* получило значение «упряжка из трех лошадей», Е.С. Копорская пишет: «Это стяжение, очевидно, объясняется актуальностью самой реалии..., так как в других подобных сочетаниях такого стяжения не произошло...» [Копорская 1982: 159]. И с этим объяснением нельзя не согласиться. Таким образом, даже в считающихся бесспорными случаях влияния контекста на семантику слова мы вновь и вновь обнаруживаем, что подлинной причиной изменения значения слова является внеязыковая действительность.

Если допустить, что контекст автоматически передает значение одного слова другому, то естественно предположить, что такая «передача» должна происходить всегда. На самом деле процессы включения имеют не сплошной и регулярный, а избирательный характер, что хорошо объясняется действием экстралингвистических факторов.

Полемизируя с контекстуалистами, А.И. Смирницкий писал: « Могут возразить, что значение «светлый» у слова *белый* определяется его соединением со словами *вино*, *хлеб* и пр. и противопоставлением в соответствующих случаях словам *красный*, *черный* и др., т.е. известными связями и соотношениями в языке». Конечно, это «нужно учитывать; но все же нельзя забывать того, что отличие значения слова *белый* в сочетаниях *белое вино*, *белый хлеб* и пр. от его обычного, «основного» значения («белый, как снег» и пр.) обусловлено реальным отличием цвета вина, хлеба и пр. от цвета снега и т.п. и значением самих соответствующих предметов действительности» [Смирницкий 1955: 26; выделено А.И. Смирницким. – Ю.Ф.].

К сказанному целесообразно добавить следующее. Объясняя семантические сдвиги в словах влиянием контекста, частой встречаемостью тех или иных лексем, исследователи не учитывают того, что частая встречаемость слов является отражением частой встречаемости реалий.

Кроме того, важно помнить, что в случаях типа *температура*, *вкус*, *воздух*, *тройка* и подобных не имеет места появление новой информации, «контекстуального порождения нового значения». Перед нами – денотативно мотивированная «семантическая конденсация», ко-

тору можно интерпретировать как проявление тенденции к экономии языковых средств.

Так же, как семантическое стяжение, есть основания трактовать «семантическое заражение» (например, появление у слова *злокачественный* в результате его частого употребления с названиями болезней нового значения «очень опасный, грозящий смертью»), процессы дифференциации (например, семантическую дифференциацию слов *ствол* и *стебель*) и аналогии [Копорская 1982: 160, 163]. Как пишет сама Е.С. Копорская, «распределение значений здесь обусловлено потребностями номинации (! – Ю.Ф.) и происходит на понятийной основе» [Копорская 1982: 164].

Причины семантических изменений следует искать прежде всего в экстралингвистической действительности, в абстрагирующей работе человеческого мышления. «... Дескриптивистское направление языкознания, – пишет В.Г. Гак, – значение слов стремилось вывести прежде всего из их синтагматической дистрибуции, недооценивая их парадигматические отношения, т.е. их отношение к экстралингвистическим объектам. Между тем никогда нельзя будет до конца понять семантические процессы в языке, сдвиги в значении слов, закономерности синонимических семантических преобразований, если игнорировать описываемую словами объективную реальность» [Гак 1971: 95].

«Конечная причина», определяющая все многообразие чисто языковых импульсов смыслового движения словаря, в конце концов обусловлена развитием понятий и потребностями коммуникации» [Будагов 1963:20].

«... Не следует думать, будто полисемия создается, порождается контекстом, – пишет Ю.С. Маслов, – будто причина появления семантических вариантов кроется в меняющемся контекстном окружении слова». «Полисемия создается вовсе не включением слова в новые контексты, преобразующие его значение, а общественной потребностью – либо в подходящем названии для нового предмета или явления, либо в новом (например, более экспрессивном и т.д.) названии для предмета старого, уже как-то обозначавшегося... Что же касается контекста, то он лишь подсказывает слушателю (читателю) *выбор* нужного («актуального») значения из нескольких «потенциальных»...» [Маслов 1975: 129, 130; выделено автором. – Ю.Ф.].

Новые значения (так же, как и новые слова) возникают не под давлением контекста, а под давлением внеязыковой действительности, в результате абстрагирующей работы человеческого мышления, обнаруживающего черты сходства между отдельными предметами и осуществляющего перенос наименования с одного предмета на другой.

Принято считать, что все изменения языка начинаются в речи. Но речь есть результат действия сложного психолингвистического механизма, и именно на этом уровне следует искать начало всех изменений языка. Говорящий, программируя речь, производит самостоятельный поиск и отбор номинативных средств языка, принимает решение о том, в каком – стандартном или нестандартном – значении употребить то или иное слово. Всякое языковое новшество диктуется волей говорящего и возникает в индивидуальном языке [см.: Скребнев 1964: 12; а также: Шахматов 1941: 107; Курилович 1962: 422; Копыленко 1965: 196; Основы теор. реч. деят. 1974: 195; Маковский 1976: 41]. Факт индивидуального языка находит отражение в индивидуальной речи. Если этот факт соответствует социальной потребности, то он принимается многими индивидуальными языками, т.е. языком в целом; если нет – он остается фактом индивидуальной речи. Примером могут служить метафоры *Часы идут* и *грамматика любви*.

Глава VI. Слово и синтаксический контекст (о характере связи синтаксиса с лексической семантикой)

Рассмотрев взаимоотношения слова и лексического контекста, перейдем к рассмотрению взаимоотношений слова и синтаксического контекста. Иначе говоря, попытаемся ответить на вопрос о характере связи синтаксиса с семантикой, т.е. определить, зависит ли синтаксис от семантики, семантика от синтаксиса или между ними имеют место отношения взаимозависимости.

Зависимость синтаксиса от семантики является очевидным и общепризнанным фактом. Эта зависимость проявляется, во-первых, в том, «что слова с одинаковым или сходным значением имеют одинаковые или сходные наборы синтаксических признаков, и наоборот»⁷ [Апресян 1-967: 26]. Например, семантически близкие глаголы *ампутировать*, *отрезать* и *отнять* управляют по одной и той же модели (*ампутировать раненому кисть*), а семантически далекие глаголы *ампутировать* и *потешаться* управляют по разным моделям (*ампутировать раненому кисть* и *потешаться над соседом*).

Во-вторых, переход слова из одной лексико-семантической группы в другую влечет за собой соответствующее изменение синтаксического поведения слова.

Приведем несколько примеров.

Слово *отвращение* еще в начале XIX в. управляло родительным падежом с предлогом *от*. Однако его близость к наименованиям чувств типа *любовь*, *влечение* и т.п. повлекла за собой изменение его управления. Теперь это слово управляет так же, как слова *любовь* и *влечение* (*отвращение к клеветнику и доносчику*) [Прокопович 1974: 36-37].

Слово *расправа*, словообразовательно связанное с глаголом *расправиться*, долгое время имело глагольное управление: *расправиться с инакомыслящим* = *расправа с инакомыслящим*. Однако это существительное семантически близко к существительному *насилие*, а также *надругательство* и *издевательство*. Эта близость явилась причиной изменения управления этого слова: *насилие над кем* – *расправа над кем*. Такое управление становится нормой.

⁷ Под синтаксическими признаками Ю.Д. Апресян понимает особенности (модели) управления глаголов. Из этого же будем исходить и мы.

Особенности управления – постоянные синтаксические признаки слова (точнее – лексы). У слова есть и переменные синтаксические признаки. Это место («членство») слова в предложении. Переменные синтаксические признаки слова определяются лексическим значением, характером передаваемой мысли и – далее – отражаемым им элементом внеязыковой действительности.

Слово *вступление* в значении, прямо мотивированном значением глагола *вступить*, управляет так же, как глагол (*вступить в город* = *вступление в город*). Слово *вступление* в производном значении («начальная часть чего-либо») относится к тому же семантическому полю, что и слово *предисловие*, и получает его управление (*предисловие к книге* – *вступление к опере*).

Такого же происхождения многочисленные синтаксические ошибки типа «Мы уже отметили о...» (под влиянием слова-доминанты *говорить*).

Первичность семантических признаков слова и вторичность признаков синтаксических подчеркивается и лексикографами. Например, о 4-ом значении слова *жарить* в «Словаре русского языка» АН СССР говорится: «... 4. Прост. Употребляется вместо того или иного глагола для обозначения действия, выполняемого с особой силой, страстностью, азартностью и т.п. (с сохранением управления этого глагола). От безделья они с утра до вечера жарили в шашки. Мамин-Сибиряк, Хлеб. Я из этих повестей мог жарить наизусть целые страницы. Вересаев. В юные годы» [Словарь I: 644].

Зная значение слова, мы чаще всего можем предсказать его синтаксическое (и лексическое) окружение. Например, поскольку глагол *ударить* обозначает действие, предполагающее субъект, прямой объект, орудие и место приложения действия, постольку он выступает в следующем синтаксическом окружении: «Кто + ударить + кого + (чем) + (по чему)» [Фоменко, Ничман 1998: 23-41].

Однако с тезисом о зависимости синтаксиса от семантики в лингвистической литературе мирно уживается прямо противоположный тезис – о зависимости семантики от синтаксиса. В широкий обиход этот тезис вошел со времени появления в 1953 г. статьи В.В. Виноградова «Основные типы лексических значений слова», в которой автор выделил т.н. «синтаксически обусловленные» и «конструктивно организованные (обусловленные)» лексические значения и выразил убеждение, что «сама дифференциация значений всецело зависит от форм их сочетаемости с другими словами» [Виноградов 1953: 27]⁸. Синтаксически

⁸ См. также: «Богатство значений глагола обусловлено многообразием его синтаксических возможностей, его конструктивной, организующей силой» [Виноградов 1947: 428]. Впрочем, следует отметить, что мысль о влиянии синтаксиса на семантику высказывалась и раньше. Напр., М.М. Покровский писал: «Нам уже неоднократно приходилось говорить о влиянии синтаксических сочетаний на значение тех слов, которые входят в их состав» [Покровский 1959: 132].

В другой своей работе отношения между лексическим значением слова и его синтаксическим поведением В.В. Виноградов интерпретирует иначе. Он пишет: «Вопрос о закономерностях сочетаемости одного слова с другим в зависимости от его значения (подчеркнуто мной. – Ю.Ф.), о связи разных значений слова с разными способами его сочетаний, с разны-

обусловленными В.В. Виноградов назвал значения типа *молодец*, т.е. значения, «за которыми закрепляется строго определенная функция в составе предложения», а также значения, связанные с разными типами формальной дефективности лексемы.

Развивая эту точку зрения, Е.А. Иванникова делит «грамматически обусловленные» лексические значения на синтаксически обусловленные и морфологически обусловленные. К последнему типу она относит все те случаи, когда «вещественное значение слова реализуется только с ограничением в грамматическом отношении» [Иванникова 1966: 33]. «О глаголах, изменяющих значение в связи с переменой субъекта действия» пишет О.Д. Кузнецова [Кузнецова 1966: 56-63]. Р.В. Туркина прямо назвала свою заметку «О зависимости значений глаголов от их синтаксических признаков» [Туркина 1966: 73-75].

Но верно ли, что те или иные лексические значения слов обусловлены синтаксическими и морфологическими признаками последних? Думается, что нет; причем этот отрицательный ответ в неявном виде содержится в самом тексте упомянутой статьи В.В. Виноградова. В.В. Виноградов, характеризуя значение типа *молодец*, отмечает, что «правильнее всего было бы признать это значение ... значением предикативно-характеризующим». Отсюда со всей необходимостью следует, что такое значение прежде всего должно занимать позицию сказуемого (а также обращения, обособленного определения и приложения). Таким образом, становится очевидным, что не синтаксическая позиция определяет характер лексического значения, а характер лексического значения определяет синтаксическую позицию. Нелишне заметить, что лексическое значение как признак постоянный не должно быть в зависимости от синтаксической позиции слова как признака переменного.

Такие же отношения между синтаксисом и семантикой наблюдаются в сфере т.н. конструктивно обусловленных значений, значений, «неотделимых от строго определенных форм сочетаемости этих слов с другими словами». Не сочетаемость слова мотивирует его семантику, а семантика слова определяет его сочетаемость.

Такое же направление зависимости мы наблюдаем между семантическими и морфологическими признаками слова. *Singularia* и *pluralia tantum* в области имен существительных, неполная парадигма глагола в безличном значении, видовая дефективность и другие морфологические «капризы» слов – не обуславливают семантику, а обуславливаются ею.

Итак, приходится констатировать, что во многих лингвистических работах всякого рода ограничения, накладываемые лексическим значе-

ми формами его синтаксического распространения другими словами имеет большое значение для синтаксиса словосочетаний» [Виноградов 1954: 9].

нием слова на его грамматическое поведение, интерпретируются в перевернутом виде – как ограничения, накладываемые на лексическое значение его грамматическими особенностями. Лексическая семантика рассматривается как величина производная по отношению к грамматике. На самом деле связь между синтаксисом и семантикой имеет форму зависимости (однонаправленной зависимости) синтаксиса от семантики.

Как ни странно, гипотезу о влиянии синтаксиса на семантику поддержал Ю.Д. Апресян. Он пишет: «... возникает вопрос о том, может ли синтаксис оказывать обратное воздействие на семантику слов, видоизменяя ее. На этот вопрос следует ответить утвердительно: в языке существуют группы слов, помещение которых в несвойственный им синтаксический контекст может окказионально изменять их значение» [Апресян 1967: 29]. Это мнение Ю.Д. Апресян пытается подтвердить ссылкой на группу глаголов, которые «в просторечии могут приобретать определенное значение, будучи помещены в синтаксический контекст, типичный для этого значения», а именно: *валять, драть, дуть, жарить, катать, резать, садить, сыпать, хватить, чесать*, а также *двинуть, дернуть, жать, крыть, рвануть, рубить, сечь, чистить, шпарить*. Имеются в виду экспрессивные просторечные значения этих глаголов, реализуемые в контекстах типа: *валять (дуть, жарить, шпарить) про любовь, дуть (жарить, шпарить, чесать) в деревню* и т.п.⁹ «Во всех приведенных случаях, – утверждает Ю.Д. Апресян, – выбор одного из четырех возможных значений автоматически определяется синтаксическими (отчасти и лексическими) условиями, в которые помещается данный глагол» [Апресян 1967: 30]. Однако остается совершенно неясным, почему в словах этого типа имеет место обратное воздействие синтаксиса на семантику, а не прямое влияние семантики на синтаксис. Никаких аргументов в пользу выдвинутой точки зрения Ю.Д. Апресян не приводит. И это не случайно: таких аргументов нет. Переносное значение у глаголов типа *жарить* («*жарить про любовь*») появилось в результате действия тех же самых семантических законов, что и переносное значение в других словах языка, т.е. в результате обнаружения некоторых черт сходства между действиями «жарить» и «(быстро, энергично) говорить» и последующего переноса наименования с первого действия на второе. Производитель речи мог бы построить фразу вроде «Он громко, энергично говорит про любовь». Однако эта фраза очень тривиальна, неэкспрессивна и поэтому не устраивает говорящего. Тогда он начинает поиски более экспрессивного эквивалента выражения «энергично говорить». Рано или поздно он наталкива

⁹ Об этих глаголах см.: [Коротеев 1968].

ется на глаголы типа *жарить*, в лексическое значение которых входит сема «энергично». Ядерная сема значения этого глагола («приготавливать пищу с помощью сильного жара») утрачивается, заменяется семой «говорить», и в распоряжении производителя речи оказывается искомая величина. (В современном языке значение «совершать какие-либо быстрые, энергичные действия» у глаголов типа «жарить» давно стало узуальным и фиксируется в словарях.) Таким образом, глаголы типа *жарить* (как, впрочем, и другие слова) не подтверждают гипотезу о возможности обратного воздействия синтаксиса на семантику.

Кстати, если бы помещение слова в несвойственный ему контекст действительно приводило к появлению у слова нового значения, то такая процедура могла бы быть осуществлена по отношению к любому слову. Между тем это не так. Например, в модель *Кто + глагол + про что* могут быть введены глаголы *думать, жарить* и подобные, но не могут быть введены глаголы *идти, соглашаться, реквизировать* и многие другие. Вполне очевидно, что такому введению противится лексическое значение этих глаголов. Иначе говоря, слово не может быть помещено в несвойственный ему контекст, прежде чем говорящий (говорящие) не припишет этому слову новое значение. «Нельзя вкладывать произвольные единицы в уже готовые синтаксические структуры, так как эти последние непосредственно создаются для слов с определенным значением», – заметил В.И. Шовкун [Шовкун 1973: 277].

Гипотезу об обратном воздействии синтаксиса на семантику не подтверждают и факты лексико-семантического и морфолого-синтаксического словообразования (сращение и субстантивация, например *сумасшедший* и *больной*), поскольку причиной появления нового слова в этих случаях оказывается не синтаксис, а семантика – больший или меньший сдвиг в значении производящего словосочетания (слова).

Исследовательская практика тысячи раз показала, что разнообразные изменения языка в подавляющем большинстве случаев обусловлены давлением внеязыковой действительности. В то же время известно, что с этой последней непосредственно связан именно семантический уровень. Следовательно, изменения в языке должны идти в направлении от семантики к синтаксису, а не от синтаксиса к семантике.

И.И. Мещанинов писал: «Семантика слова в известной степени обуславливает его синтаксическую роль в предложении. Выступая в предложении, слово используется в нем, отвечая его лексическому содержанию. Оно выступает в позиции соответствующего члена предложения, включаясь в общее смысловое содержание высказывания и при-

нимая на себя соответствующую долю смыслового значения формирующегося предложения» [Мещанинов 1945: 4-5]¹⁰.

«Первичные синтаксические функции вытекают из лексических значений частей речи и представляют собой своего рода транспозицию этих значений», – утверждает Е. Курилович [Курилович 1962: 61]. «Строй предложения, – пишет Б.П. Ардентов, – т.е. наличие в нем определенных компонентов и наличие связей этих компонентов, целиком определяется содержанием (значением) этих компонентов – и это было ясно М. Ломоносову уже двести лет назад» [Ардентов 1968: 19; см. также: Кацнельсон 1972: 214 и др.].

Защищаемая точка зрения полностью подтверждается материалами книги Р.А. Маркарян «Типы семантического противодействия в сфере формообразования и словообразования» (Ереван, 1970). Автор книги поставил перед собой задачу показать «тормозящее воздействие семантики слова» на его словообразовательное и грамматическое поведение. «Основная цель данного исследования, – пишет Р.А. Маркарян, – максимально полно представить и проанализировать имеющиеся в современном русском языке «нарушения» в парадигме слова, в словообразовательном ряду, связанные с семантическим содержанием слова...» [Маркарян 1970: 5]. В книге анализируются также «семантические «помехи», которые действуют и в построении синтаксических конструкций...» [Маркарян 1970: 7].

Признавать влияние синтаксиса на семантику – значит приписывать речевой цепи способность порождать лексические значения, значит признавать первичность отношений и вторичность элементов (вещей). Однако это противоречит современному пониманию диалектики вещей и отношений.

К. Маркс писал: «... свойства данной вещи не возникают из ее отношения к другим вещам, а лишь обнаруживаются в таком отношении» [Маркс и Энгельс 1960: 67].

Отношения существуют как отношения вещей. Следовательно, вещи первичны, а отношения вторичны [см.: Свидерский 1968: 35-36; Мельничук 1970: 62]. «... Значения не выводимы из отношений. Но зато отношения выводимы из значений» [Абаев 1973: 528].

«Тот факт, что отношения существуют между единицами («вещами»), а их характер определяется свойствами единиц, свидетельствует как о том, что возникновение отношений невозможно до возникновения самой единицы («вещи»), так и о том, что отношения являются атрибу-

¹⁰ О зависимости синтаксического поведения слова от его лексического значения писал Д.Н. Шмелев [Шмелев 1964: 198]. Впрочем, в другом месте он высказал противоположную мысль: «... Не только лексическая, но и синтаксическая сочетаемость слова определяет его собственное значение» [Шмелев 1969: 16].

том структуры. Из этого также вытекает, что не пересечение отношений порождает элементы и, следовательно, не элементы вторичны, а само пересечение отношений в данной единице зависит от ее свойств, и, следовательно, оно вторично, а единицы первичны», – справедливо утверждает Г.С. Щур [Щур 1964: 25-26]. «... В отличие от других семиотических объектов, где значимость элемента определяется его местом в системе, в языке сами свойства элемента определяют его место в системе», – пишет Г.С. Щур в другой работе [Щур 1971: 42; Щур 1974: 152].

Возражая против абсолютизации принципа системности, Ф.П. Филин замечает: «Это верно, что языковые явления взаимосвязаны и составляют макро- и микросистемы, которые нередко создают сложные переплетения. Однако неверно полагать, что системные отношения, связи являются в структуре языка главным или даже всем, а сами явления языка, их материальные субстанции – это нечто второстепенное или даже ничто...» [Филин 1977: 10].

«По Соссюру, понятия (значения) формируются системой, для нас они результат отражательной (познавательной) деятельности людей», – говорит В.М. Солнцев [Солнцев 1977: 124; см. также: Будагов 1963: 20; Гак 1971: 95].

«Практика лингвистических исследований и опыт машинного перевода показали, что языковые значения невозможно определить не только на основе учета синтагматических связей, но и всей совокупности системных связей соответствующих языковых единиц и что, следовательно, идеальная сторона языковой единицы не может рассматриваться только как продукт ее отношения с другими языковыми единицами», – пишет В.З. Панфилов [Панфилов 1975: 35].

Общепризнанным является тезис о том, что лексическое значение имеет отражательную природу. Но это как раз и означает, что оно определяется предметным миром, а не системой языка. Например, слова *собака* и *индюк*, *собака* и *лает* получают свои значения не потому, что соотнесены друг с другом, а потому, что соотнесены с определенными внеязыковыми объектами [см.: Шмелев 1964: 6]. Значения этих слов, в свою очередь, определяют их отношения. Иначе говоря, отношения слов не обуславливают значения, а обуславливаются ими.

Если порождающей функцией не обладает лексический контекст [см.: Фоменко 1974], то тем более не обладает ею контекст синтаксический.

Число синтаксических признаков слов сравнительно невелико, и они никак не могут породить бесконечное разнообразие лексических значений.

Если помнить, что каждое слово не только имеет контекст, но и – одновременно – является контекстом, то остается неясным, какие эле-

менты контекста и почему выступают как детерминирующие, а какие – как детерминируемые.

Гипотеза об обратном воздействии синтаксиса на семантику справедливо признается релятивистической, антисубстанциональной и антисемантической [см.: Будагов 1974: 18].

Возвращаясь к Ю.Д. Апресяну, следует сказать, что он прав не тогда, когда говорит о давлении синтаксиса на семантику, а тогда, когда пишет: «Вообще говоря, все в тексте, включая его фонологическую структуру, обусловлено и организовано значением...» [Апресян 1967: 25]¹¹. Семантика – это альфа и омега всего лингвистического бытия.

Семантика слова определяет его валентность (сочетательный потенциал), а валентность слова манифестируется в его дистрибуции, в его реальном речевом окружении. Сама же семантика слова, его лексическое значение мотивируется экстралингвистической действительностью. Таким образом, мы получаем цепочку: экстралингвистическая действительность → ЛЗ → валентность → дистрибуция.

В терминах философии лексические значения есть основания интерпретировать как вещи, а их дистрибуцию – как отношения. Вещи вступают в отношения и безразличны к ним, но не определяются ими. Вещи первичны, отношения вторичны.

Таким образом, на поставленный в начале главы вопрос мы должны ответить так: между семантикой и синтаксисом имеют место отношения однонаправленной зависимости синтаксиса от лексической семантики.

¹¹ В этом утверждении, конечно, имеет место некоторое преувеличение (фонологическая структура текста не обусловлена и не организована его смыслом), но указание на определяющую роль значения в высшей степени справедливо.

Глава VII. О «фонетическом значении»

Одним из постулатов современного языкознания является положение о произвольности (немотивированности) языкового знака (звуковой формы слова). Это положение означает, что между вещью и ее названием нет природной, естественной связи. Значения имеют слова (а также морфемы; однако их значения имеют особый, «неноминативный» характер), но не звуки (фонемы). Звук – это мельчайший, далее неделимый элемент материи (формы) языка, не имеющий значения, не выполняющий номинативную функцию. Теория «фюсей», согласно которой язык возник естественным путем, от «природы» (Лукреций Кар и др.), противоречащая многим фактам языка, давно сдана в архив.

Однако в последние годы некоторые лингвисты пытаются ее реанимировать. Они выдвинули и защищают понятие «фонетического значения», т.е. значения звуков. Так, А.П. Журавлев утверждает: «... не только слова, но и звуки речи несут в себе какую-то информацию, какой-то скрытый смысл». (Заметим, что слова имеют не «какой-то скрытый смысл», а определенное, «открытое» значение.) Тут же А.П. Журавлев поправляется: «Эта фонетическая значимость («значимость», а не «значение»; но что это такое, нам не сообщают. – Ю.Ф.), конечно, совсем не то, что привычное для нас лексическое значение слова¹². Лексическое значение соотносится с понятием, с предметом. Есть предмет под названием стол, есть действие, которое мы обозначаем словом бежать, есть признак, который обозначается словом большой, и т.д. А фонетическая, звуковая значимость – лишь впечатление от звука.¹³ Нет предмета под названием *P*, нет действия по имени *Д*, нет качества, которое бы называлось *Ы*. Звуковая значимость не связана с понятием, мы не можем объяснить значимость звука *Ф*, как это делается в словаре для слова *дом*. Можно только экспериментально выявить «коллективные впечатления» от звука *Ф* и описать эти впечатления с помощью оценочных признаков.¹⁴ Например, ... звук *А* производит впечатление чего-то хорошего, большого, мужественного, светлого, активного, простого, сильного, красивого, гладкого, легкого, безопасного, величественного, яркого, округлого, радостного, громкого, длинного, храброго, доброго, могучего. Звук *Ф* получает иные характеристики: плохой, грубый, тем-

¹² Но если «фонетическое значение» «совсем не то, что привычное для нас лексическое значение слова», то почему А.П. Журавлев называет его значением?

¹³ По что такое «впечатление от звука»? Не следует ли это объяснить читателям? В словаре это слово характеризуется так: «образ, след, отражение, оставляемые в сознании человека предметами и явлениями внешнего мира» [Словарь 1: 286]. Подчеркнем: «отражение, оставляемое в сознании человека предметами и явлениями внешнего мира». Тогда встает вопрос: в чем же принципиальное отличие «фонетического» значения от лексического?

¹⁴ Почему именно оценочных?

ный, пассивный, отталкивающий, шероховатый, тяжелый, грустный, страшный, тусклый, печальный, тихий, трусливый, злой, хилый, медлительный» [Журавлев А.П. Звук и смысл. – М., 1991. – С.18]. «Все обнаруженные у звуков признаки нужно понимать так, что впечатления от звуков как-то соотносятся с впечатлениями о предметах и явлениях» [Там же]; звуки «вызывают у нас вполне определенные, устойчивые и в общем для всех сходные впечатления незвукового свойства» [Там же: 17]¹⁵.

Факты языка, однако, противоречат этим утверждениям А.П. Журавлева. «..Звук *А* производит впечатление чего-то хорошего, светлого... безопасного... радостного... доброго» [Там же: 18]. А в словах *рак, мрак, дурак, банда, шайка, гад, жадный, харя, драка, враг* и др.? «Звук *Ф* ...плохой, грубый... отталкивающий... страшный... злой...» [Там же]. А в словах *фея, фавор, факел, фанфара, фарфор, феерия, феникс, фестиваль, фиалка, фигурка, флаг, флер* и др.?

А.П. Журавлев сам называет факты языка, противоречащие его гипотезе. «Ведь не всегда же ... слова, обозначающие быстрое или резкое движение, содержат звук *Р*: *мчаться, нестись, скакать, лавина* и др. К тому же значение слова может измениться вплоть до противоположного, а звучание останется прежним. Таких случаев в любом языке сколько угодно. Например, в древнем языке, общем для всех славян, слово *уродливый* обозначало «хорошо уродившийся», но теперь в русском языке *урод* имеет значение «человек с некрасивой, безобразной внешностью», а в польском языке *uroda* – «красота». Где же здесь связь звука и смысла?

Слова - омонимы звучат одинаково, но имеют разные значения: *ключ* – отмычка и *ключ* – родник; *лук* – оружие и *лук* – растение. Слова – синонимы, наоборот, звучат по-разному, но их значения близки: *аэроплан, самолет, лайнер; маленький, крошечный, миниатюрный, мизерный*.

А сходно звучащие слова в разных языках? Разве они будут обозначать одно и то же? Конечно, нет. Первые слова, которые начинает произносить русский ребенок, – это чаще всего *мама, папа, баба, деда*. Представьте себе, что и грузинский ребенок начинает овладение речью с тех же слов. Но для русского и грузина эти слова при сходном звучании имеют совершенно различные значения. По-грузински *мама* означает «папа», *деда* означает «мама», а *бабуа* – это «дедушка», которого в некоторых грузинских говорах называют *папа*.

¹⁵ На одной и той же странице А.П. Журавлев то утверждает, что «фонетическое значение» «совсем не то, что привычное для нас лексическое значение слова», то пишет, «что впечатления от звуков как-то соотносятся с впечатлениями о предметах и явлениях» (с.18), сама книга носит название «Звук и смысл». Но эти утверждения противоречат друг другу.

Казалось бы, аргументы, убийственные для идеи о соответствии значений и звучаний слов» [Там же: 7]. Казалось бы, на этом А.П. Журавлеву и следовало бы остановиться. Но он продолжает попытки доказать, что «фонетическое значение» есть реальность. Продолжим свой анализ и мы.

А.П. Журавлев оперирует понятием звука, а не фонемы, но не объясняет этот выбор. Более того. Он заменяет понятие звука понятием звукобуквы, «потому что, – говорит А.П. Журавлев, – мы не осознаем отдельно звука или отдельно буквы, а воспринимаем единый звукобуквенный образ» [Там же: 12]. Однако, во-первых, носитель языка различает звук и букву, что подтверждается экспериментально (*валы – волны*). Во-вторых, есть неграмотные люди, не владеющие буквами. В-третьих, нельзя ставить знак равенства между языком и его графическим «костюмом». В-четвертых, отношения между звуками и буквами в процессе развития языка изменяются. В связи с этим можно просто упомянуть длительное использование в русском письме букв «юс большой», «юс малый» и «ять». В-пятых, звуки существуют всегда, а буквы (письменность) появляются намного позднее. В-шестых, у бесписьменных народов вообще нет букв и, значит, такого монстра, как «звукобуквы». Кроме того, говорит А.П. Журавлев, бывают «случаи, когда могут возникнуть недоразумения. Тогда уж придется уточнять, что имеется в виду: «чистый» звук, «чистая» буква или звукобуква» [Там же]. Вот так: А.П. Журавлев обнаруживает «фонетическое (звуковое) значение» не у звука, а у «чистой» буквы!

А.П. Журавлев говорит: «... поскольку отдельные звуки ... значимы, то и сочетания звуков обладают фонетической значимостью» [Там же: 29]. Из этого, очевидно, следует, что значения морфем и слов (звуковая оболочка которых состоит из нескольких звуков) представляют собой сумму значений звуков. Например, значение слова *дылда* должно представлять собой сумму «значений» звуков *Д, Ы, Л, Д и А*, а значение слова *многовариантный* – сумму «значений» звуков *м, н, о, з, о, в, а, р, и, а, н, т, н, ы и й*. Однако легко экспериментально доказать, что значение «высокий нескладный человек» никак не может быть получено путем сложения «значений» звуков, из которых состоит звуковая оболочка слова *дылда* (и любого другого слова).

А.П. Журавлев утверждает, что значение слова имеет три слоя: «понятийное ядро», «признаковый аспект» и «фонетическую значимость» [Там же: 28]. Что называет А.П. Журавлев «признаковым значением» («признаковой оболочкой»)? Это «тот аспект значения слова, который можно охарактеризовать путем перечисления признаков» [Там же: 29]. «Ведь каждый предмет, каждое понятие можно ... охарактеризовать с помощью признаков. Если вас попросят подобрать (? – Ю.Ф.) ряд

признаков для (? – Ю.Ф.) того же быка, то вы, наверное (? – Ю.Ф.), скажете, что он «большой», «сильный», «быстрый» и т.п., а для белки подойдут (? – Ю.Ф.) другие признаки – «маленькая», «легкая», «подвижная» и т.п.» [Там же: 27]. Но ведь все перечисленные признаки – признаки денотата (быка и белки), и отражающие их семы входят в «понятийное ядро» значения слова. Таким образом, выделять особый «признаковый аспект» в значении слова нет никаких оснований. «Наконец, – продолжает А.П. Журавлев, – фонетическая значимость создает некий туманный, расплывчатый ореол вокруг признаковой оболочки. Это очень неопределенный аспект значения, который нами почти не осознается (NB! – Ю.Ф.). Лишь иногда в словах звукоподражательного и звукоизобразительного характера (NB! – Ю.Ф.) мы чувствуем «давление» звучания на значение (кстати, если «фонетическая значимость» – часть значения, то она не может оказывать давление на значение, т.е. на саму себя. – Ю.Ф.). Например, слова *кукушка*, *хрюшка*, *кряква* и т.п. звуками речи подражают крикам животных и птиц. Звучание слов *гром*, *храп*, *рык*, *рев*, *гул*, *шепот*, *шелест*, *шорох* и т.п. как бы изображает называемые звуки. Слова *мяля*, *хрыч*, *хляк*, *дылда* и т.п. создают некий звуковой образ, соответствующий характеристике названного так человека.

В таких случаях фонетическая значимость почти сливается с признаковой оболочкой, так как само звучание слова подсказывает признаковую оценку того, что этим словом обозначено» [Там же: 29]. «Но чаще всего мы не воспринимаем осознанно¹⁶ звуковой образ слова, сосредоточивая все свое внимание на его смысле. Тем не менее (вот это логика! – Ю.Ф.), поскольку отдельные звуки, как мы убедились, значимы¹⁷, то и сочетания звуков обладают фонетической значимостью» [Там же: 29].

На с.28 А.П. Журавлев отделяет «фонетическую значимость» от «признакового аспекта», а на с. 18 предлагает описывать впечатления от звука «с помощью оценочных признаков», т.е. сливает «признаковый аспект» и «фонетическую значимость». Таким образом, и «признаковый аспект», и «фонетическая значимость» оказываются фикцией. А.П. Жу-

¹⁶ «Воспринимаем осознанно» – это плеоназм, поскольку восприятие – это «отражение в человеческом сознании (NB! – Ю.Ф.) действующих в данное время на органы чувств предметов и явлений материального мира, включающее в себя понимание и осмысление их на основе предшествующего опыта». Восприятие не может быть неосознанным. Если же «фонетическую значимость» мы не осознаем, значит, ее нет. Ведь язык хранится в сознании. Следовательно, он осознается; осознается все, что в языке есть. Того, чего нет в сознании, нет в языке.

¹⁷ По мы вовсе не убедились в этом! Нам известно лишь существование предельно узкого полностью замкнутого круга возникших в древнем языке звукоподражательных слов (корней), но не отдельных «значимых» звуков.

равлев уверяет, что реальность «фонетического значения» он доказал экспериментально. Посмотрим, так ли это на самом деле.

Известно, что экспериментатор должен пытаться экспериментально извлечь информацию из сознания (подсознания) информантов, а не навязывать ее последним. А.П. Журавлев поступает наоборот: вместо того чтобы спросить информантов о наличии / отсутствии фонетического значения, он информирует их о том, будто бы звуки русского (и любого) языка имеют значение.

«Значения» звуков русского языка А.П. Журавлев решил описывать с помощью 25 пар антонимов. По его мнению, звуки русского языка могут быть «хорошими» и «плохими», «большими» и «маленькими», «нежными» и «грубыми», «женственными» и «мужественными», «светлыми» и «темными», «активными» и «пассивными», «простыми» и «сложными», «сильными» и «слабыми», «горячими» и «холодными», «быстрыми» и «медленными», «красивыми» и «отталкивающими», «гладкими» и «шероховатыми», «легкими» и «тяжелыми», «веселыми» и «грустными», «безопасными» и «страшными», «величественными» и «низменными», «яркими» и «тусклыми», «округлыми» и «угловатыми», «радостными» и «печальными», «громкими» и «тихими», «длинными» и «короткими», «храбрыми» и «трусливыми», «добрыми» и «злыми», «могучими» и «хилыми», «подвижными» и «медлительными». «Информантам» нужно просто дать оценку каждому звуку, «руководствуясь следующей инструкцией (пример для шкалы «светлый – темный»): «На ваших листах записана шкала, с помощью которой вы будете оценивать звуки и буквы, которые я буду произносить и показывать. Если вам почему-либо кажется, что данный звук «очень светлый», то вы приписываете ему оценку 1, если кажется, что звук «очень темный», приписываете оценку 5. Соответственно ставьте и другие оценки шкалы. Если звук не кажется вам ни «светлым», ни «темным», ставьте оценку 3. Старайтесь не раздумывать, а ставить первые пришедшие в голову оценки» [Там же: 13].

Как видим, «информант» лишен права выбора: каждый звук он обязан признать или «очень светлым», или «светлым», или «очень темным», или «темным», или средним. Информант не может сказать: «Я не считаю звуки ни светлыми, ни темными. Звуки нельзя характеризовать с этой точки зрения»; или: «Этот звук обозначает дерево / рыбу / крокодила / гнев / ходить / бежать / смеяться / спать» и т.д. Понятно, что эксперимент А.П. Журавлева совершенно некорректен.

Некорректность своего эксперимента выдает сам А.П. Журавлев. Он пишет: «Почти всегда информанты спрашивают:

- А что значит «светлый» или «темный»?
- Не знаю, – отвечает экспериментатор.

- А как же ставить оценки?
- Ставьте, как хотите.
- Ну хорошо, будем ставить наугад.

Экспериментатор соглашается: «Что ж, ставьте наугад» [Там же].

«Информанты, сами того не ведая, – говорит А.П. Журавлев, – «измеряют» то, чего не знают!

Действительно, – простодушно замечает А.П. Журавлев, – представьте себе, что мы просто задали участникам эксперимента вопрос: «Какие впечатления вызывает у вас звук Д?» Ясно, что ответы будут самыми разными и уловить что-то общее в этом множестве ответов будет очень трудно» [Там же]. Обратите внимание, читатель: «Ясно (! – Ю.Ф.), что ответы будут самыми разными (! – Ю.Ф.) и уловить что-то общее в этом множестве ответов будет очень трудно»! Поэтому А.П. Журавлев «не идет на поводу» у информантов: он сам дает им ту информацию, которую хочет у них получить.

Не совсем ясно, как представляет себе А.П. Журавлев «содержательность звуков речи» [Там же: 125] в древнем и современном языке. С одной стороны, он пишет: «Язык человека, конечно, возникал не на пустом месте, его истоками были сигнальные крики тех животных, которым судьбой было уготовано стать людьми. Но ведь их крики уже были значимыми: одни означали тревогу, другие – призыв, третьи – сигнализировали о пище, как и сейчас у животных. Значит, содержательность звуковых сигналов возникла еще раньше. Откуда же она взялась? Очевидно, выросла из содержательности звуков природы» [Там же].

«С первым ростком значения возникают и две основные силы, определяющие жизнь носителя, выразителя значения – знака. Одна из этих сил – тенденция к мотивированности, другая – тенденция к произвольности. Тенденция к мотивированности – порождение природы, тенденция к произвольности – порождение разума. Мотивированность старается сохранить связь знака с предметом, с материей, стремится сохранить знак таким, чтобы его форма соответствовала его содержанию. Для знака это важно, потому что улучшает условия его функционирования. Но степень мотивированности знака имеет пределы – нельзя, чтобы мотивировка стала слишком жесткой. Потому что слишком жесткая, абсолютная мотивировка намертво свяжет знак с предметом и не оставит ему свободы для изменения, для развития. А поскольку знак и все множество знаков, вся знаковая система должна все же развиваться, начинает действовать тенденция к произвольности, которая стремится

оторвать знак от конкретного предмета, дать ему свободу изменяться, развиваться» [Там же: 127]¹⁸.

«Однако язык, сформировав понятийное значение, не останавливается в своем развитии. Напротив, языковая система бурно развивается по разным направлениям. А это укрепляет тенденцию произвольности в языке, которая действует все более заметно, оттесняя, ослабляя тенденцию к первоначальной фонетической мотивированности» [Там же: 130]¹⁹. Справедливое заключение! (Нужно только эту мысль усилить: в современном языке «тенденция к первоначальной фонетической мотивированности» не действует.) И тут же мы читаем: «Так возникает и постепенно закрепляется (? – Ю.Ф.) в языке фонетическая значимость» [Там же: 128].

Как А.П. Журавлеву удастся совмещать одно утверждение с другим, остается загадкой.

Значение есть психическое (ментальное) образование. Оно, конечно, не дано на уровне прямого наблюдения, но воспринимается сознанием человека, дано ему на уровне абстрактного мышления. Его реальность – психическая («головная»), но это реальность, бытие которой ни у кого не вызывает сомнений. Если бы «фонетическое значение» было реальностью, то для доказательств его существования не нужно было бы тратить столько энергии, сколько тратит А.П. Журавлев (и его – к счастью, немногочисленные – единомышленники).

Зададим А.П. Журавлеву еще несколько вопросов. Почему он принял решение описывать «фонетические значения» с помощью 25, а не 27, 125, 1025 пар антонимов (ведь в языке антонимических пар значительно больше 25)?²⁰ Почему именно только с помощью антонимов? Почему он приписывает звукам значения типа значений прилагательных, но не существительных, глаголов и т.д.? Если А.П. Журавлев приписал звукам значения типа «хороший» и «плохой», «веселый» и «грустный», «храбрый» и «трусливый», то почему им нельзя приписать значения типа «воспитанный» и «невоспитанный», «интеллектуальный» и «неинтеллектуальный»; «верх» – «низ», «небо» – «земля», «вода» –

¹⁸ С одной стороны, полагает А.П. Журавлев, знак должен быть мотивированным, потому что мотивированность «улучшает условия его функционирования». С другой стороны, чтобы «изменяться, развиваться», знак должен быть произвольным. Не противоречат ли друг другу эти положения? Что улучшает условия функционирования знака – мотивированность или произвольность? Произвольность, – читаем мы на с. 130.

¹⁹ В автореферате своей докторской диссертации А.П. Журавлев пишет: «... подсознательная и расплывчатая фонетическая мотивировка уже давно уступила место в словотворчестве явным и четко осознаваемым мотивировочным приемам («мотивировка» и «прием» стоят в одном ряду! – Ю.Ф.), сохраняя за собой лишь поддерживающую роль» (Журавлев А.П. Содержательность фонетической формы знаков в современном русском языке: (Психоллингв, аспект): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Саратов, 1974. – С. 47.).

²⁰ См.: Тимофеев Л. «Жмура левый глаз» // ЛГ. – 1979. – 4 июля. – С. 6.

«суша», «сундук», «лавка», «комод», «протест», «ходить», «бегать», «лежать», «хохотать», «горевать» и т.д.? «Значения» имеют звуки или звуковые оболочки слов в целом? Как воспринимается слово, звуковая оболочка которого состоит из нескольких звуков? Как должно происходить (и должно ли происходить) сложение их «значений»? Должно ли лексическое значение слова быть суммой «значений» звуков? Как быть, если в слово входят звуки с противоположными «значениями» (напр., один звук «храбрый», а другой – «трусливый»; «храбрым» или «трусливым» будет слово?)?

Как значение звука соотносится со значением морфемы?

Случайно ли то, что А.П. Журавлев анализирует главным образом художественные, а не деловые и научные тексты, художественную, а не деловую и научную, конкретную, а не отвлеченную лексику? Наконец, как соотнести гипотезу «фонетического значения» с концепцией произвольности (немотивированности) языкового знака, являющейся краеугольным камнем лингвистики?

Никто не сомневается в том, что в современных языках существует ограниченный, замкнутый круг звукоподражательных слов типа *кукушка*. Все хорошо и давно знают, что в художественной речи (речи, а не языке. – Ю.Ф.), прежде всего – в поэзии используется прием скопления «говорящих» звуков, способных частично воспроизводить некоторые звучания природы. Но перед нами – не «фонетическое значение», не значение звуков, а использование в изобразительных целях реального (физического, акустического) сходства звуков языка со звучаниями описываемых явлений природы, т.е. звукопись.²¹

«В принципе звучание слова, – говорит В.В. Левицкий, – не имеет и не может иметь ничего общего с природой обозначаемого словом предмета или явления, ибо в противном случае не было бы возможным ни существование различных языков, ни изменение звуковой стороны языка в процессе его развития»²².

Если мы примем гипотезу «фонетического значения», то должны будем принять и ее следствия: 1) на земном шаре может быть только один язык; 2) в языке не может быть омонимии; 3) в языке не может быть полисемии; 4) в языке не может быть синонимии. Если же на земном шаре имеют место тысячи языков, если в языках регулярно наблюдаются факты омонимии, полисемии и синонимии, то из этого следует,

²¹ См.: (Солнцев 1977: 132-135).

А.П. Журавлев утверждает, что звуки «вызывают у нас ... впечатления незвукового свойства» [Там же: 17] Факты показывают обратное: наше сознание реагирует на чисто акустические свойства звуков.

²² Левицкий В.В. Виды мотивированности слова, их взаимодействие и роль в лексико-семантических изменениях // Материалы семинара по проблеме мотивированности языкового знака. – Л., 1969. – С. 23.

что «фонетического значения» нет, что гипотеза «фонетического значения» должна быть решительно отклонена.

Ни факты языка / речи, ни эксперименты, ни аксиоматика современной лингвистики, ни интуиция, ни интроспекция не подтверждают гипотезу А.П. Журавлева. Методологическая беспомощность нашего автора поражает.

Заключение

Единицей языка в строгом смысле этого термина является только слово (а также фразеологический оборот — сращение и единство), обладающее признаками субстанциональности, дискретности, линейности, неоднородности, воспроизводимости, иерархичности, цельности, двусторонности, номинативности и самостоятельности. Фонема и морфема — это элементы, а предложение (и синтаксическое словосочетание) — свободная комбинация единиц языка.

Слово имеет две стороны — содержание и форму. Содержание слова включает в себя 4 компонента: лексическое значение, грамматические значения, эмоционально-оценочный и стилистический компоненты. Лексическое значение — это идеальный образ предмета, совпадающий с бытовым понятием и ассоциированный с образом звукокомплекса. Грамматические значения — это значения, сопровождающие лексические, отражающие признаки, свойственные большим классам предметов, и выражающиеся с помощью того или иного грамматического средства. Значения служебных слов не являются грамматическими в строгом смысле этого термина. Они стоят ближе к лексическим. Есть основания называть их комбинационными.

Эмоционально-оценочный компонент отражает отношение человека к обозначаемому предмету, эмоцию, которую предмет вызывает, оценку, которую человек дает предмету.

Стилистический компонент содержания слова (стилистическая окраска) несет информацию о ситуации (сфере общения), в которой протекает речевой акт.

Многозначность — это наличие у слова нескольких лексических значений. Значения многозначного слова находятся в отношениях производности (родства). Полисемия обусловлена способностью человека обнаруживать черты сходства между предметами и переносить наименование одного предмета на другой, в чем-либо сходный с первым.

Явлению полисемии противостоит явление омонимии — формального (звукового) совпадения двух совершенно разных по значению слов.

Слова могут различаться и различаются не только числом лексических значений, но и их типами (качеством). Словам русского языка свойственны следующие типы значений: номинативные — неноминативные (указательные, модальные, комбинационные и сигнальные), конкретные — абстрактные, терминологические — нетерминологические, нейтральные — эмоциональные, межстилевые — стилистически окрашенные, актуальные — неактуальные (устарелые и неологические), литературные — областные, производящие — производные, главные — вто-

ростепенные, прямые – переносные, мотивирующие – мотивированные, синонимичные, антонимичные, а также свободные и связанные (фразеологически связанные и синтаксически связанные). Словообразование оперирует понятием словообразовательного значения.

Форма слова – это его звуковая оболочка, а также морфологическое оформление и словообразовательная структура. На уровне речи форма слова имеет физический (звуковой или графический), на уровне языка – психофизиологический характер.

Звуковые модификации слова, тождественные с точки зрения его лексического значения и различающиеся грамматическими значениями, называются формами слова (иначе – грамматическими формами, словоформами). Варианты слов – это формальные видоизменения слов, абсолютно тождественные по содержанию.

Лексическое значение выражается основой слова (или словом в целом), грамматические значения – разного рода служебными морфемами (грамматическими средствами), эмоционально-оценочный компонент – или суффиксом субъективной оценки, или основой слова в целом. Стилистический компонент специального выражения не имеет.

Особая глава книги посвящена правилам смыслового согласования слов, правилам семантической синтагматики. Первое правило семантической синтагматики – это наличие у двух синтаксически связанных слов одной общей семы и – соответственно – отсутствие противоречащих сем, сем, исключающих друг друга. Вторым правилом семантической синтагматики является запрет на вхождение значения одного компонента синтагмы в значение другого (плеоназмы и тавтологии). Иначе говоря, недопустимы синтагмы, в которых один из компонентов семантически (информационно) дублирует другой. Это означает, что язык не допускает двойного обозначения одного и того же денотата, двойного выражения одного и того же кванта информации, подчиняется принципу экономии речевых средств. (Принцип экономии речевых средств проявляется и в том, что язык запрещает использовать в речи семантически пустые слова – слова-сорняки.)

Контекст не порождает значения слов, а лишь реализует их. Значения слов стабильны (хотя и способны изменяться), постоянно присутствуют в сознании говорящих, предшествуют контексту. Если порождающей силой не обладает лексический контекст, то тем более не обладает ею контекст синтаксический.

Попытка ввести в лингвистический обиход понятие «фонетического значения» должна быть признана неудавшейся. Звук не имеет значения. Следует говорить не о «фонетическом значении», а о звукописи.

Использованная литература

Абаев В.И. [Выступление] // Дискуссия по вопросам омонимии на открытом заседании Ученого совета Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР: Лексикографии, сб. – М., 1960. – Вып. IV. – С. 71-76.

Абаев В.И. Общегуманитарные аспекты теоретического языкознания // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1973. – № 6. – С. 524-529.

Агладзе Т. Некоторые вопросы влияния морфологической формы глагола на его сочетаемость // Вестн. Отд-ния обществ. наук АН Груз. ССР. Сер. лит. и яз. – 1972. – № 1. – С. 117-122.

Аллендорф К.А. Проблема лексического значения, знака и значимости с позиции ленинской теории отражения // Сб. ст. по француз. лингвистике и методике преподавания иностр. языка в вузе. – М., 1971. – Вып. 3, ч. 1. – С. 7-31.

Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. – Л., 1963. – 208 с.

Апресян Ю.Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. – М., 1966. – 302 с.

Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: Синонимич. средства языка. М., 1974. – 367 с.

Апресян Ю.Д. Синонимия и синонимы // Вопр. языкознания. – 1969. – №4. – С. 75-91.

Апресян Ю.Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. – М., 1967. – 251 с.

Ардентов Б.П. О структурализме в советском языкознании. – Кишинев, 1968. – 111 с.

Арсеньева М.Г., Строева Т.В., Хазанович А.П. Многозначность и омонимия. – Л., 1966. – 131 с.

Арутюнова Н.Д. Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1982. – Вып. XIII. Логика и лингвистика: (Проблемы референции). – С. 5-40.

Арутюнова Н.Д. Синтаксис // Общее языкознание: Внутрен. структура языка. – М., 1972. – С. 259-343.

Ахманова О.С. Некоторые вопросы семантики в современном языкознании // Ахманова О.С. и др. О точных методах исследования языка. – М., 1961. – С. 20-32.

Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. – М., 1957. – 295 с.

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1966. – 607 с.

Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М., 1974. – 447 с.

Большая советская энциклопедия. – 3-е изд. – М., 1973. – Т. 13. – 608 с.

Брудный А.А. К вопросу о слове и его значении // Уч. зап. / Киргиз, гос. ун-т. - Филол. фак-т. – 1956. – Вып. 2. – С. 103-111.

Будагов Р.А. Борьба идей и направлений в языкознании нашего времени. – М., 1978. – 247 с.

Будагов Р.А. В защиту понятия слова // Вопр. языкознания. – 1983. – № 1. – С. 16-30.

Будагов Р.А. Введение в науку о языке. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1965. – 492 с.

Будагов Р.А. К критике релятивистических теорий слова // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. – М., 1961. – С. 5-29.

Будагов Р.А. Категория значения в разных направлениях современного языкознания // Вопр. языкознания. – 1974. – № 4. – С. 3-20.

Будагов Р.А. Сравнительно-семасиологические исследования (романские языки). – Изд-во МГУ, 1963. – 302 с.

Будагов Р.А. Язык – реальность – язык. – М., 1983. – 262 с.

Бурмако В.И. Создает ли контекст новые значения слов и фразеологизмов? // Проблемы фразеологии: Межвуз. сб. науч. тр. – Тула: Тул. гос. нед. ин-т, 1980. – С. 42-47.

Васильев Л.М. Достоинства и недостатки компонентного анализа в семантических исследованиях // Исследования по семантике: Семантика слова и словосочетания. – Уфа, 1984. – С. 3-8.

Васильев Л.М. Типы языкового знания и их отношение к знанию неязыковому // Исследования по семантике: Семантика язык, единиц разн. уровней: Межвуз. науч. сб. – Уфа, 1988. – С. 3-13.

Васильев С. Язык, значение и картина мира // Изв. АН Казах. ССР. – Сер. обществ. – 1972. – № 4. – С. 41-48.

Верещагин Е.М. Слово: соотношение планов содержания и выражения // Вопросы порождения речи и обучения языку. Изд-во МГУ, 1967. – С. 39-75.

Виноградов В.В. Вопросы изучения словосочетаний // Вопр. языкознания. – 1954. – № 3. – С. 3-24.

Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова // Вопр. языкознания. – 1953. – № 5. – С. 3-29.

Виноградов В.В. Русский язык: (Граммат. учение о слове). – М.; Л., 1947. – 784 с.

Выготский Л.С. Мышление и речь // Выготский Л.С. Избр. психолог. исслед. – М., 1956. – С. 37-386.

Гак В.Г. К проблеме гносеологических аспектов семантики слова // Вопросы описания лексико-семантической системы языка: Науч. конф. Тез. докл.-М., 1971. -Ч. 1. -С. 95-98.

Гак В.Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структур, лингвистики. 1971. – М., 1972. – С. 367-395.

Гак В.Г. Системность в лексике и типология лексических значений слова // Актуальные проблемы лексикологии: Тез. докл. третьей лингв. конф. 3-7 мая 1971. – Новосибирск, 1971. – С. 87-89.

Галкина-Федорук Е.М. Лексикология // Современный русский язык. – М., 1957. – С. 15-108.

Гарипова Н.Д. О роли лексического фактора в сочетаемости слов в русском языке // Уч. зап. / Башкир, гос. ун-т. – 1964. – Т. 18. Сер. филол. наук, № 8 (12). – С. 3-9.

Гегель Г.–В.–Ф. Соч. – М.; Л., 1937. – Т. 5.-715 с.

Голодяевская А.М., Стернин И.А. Парадигматические классы слов и ограничения на сочетаемость лексем в русском языке // Структурно-семантические исследования русского языка: (Описание. Сопоставление. Преподавание): Межвуз. сб. науч. тр. – Изд-во Воронеж, ун-та, 1994. – С. 13-24.

Гольцова Н.Г. Лексика // Современный русский литературный язык: Учеб. / Под ред. П.А. Леканта. – 2-е изд., испр. – М., 1988. – С. 8-48.

Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма. – Л., 1978. – 238 с.

Горбачевич К.С. Экспрессивное согласование // Рус. речь. – 1972. № 6. – С. 58-60.

Горелов И.Н. Проблема лингвистического обеспечения искусственного интеллекта // Вопр. языкознания. – 1984. – № 5. – С. 20-27.

Грамматика современного русского литературного языка. – М., 1970. – 767 с.

Дегтярева Т.А. Формы проявления семасиологических законов // Законы семантического развития в языке: Сб. / Под ред. Т.А. Дегтяревой. – М., 1961. –С. 3-22.

Джемакулова Э.М. О структурной соотносительности приставочного деривата и предложного сочетания // Уч. зап. / Тартус. ун-т. – 1980. – Вып. 537. Вопр. рус. аспектологии. 5. – С. 25-38.

Дмитриева Н.С. Об установлении семантической структуры многозначных фразеологических единиц // Уч. зап. / Башкир, гос. ун-т. – 1971. – Вып. 43. Сер. филол. наук, № 16 (20). Очерки по семантике рус. глагола. – С. 12-26.

Докулил М. К вопросу о морфологической категории // Вопр. языкознания. – 1967. – № 6. – С. 3-18.

- Ельмелев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. – М., 1960. – Вып. 1. – С. 264-389.
- Загоровская О.В., Стернин И.А. О семантических компонентах, определяющих сочетаемость слова (общеязыковая и терминологическая сочетаемость) // Термин и слово: Предм. отнесенность и функционирование терминов: Межвуз. сб. – Горький, 1983. – С. 126-132.
- Задорожный М.И. О границах полисемии и омонимии. – Изд-во МГУ, 1971. – 71 с.
- Звегинцев В.А. Семасиология. – М., 1957. – 321 с.
- Зуев С.Т. Значение слова // Науч. тр. / Кубан. гос. ун-т. – 1976. – Вып. 214. – С. 19-27.
- Иванникова Е.А. Синонимические отношения слов с грамматически обусловленным лексическим значением // Очерки по сининимике современного русского языка. – М.; Л., 1966. – С. 30-46.
- Иванов В.В. Лингвистика и исследование афазии // Структурно-типологические исследования: Сб.ст. – М., 1962. – С. 70-95.
- Калинин А.В. Лексикология // Современный русский язык / Под ред. Д.Э.Розенталя. – 3-е изд., испр. – М., 1979. – Ч. 1. – С. 8-51.
- Карцевский С. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. – М., 1965. – Ч. II. – С. 85-90.
- Кацнельсон С.Д. [Выступление] // Дискуссия по вопросам омонимии на открытом заседании ученого совета Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР: Лексикографии, сб. – М., 1960. – Вып. IV. – С. 86-87.
- Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение. – М.; Л., 1965. – 110 с.
- Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. – Л., 1972. – 216 с.
- Клычков Г.С. Специфика семантических изменений в различных частях речи // Вестн. МГУ. Ист.-фил. серия. – 1958. – № 2. – С. 157-167.
- Кодухов В.И. Общее языкознание. – М., 1974. – 303 с.
- Колесов В.В. Исторические основания многозначности слова и лингвистические средства ее устранения // Русское семантическое словообразование. – Ижевск, 1984₁. – С. 18-28.
- Колесов В.В. Концепт культуры: образ – понятие – символ // Вестн. С.-Петербур. ун-та. Сер. 2. – 1992. – Вып. 3 (№ 16). – С. 30-39.
- Колесов В.В. Ментальная характеристика слова в лексикологических трудах В.В.Виноградова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. – 1995₁ – № 3. – С. 130-139.

Колесов В.В. Ментальные характеристики русского слова в языке и в философской интуиции // Язык и этнический менталитет: Сб. науч. тр. – Петрозаводск, 19952. – С. 13-24.

Колесов В.В. Словарная многозначительность многозначности слова // Деривация и полисемия: Межвуз. сб. науч. тр. – Тамбов, 1984г. – С. 45-57.

Колшанский Г.В. Контекстная семантика. – М., 1980. – 149 с.

Колшанский Г.В. О природе контекста // Вопр. языкознания. – 1959. – № 4. – С. 47-49.

Копорская Е.С. Семантические преобразования слова, контекстуально стимулируемые и контекстуально нестимулируемые // Русский язык. Текст как целое и компоненты текста. – М., 1982. – С. 154-166.

Копыленко М.М. О соотношении языка и речи в связи с проблемами изучения сочетаний лексем // Филологический сборник. – Алма-Ата, 1965. – Вып. IV. – С. 192-199.

Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии. – Воронеж, 1972. – 124 с.

Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии: Проблемы, методы, опыты. - Воронеж, 1978. – 143 с.

Коротеев А.А. Сверхмногозначные грубопросторечные глаголы в современном русском языке // Уч. зап. / Дальневост. гос. ун-т. – 1968. – Вып. 11. Языкознание. – С. 88-91.

Котелова Н.З. Значение слова и его сочетаемость. (К формализации в языкознании). – Л., 1975. – 164 с.

Кругликова Л.Е. Структура лексического и фразеологического значения. – М., 1988. – 84 с.

Крушельницкая К.Г. Грамматические значения в плане взаимоотношения языка и мышления // Язык и мышление. – М., 1967. – С. 217-224.

Кубрякова Е.С. Основы морфологического анализа. – М., 1974. – 319с.

Кузнецова ОД. О глаголах, изменяющих значение в связи с переменой субъекта действия // Современная русская лексикология. – М., 1966. – С. 56-63.

Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка. – М., 1982. – 152 с.

Кузнецова Э.В. Методические указания и материалы к спецсеминару «Системные отношения в лексике». – Донецк, 1968. – 79 с.

Кукушкина А.Т. Многозначность и перенос наименования – важнейшие приемы экономики словесных средств // Уч. зап. / Горьк. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. Н.А. Добролюбова. – 1967. Вып. 30. – С. 208-231.

- Курилович Е. Заметки о значении слова // *Вопр. языкознания*. – 1955. – № 3. – С. 73-81.
- Курилович Е. Очерки по лингвистике. – М., 1962. – 256 с.
- Левицкий В.В. Виды мотивированности слова, их взаимодействие и роль в лексико-семантических изменениях // *Материалы семинара по проблеме мотивированности языкового знака*. – Л., 1969. – С. 21-25.
- Левковская К.А. Теория слова, принципы ее построения и аспекты изучения лексического материала. – М., 1962. – 296 с.
- Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – 2-е изд. – М., 1977. – 304 с.
- Литвин Ф.А. Слово в речи как реализация языковой программы // *Актуальные проблемы лексикологии: Тез. докл. четверт. лингвист. конф. «Слово в языке, речи и тексте» (7-8 мая 1974 г.)*. – Новосибирск, 1974. – С. 3-5.
- Литвин Ф.А., Черемисина М.И. О связи синтаксической функции лексемы с типом ее лексического значения // *Уч. зап. / Орл. гос. пед. ин-т*. – 1962. – Т. 21. Каф. рус. яз., вып. 6. – С. 52-64.
- Лупачева Л.И. Проблема изучения семантической структуры слова в курсе лексикологии // *Значение и форма слова: Межвуз. тем. сб. науч.тр.* – Калинин, 1988. – С. 16-26.
- Лупачева Л.И. Семантическая структура непроизводных существительных в современном русском языке // *Труды / Самарк. гос. ун-т*. – 1976. – Вып. 287. – С. 52-63.
- Ляпин С.Х. Концептология: к становлению подхода // *Концепты: Науч. тр. Центроконцепта*. – Архангельск, 1977. – Вып. 1. – С. 11-34.
- Маковский М.М. [Рец.] Греймас А.-Ж. Структуральная семантика // *Вопр. языкознания*. – 1967. – № 5. – С. 132-140.
- Маковский М.М. Соотношение индивидуальных и социальных факторов в языке // *Вопр. языкознания*. – 1976. – № 1. – С. 40-54.
- Маркарян Р.А. Типы семантического противодействия в сфере формообразования и словообразования. – Ереван, 1970. – 417 с.
- Марков В.М. О семантическом способе образования слов // *Русское семантическое словообразование*. – Ижевск, 1984. – С. 3-12.
- Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд. – Т. 23. – 907 с.
- Мартине А. Основы общей лингвистики // *Новое в лингвистике*. – М., 1963. – Вып. III. – С. 366-566.
- Маслов Ю.С. Введение в языкознание. – М., 1975. – 327 с.
- Медникова Э.М. Значение слова и методы его описания. (На материале соврем, англ. яз.). – М., 1974. – 202 с.
- Медникова Э.М. Сочетаемость слов и соотношение «норма языка – норма речи» (на материале русского и английского языков) // *Сб. на-*

уч. тр. / МГПИИЯ им. М.Тореза. – 1979. – № 145. Проблемы сочетаемости слов. – С. 32-37.

Мельничук А.С. Понятия системы и структуры языка в свете диалектического материализма // Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. – М., 1970. – С. 38-69.

Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. – М.; Л., 1945. – 323 с.

Моисеев А.И. Словообразование современного русского языка: Учеб. пособие. – Л., 1985. – 90 с.

Никитин В.М. Вопросы теории членов предложения. – Рязань, 1969. – 247 с.

Никитин М.В. Курс лингвистической семантики: Учеб. пособие к курсам языкознания, лексикологии и теоретической грамматики. – СПб., 1996. – 757 с.

Никитин М.В. О структуре лексического значения // Вопросы структуры английского языка в синхронии и диахронии. – Л., 1985. – Вып. 5. – С. 116-126.

Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. – М., 1988. – 168 с.

Новая философская энциклопедия. – М., 2001. – Т. 2. – 636 с.

Новиков Л.А. Семантика русского языка. – М., 1982. – 272 с.

Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1983. – Вып. XII. – 460 с.

Основные направления структурализма. – М., 1964. – 360 с.

Основы теории речевой деятельности. – М., 1974. – 368 с.

Палевская М.Ф. О некоторых факторах развития семантической структуры глагола // Материалы Всесоюз. конф. по общ. языкознанию «Основные проблемы эволюции языка». 9-16 сент. 1966 года. – Самарканд: ФАН, 1966.

Панов М.В. О слове как единице языка // Уч. зап. / Моск. гор. пед. ин-т им. Потемкина. – 1956. – Т. 51. Каф. рус. яз., вып. 5. – С. 129-165.

Панова А.А. Ономазиология и проблема идиоматичности слова: Учеб. пособие. – Челябинск; Уфа, 1984. – 75 с.

Панфилов В.З. Роль естественных языков в отражении действительности и проблема языкового знака // Вопр. языкознания. – 1975. – № 3. – С. 27-39.

Панфилов В.З. Философские проблемы языкознания. – М., 1977. – 287 с.

Пауль Г. Принципы истории языка. – М., 1960. – 500 с. Перезрухин В.Н. Введение в языкознание. – Белгород, 1968. – 359 с.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – 7-е изд.-М., 1956. – 511 с.

Плотников Б.А. Основы семасиологии. – Минск, 1984. – 223 с. Покровский М.М. Избранные работы по языкознанию. – М., 1959. – 382 с.

Попов А.С. О грамматической форме и категории в морфологии русского языка // Материалы по русско-славянскому языкознанию. – Воронеж, 1964. – С. 297-300.

Попов П.С. Суждение и предложение // Вопросы синтаксиса современного русского языка. – М., 1950. – С. 5-35.

Принципы и методы семантических исследований. – М., 1976. – 379 с.

Программы педагогических институтов. Введение в языкознание... – Сб. 3. – М., 1980. – С. 5-15.

Прокопович Н.Н. Вопросы синтаксиса русского языка. – М., 1974. – 350 с.

Прокопович Н.Н. Словосочетание в современном русском литературном языке. – М., 1966. – 400 с.

Резников Л.О. Понятие и слово. – Л., 1958. – 124 с.

Реформатский А.А. Введение в языковедение. – 4-е изд., испр. и доп. – М., 1967. – 542 с.

Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Справочник лингвистических терминов: Пособие для учителей. – М., 1972. – 495 с.

Русская грамматика. – М., 1980. – Т. 2. – 709 с.

Русский язык: Энциклопедия. – М., 1979. – 432 с.

Свидерский В.И. О диалектике элементов и структуры (в объективном мире и в познании). – М., 1962. – 275 с.

Серебренников Б.А. Предисловие // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М., 1988. – С. 3-7.

Синицына П.Т. К вопросу о грамматически связанных значениях слов // Уч. зап. / Ленингр. гос. пед. ин-т им. А.И. Герцена. – Т. 157. – Фак-т ин. яз. – 1958. – С. 79-85.

Скребнев Ю.М. О разграничении и противопоставлении понятий «язык» и «речь» // Уч. зап. / Башкир. гос. ун-т. – 1964. – Вып. 15. Сер. филол. наук, № 6. – С. 5-12.

Словарь русского языка: В 4-х т. – М., 1957-1961.

Слюсарева Н.А. О семантической и функциональной сторонах языковых явлений // Теория языка, методы его исследования и преподавания. – Л., 1981. – С. 243-249.

Слюсарева Н.А. Теория ценности единиц языка и проблема смысла // Материалы к конференции «Язык как языковая система особого рода». – М., 1967. – С. 64-69.

Смирницкий А.И. Значение слова // Вопр. языкознания. – 1955. – № 2. – С. 79-89.

- Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. – М., 1956. – 260 с.
- Смирницкий А.И. Морфология английского языка. – М., 1959. – 440 с.
- Советский энциклопедический словарь. – 4-е изд., испр. и доп. – М., 1989. – 1632 с.
- Современная русская лексикология. – М., 1966. – 192 с.
- Солнцев В.М. К вопросу о семантике, или языковом значении (вместо предисловия) // Проблемы семантики. – М., 1974. – С. 3-11.
- Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. – 2-е изд., доп. – М., 1977. – 341 с.
- Сосина Р.В. А.А. Потенция о значении слова // Уч. зап. / Рязан. гос. пед. ин-т. Каф. рус. яз. – 1962. – Т. 30. – С. 165-181.
- Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. – М., 1977. – 695 с.
- Стеблин-Каменский М.И. Об основных признаках грамматического значения // Вестн. ЛГУ. – 1954. – № 6. – Сер. обществ. наук. – Вып. 2. – С. 159-169.
- Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Опыт исследования. – М., 1997. – 824 с.
- Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. – Воронеж, 1985. – 171 с.
- Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова. – Воронеж, 1979. – 156 с.
- Стернин И.А. Речевая номинация и варьирование лексического значения слова // Проблемы семантики русского языка. – Ярославль, 1986. – С. 3-13.
- Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. – М., 1973. – 366 с.
- Тимофеев К.А. Еще раз о семантике слова // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования: Сб. науч. тр. – Новосибирск, 1977. – Вып. VI. – С. 50-57.
- Торопцев И.С. Язык и речь. – Воронеж, 1985. – 199 с.
- Туркина Р.В. О зависимости значений глаголов от их синтаксических признаков // Программа и тез. докл. к VIII науч.-метод. конф. Сев.-Зап. зон. объединения каф. рус. яз. пед. ин-тов. – Л., 1966. – С. 73-75.
- Тышлер И.С. О лексической полисемии слова: (На материале англ. яз.) // Язык и общество. – Саратов, 1967. – С. 178-194.
- Универсальный энциклопедический словарь. – М., 1999. – 1551 с.
- Уфимцева А.А. Опыт изучения лексики как системы. – М., 1962. – 287 с.
- Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка. – М., 1968. – 272 с.

Филин Ф.П. Советское языкознание: теория и практика // Вопр. языкознания. – 1977. – № 5. – С. 3-12.

Философская энциклопедия. – М., 1970. – Т. 5. – 740 с.

Фоменко Ю.В. К вопросу о единице языка // Изв. СО АН СССР. – 1979. – № 11. – Обществ. науки. – Вып. 3. – С. 119-125.

Фоменко Ю.В. О природе грамматического значения // Семантические категории языка и методы их изучения: [Тез. сообщ.] – Уфа, 1985. – 4.2. – С. 94-95.

Фоменко Ю.В. О ситуации в современной лингвистике // Проблемы интерпретации в лингвистике и литературоведении: Материалы Первых Филол. чтений, посвящ. 65-летию Новосиб. гос. пед. ун-та. 24-25 ноября 2000 года. – Новосибирск, 2001. – С. 113-115.

Фоменко Ю.В. О характере видовой пары в русском языке (лексика или грамматика?) // Актуальные проблемы русской лексикологии: Межвуз. сб. науч. тр. – Новосибирск, 1998. – С. 77-90.

Фоменко Ю.В. О характере связи синтаксиса с семантикой // Русская лексикология и вопросы межуровневых связей. – Новосибирск, 1979. – С. 3-11.

Фоменко Ю.В. Слово и лексический контекст // Науч. тр. / Новосиб. гос. пед. ин-т. – 1974. – Вып. 109. Проблемы рус. лексикологии. – С. 3-11.

Фоменко Ю.В. Слово и синтаксический контекст // Вопросы структуры и функционирования русского языка. – Томск, 1981. – Вып. 4. – С. 3-9.

Фоменко Ю.В. Слово как единица языка // Слово в системе и тексте: Межвуз. сб. науч. тр. – Новосибирск, 1988. – С. 3-20.

Фоменко Ю.В. Типы лексических значений в русском языке // XI науч. сессия Новосиб. гос. пед. ин-та, посвящ. 50-летию Велик. Октябр. соц. революции: Материалы к сессии. – Новосибирск, 1967. – Вып. 4. Рус. яз. – С. 3-13.

Фоменко Ю.В. Учение о слове: Учеб. пособие. – Новосибирск, 1991. – 64 с.

Фоменко Ю.В. Язык и речь: (Пособие для студентов). – Новосибирск, 1990. – 77 с.

Фоменко Ю.В., Ничман З.В. Глаголы русского языка, объединенные семой удара // Актуальные проблемы русской лексикологии: Межвуз. сб. науч. тр. – Новосибирск, 1998. – С. 23-41.

Фомина М.И. Современный русский язык: Лексикология. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1983. – 335 с.

Харченко В.К. Разграничение оценочности, образности, экспрессии и эмоциональности в семантике слова // Рус. яз. в школе. – 1976. – №3. – С. 66-71.

Цой А.А. Значение слова и структура предложения // Программа и тез. докл. конф. по рус. и слав, филологии. – Самарканд, гос. ун-т. Филол. фак-т, 1963. – С. 49-61.

Цой А.А. Семантическое согласование как форма организации внутренней семантической структуры словосочетания и предложения // Лингвистическое наследие Т.П.Ломтева и вопросы русистики: Сб. науч. тр. – Днепропетровск, 1984. – С. 121-124.

Чейф У. Значение и структура языка. – М., 1975. – 432 с.

Черкасова Е.Т. Переход однозначных слов в предлоги. – М., 1967. – 280 с.

Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. – М., 1964. – 316 с.

Шафф А. Введение в семантику. – М., 1963. – 376 с. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. – 2-е изд. – М., 1941. – 620 с.

Шаховский В.И. Проблема разграничения экспрессивности и эмотивности как семантической категории лингвистилистики // Проблемы семасиологии и лингвистилистики. – Рязань, 1975. – Вып. 2. – С. 3-25.

Шмелев Д.Н. О типах лексических значений слов // Проблемы современной филологии. – М., 1965. – С. 288-292.

Шмелев Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка. – М., 1964. – 244 с.

Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. – М., 1973. – 280 с.

Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (На материале рус. яз.): Автореф. дис.... д-ра филол. наук. – М., 1969. – 27 с.

Шовкун В.И. Некоторые вопросы синтаксиса, семантики и их взаимосвязи в системе общего лингвистического описания // Теоретич. и эксперимент, исслед. в области структ. и приклад, лингвистики. – М., 1973. – С. 248-278.

Шрамм А.Н. Структурные типы лексических значений слова: (На материале качеств, прилагательных) // Филол. науки. – 1981. – № 2. – С. 58-64.

Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений об эксперименте в языкознании // Звегинцев В.А. Хрестоматия по истории языкознания XIX-XX веков. – М., 1956. – С. 252-263.

Щетинкин В.Е. Двусмысленность как лингвистическое явление // Проблема слова и словосочетания: Межвуз. сб. науч. тр. – Л., 1980. – С. 5-13.

Щур Г.С. О двух принципах группировки лингвистических единиц // Уч. зап. / Ярослав, гос. пед. ин-т. – 1971. – Вып. 84. – С. 37-44.

Щур Г.С. О некоторых общих категориях лингвистики // Вопросы общего языкознания. М., 1964. – С. 16-31.

Щур Г.С. Теории поля в лингвистике. – М, 1974. – 255 с.

Якобсон Р. Взгляды Боаса на грамматическое значение // Якобсон Р. Избр. раб. – М., 1985. – С. 231-238.

Якобсон Р.О. Выступление на 1-м международном симпозиуме «Знак и система языка» (Эрфурт, ГДР, 1959) // Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. – М., 1965. – Ч. II. – С. 395-402.

Янко-Триницкая Н.А. Процессы включения в лексике и словообразовании // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. – М., 1964. – С. 18-35.

Научное издание

Фоменко Юрий Викторович

Очерки по лексикологии

Компьютерная верстка

Лицензия ЛР 020059 от 24.03.97

Подписано в печать 23.04.04. Формат бумаги 60х84/16
Печать RISO. Усл. печ. л. 9,3. Уч.-изд.л. 10. Тираж 300 экз.
Заказ № .

Педуниверситет, Новосибирск, 126, Виллюйская, 28.